

ФОРМИРОВАНИЕ И СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ДИАСПОР В РОССИИ

ФОРМИРОВАНИЕ И СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ДИАСПОР В РОССИИ

Материалы Международной
научно-практической конференции

Оренбург 2013

Правительство Оренбургской области

Научно-исследовательский институт истории и этнографии Южного Урала
Оренбургского государственного университета

Оренбургская областная универсальная научная библиотека им. Н.К. Крупской

Ассамблея народов Оренбургской области

ФОРМИРОВАНИЕ И СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ДИАСПОР В РОССИИ

*Материалы Международной
научно-практической конференции*

Оренбург 2013

УДК 323.1 (470) (=575)
ББК 66.3 (2Рос), 5
Ф 79

Формирование и современное положение среднеазиатских ди-
Ф79 аспор в России. Материалы Международной научно-практичес-
кой конференции. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2013.
– 186 с.

ISBN 978-5-4417-0344-4

В сборнике представлены материалы Международной научно-практической конференции «Формирование и современное положение среднеазиатских диаспор в России» (14 июня 2013 г., Оренбург). Книга объединяет статьи, раскрывающие историю дипломатических и торговых связей России с Востоком, складывание и развитие среднеазиатских общин в Оренбургском крае, материальную и духовную культуру таджикского, узбекского и киргизского народов, вклад российской и советской этнографической науки в её изучение, современные проблемы трудовой миграции из стран Центральной Азии, самоорганизацию переселенцев в рамках национально-культурных объединений. Издание адресовано широкому кругу читателей, учёных и специалистов, интересующихся историей и современным положением народов Южного Урала.

УДК 323.1 (470) (=575)
ББК 66.3 (2Рос), 5

ISBN 978-5-4417-0344-4

© Коллектив авторов, 2013
© ООО ИПК «Университет», 2013

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

Уважаемые участники конференции!

Разрешите сердечно приветствовать вас от имени Губернатора Оренбургской области Ю. А. Берга и поздравить с началом работы Международной научно-практической конференции «Формирование и современное положение среднеазиатских диаспор в России».

Исторически Россия складывалась как многонациональное государство, где бок о бок жили народы, различавшиеся языками, традициями и верованиями.

Оренбургский край, расположенный на стыке Европы и Азии, с самого своего основания оказался непосредственной зоной контактов двух культур – азиатской и европейской, двух мировых религий – христианской и мусульманской, тюркских, славянских и других языков.

Согласно привилегии, пожалованной г. Оренбургу императрицей Анной Иоанновной в 1734 г., было разрешено селиться здесь не только представителям «...всякого народа российским» купцам, мастеровым и других, но и иноземцам из других государств: «тутошним башкирскому народу, и живущим с ними новоподданными киргизским и каракалпакским народам, из азиатских стран приезжим грекам, ташкентцам и иным всякого звания и веры, в г. Оренбург приходите, селиться, жить, торговать и всяким ремеслам промышленять...».

Через Оренбургскую губернию осуществлялось взаимодействие, торгово-экономические, политические и культурные контакты с государствами и народами Средней Азии.

История формирования многонационального оренбургского социума, находит отражение и в нашей сегодняшней жизни. В Оренбургской области, по данным последней переписи 2010 г., в традиционном добрососедстве проживают представители 126 национальностей и 18 конфессий.

Такое разнообразие многонационального и конфессионального состава населения Оренбуржья предопределяет специфику деятельности органов государственной власти по сохранению и развитию национальных культур.

В Оренбургской области успешно реализуются целевые проекты и программы, направленные на сохранение культурного насле-

дия, поддержку традиционного народного искусства, социокультурную интеграцию и патриотическое воспитание подрастающего поколения.

Во многом благодаря вниманию органов власти к вопросам межнациональных отношений, взаимодействию с институтами гражданского общества, планомерной работе Оренбуржье входит в число этнополитически стабильных регионов.

Успешно проводится в жизнь ведомственная целевая программа Аппарата Губернатора и Правительства Оренбургской области «Реализация модели региональной национальной политики Оренбургской области на 2013-2015 годы».

Основное внимание в действующей программе национальной политики уделяется именно созданию условий для сохранения, развития и пропаганды этнокультурного наследия народов Оренбуржья.

Еще одним важным направлением реализации данной программы является поддержка этнокультурной деятельности национально-культурных общественных объединений. Всего в области в настоящее время насчитывается 127 национальных объединений, осуществляющих большую и разноплановую работу, направленную на сохранение и развитие самобытных национальных культур народов Оренбуржья.

Среди них достойное место по праву занимают и национальные центры, представляющие среднеазиатские народы: таджиков, узбеков, кыргызов.

По официальным данным переписи, в области проживают 4964 узбека, 4093 таджика, 688 кыргызов. Учитывая миграционные процессы, есть все основания предполагать, что реальная численность представителей этих народов в Оренбургской области значительно выше.

В целях создания условий для сохранения национальных культур этих народов создано 10 национально-культурных общественных объединений, в том числе 6 таджикских и по 2 объединения узбеков и кыргызов.

С 2003 г. в области функционирует региональная общественная организация таджикистанцев «Вахдат» («Единство»). В апреле 2006 г. была зарегистрирована Оренбургская городская общественная организация таджикистанцев «Национально-культурный центр «Хамшахриён» («Земляки»). В феврале 2007 г. зарегистрирована Оренбургская региональная общественная организация таджиков и таджикистанцев «Содействие». В мае этого же года была зарегистри-

рована национально-культурная автономия таджикистанцев г. Орска, в июле – местная таджикская национально-культурная автономия г. Оренбурга, а в декабре – Оренбургская региональная таджикская национально-культурная автономия. У истоков создания всех этих организаций стоял нынешний руководитель региональной таджикской автономии Толиб Мамурович Баротов.

Первые организации узбеков были созданы в Оренбуржье в 2004 г., когда были зарегистрированы уже прекратившая свою активную деятельность Оренбургская региональная общественная организация узбекистанцев «Достлик» («Дружба»), а также действующая в г. Бузулуке Оренбургская областная узбекская национально-культурная общественная организация «Соотечественники».

В 2009 г. была создана Оренбургская областная общественная организация «Узбекский общественный центр «Соотечественники+»», руководителем которой является присутствующий сегодня в этом зале Абдулла Худайбергенович Камалов.

Так же с 2009 г. начала действовать Оренбургская областная общественная организация «Национальный центр кыргызстанцев «Ала-Тоо-Оренбург». А в следующем году была зарегистрирована Местная национально-культурная автономия кыргызов г. Оренбурга «Мекендеш» («Соотечественник»), руководителем которой Таалайбек Жандар Уулу также принимает участие в нашей сегодняшней конференции.

Таджикскими, узбекскими, кыргызскими организациями ежегодно проводится национальный праздник «Науруз». В последние годы этот праздник носит межнациональный характер, и в нем принимают самое активное участие представители самых различных национальностей. Артисты, представляющие таджикское, узбекское и кыргызское общества, участвуют во многих межнациональных праздниках и фестивалях, таких как, например, праздник национальных культур «Венок дружбы».

При этом следует отметить, что деятельность этих национальных центров постоянно развивается, и, как мы надеемся, новый мощный импульс будет дан с открытием таджикского национально-культурного центра «Таджикистан», в котором планируется разместить ресторан национальной кухни, этнографический музей, библиотеку литературы на таджикском языке.

Есть, конечно, и определенные проблемные вопросы, связанные с современными миграционными процессами, с осуществлением

комплекса мер по интеграции и адаптации мигрантов.

И сегодня имеется хорошая возможность обсудить эти и многие другие вопросы на высоком научном уровне, выработать научно обоснованные рекомендации и предложения.

Убежден, что проведение сегодняшней конференции, открытый и заинтересованный диалог будут способствовать дальнейшей гармонизации всего комплекса межнациональных отношений в Оренбургской области.

Дорогие друзья!

Разрешите ещё раз поздравить всех собравшихся здесь с началом работы Международной научно-практической конференции «Формирование и современное положение среднеазиатских диаспор в России».

Желаю всем участникам конференции плодотворной работы и новых научных открытий.

Злобин Ю. П. (Оренбург)

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ФОРМИРОВАНИЯ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ДИАСПОР В ОРЕНБУРГСКОМ КРАЕ В XVIII–XIX ВЕКАХ

В сферу действия российской административной системы представители отдельных народов Средней Азии стали включаться по своему желанию и воле еще до образования Оренбургской губернии. Правовую основу под этот процесс подвела императрица Анна Иоанновна, даровав 7 июня 1734 года привилегию будущему городу-крепости Оренбургу. В этом документе говорилось: «Сему городу, с Богом, вновь строить назначенному, именоваться Оренбург, и во всяких случаях называть и писать сим от Нас данным именем, в котором городе Всемилоостивейшие жалует и даем соизволение всем и всякаго народа российским, кроме беглых из службы Нашей и людей и крестьян, в подушной оклад положенных, купечеству, мастеровым и разночинцам, также иностранных европейских государств иноземцам, купцам и художникам и тутошным башкирскому народу, и живущим с ними, и новоподданным Нашим киргис-кайсацким, каракалпакским народам, и из азиатских стран приезжим грекам, армянам, ин-

дейцам, персам, бухарцам, хивинцам, ташкентцам, калмыкам и иных всякаго звания и веры приходить, селиться, жить, торговать, и всяким ремеслом промышлять, и паки на свои прежния жилища отходить свободно и невозбранно без всякой опасности и удержания»¹.

Россиянам и представителям других народов, включая народы Средней Азии, решившим постоянно жить в Оренбурге, по этой привилегии бесплатно предоставлялась земля под дворы и хозяйственные помещения, были обещаны городское самоуправление в форме магистратов, свобода вероисповедания, освобождение от воинского постоя, беспошлинная торговля на 3 года и другие льготы².

Первыми на призыв императрицы Анны Иоанновны откликнулись среднеазиатские купцы, заинтересованные в постоянном, а не периодическом ведении торговых дел в России, и пленные разных национальностей, бежавшие из Казахской степи под защиту российской власти. В «Топографии Оренбургской губернии» П. И. Рычкова, в главе 4-ой, имеется раздел, названный «О новопришедших и в Оренбургской губернии поселившихся азиатских народах». В нем автор привел сведения о представителях народов Среднего Востока, решивших стать российскими подданными и избравших местом своего нового жительства Оренбургскую губернию³.

В числе первых переселенцев из раннефеодальных государств Средней Азии были 14 торговых людей – выходцев из Бухарского эмирата, Хивинского и Кокандского ханств. Среди них были 8 хивинцев, 3 кашгарца, 1 ташкентец, 1 бухарец и 1 уроженец города Балха. Им по определению Оренбургской губернской канцелярии отвели постоянное место пребывания в Сеитовской слободе на берегу реки Сакмары в 18 верстах от Оренбурга. Среднеазиатских торговцев поселили совместно с татарами этой слободы, также занимавшимися торговлей⁴. Одновременно и даже раньше торговых людей под защиту российских военных администраторов стали стекаться представители многих национальностей, захваченные кочевниками-казахами в плен и оказавшиеся у них на положении домашних рабов. По подсчётам П. И. Рычкова, в числе таких беглецов были 106 персов, 17 аравитян (арабов), 15 турок, 4 армянина, 21 каракалпак, 7 бухарцев, 5 узбеков, 4 хивинца, 4 кубанца, 4 тальша, 2 афганца, а также представители других среднеазиатских народов. Их общее число составило 212 человек⁵.

По новой привилегии, пожалованной Оренбургу в 1752 году уже императрицей Елизаветой Петровной, часть беглых из Младше-

го казахского жуза в количестве 68 человек, принявших христианство, решением Оренбургской губернской канцелярии направили на постоянное место жительства в Уфимскую провинцию губернии. Их разместили в районе Нагайбакской крепости вместе с новокрещеными татарами-россиянами. Остальных беглецов, отказавшихся принять христианскую религию, по указу Коллегии иностранных дел от 16 марта 1752 года оренбургские власти вернули опять в рабское состояние их прежним владельцам – казахам Младшего жуза, которые считались российскими подданными. Коллегия иностранных дел предписала губернским властям впредь беглых из Казахской степи не принимать, за исключением турок, а «отдавать обратно к киргиз-кайсакам во удовольствие их, оставляя токмо тех, кои пожелают воспринять святое крещение ...»⁶. Такую свою позицию о беглых разных национальностей из Казахстана и Средней Азии чиновники Коллегии иностранных дел мотивировали любопытным образом: «... Желательно, что они от времени до времени иногда будут приходить и умножаться, что не только всегда желать, но о том по крайней возможности стараться христианскую должность от них требовать»⁷. Таким образом, гостеприимный прием в Оренбургской губернии беглым заграничным иноверцам в принципе не был запрещен, но был обусловлен обязательным принятием ими догматов православной христианской церкви.

В начале царствования Елизаветы Петровны в 1741 году «каракалпакские старшины Абейдулла Мурат-Ших, с сыном своим Уразан-Батыром и много других, кочуя между реками Сыр-Дарьею и Адамом, просили через поручика Гладышева, принять их с народом, до 30 000 кибиток, в подданство России»⁸. В следующем 1742 году поручик Оренбургского драгунского полка Дмитрий Гладышев, в присутствии хана Младшего казахского жуза Абулхаира, привел каракалпакских старшин и их роды к присяге императрице. Сочиненная на скорую руку присяга была короткой: «Божьим повелением и по своей вере, пришли мы в подданство Российское, поцеловав Коран, присягали мы нижеописанные каракалпаки» (далее следовали их имена и тамги)⁹. Текст этой присяги, письмо хана Абулхаира и каракалпакских старшин, роды которых находились в вассальной зависимости от хана Младшего жуза, поручик Д. Гладышев представил тайному советнику Ивану Ивановичу Неплюеву. Будущий губернатор Оренбургской губернии пригласил знатных каракалпаков приехать в Оренбург, находившийся в то время на месте современного Орска.

Каракалпакские старшины в ответ на приглашение освободили всех российских пленных, находившихся у них, очевидно из опасения, чтобы самим не оказаться в плену у русских¹⁰. По данным И. Жуковско-го, чиновника по особым поручениям при оренбургском военном губернаторе, с 1742 по 1745 год было освобождено из плена в Казахской степи и возвращено на территорию губернии 1182 российских подданных: русских, башкир и калмыков¹¹.

В этом же 1742 году в Оренбург прибыли каракалпакские депутаты батыры Мамор и Кушан в сопровождении хана Абулхаира и здесь от имени каракалпакского народа торжественно повторили присягу, данную ими поручику Д. Гладышеву в степи. «Переход каракалпак в русское подданство – писал историк-краевед В. Н. Витевский – обещал немало выгод для развития внешней торговли Оренбургского края, почему Неплюев всячески старался приохотить новых подданных к поселению в Оренбурге и с этой целью снова командировал Гладышева в аулы каракалпак. Вскоре Гладышев возвратился из орды, в сопровождении двух пленных и восьми знатных каракалпакских старшин, которые были отправлены в Петербург»¹². В августе 1743 года императрица Елизавета Петровна приняла делегацию каракалпакских старшин и вручила им грамоту о принятии всего каракалпакского народа в российское подданство. Тем временем И. И. Неплюев отправил в степь унтер-офицера Филиппа Гордеева, хорошо знавшего тюркские языки, и толмача (переводчика) Мансура Дельного с подарками каракалпакам. Ф. Гордеев и М. Дельный, исполнив поручение, 1 ноября того же года возвратились в Оренбург в сопровождении нескольких знатных каракалпак. Посланцы были обласканы И. И. Неплюевым, а один из них – Халвет-Ших, сын Мурат-Шиха, считавшийся у каракалпак святым и особо знатным, при отъезде из Оренбурга 10 ноября 1743 года получил указ о даровании ему и его отцу потомственного тарханства, освобождавшего от уплаты ясака в российскую казну¹³.

Динамично развивавшиеся отношения И. И. Неплюева с каракалпакской знатью нарушил хан Младшего казахского жуза Абулхаир, раньше немало содействовавший принятию каракалпаками российского подданства. Опасаясь роста влияния России в их среде и умаления собственной власти, он вероломно напал их аулы, многих каракалпак убил или пленил, захватил их стада и отары. Прибывшую из Петербурга делегацию каракалпакских старшин Абулхаир ограбил, отнял у Д. Гладышева, сопровождавшего делегатов, грамоту

о приеме каракалпаков в российское подданство. После этих событий каракалпакские роды откочевали далеко на юг под защиту зюнгорского (джунгарского) хана Галдан-Цэрена, а обескураженный Д. Гладышев вернулся к И. И. Неплюеву в Оренбург. Лишь небольшая группа каракалпаков сумела впоследствии бежать из казахского плена в Оренбургскую губернию¹⁴.

В 1752 году добровольные выходцы из кочевых каракалпакских родов и каракалпаки, бежавшие из казахского плена, получили привилегию селиться в Уфимской провинции Оренбургской губернии по соседству с местными башкирами¹⁵. Такую же льготу получили и сарты (оседлые узбеки и равнинные таджики) из числа бухарских торговцев, караван-баши и погонщиков торговых караванов, решивших постоянно обосноваться в Российской империи. По данным 5-ой ревизии наличного мужского населения России, состоявшейся в 1795 году, сартов было в губернии 475 душ мужского пола. Они получили разрешение разместиться компактно в Троицком уезде губернии, образовав особую Сартскую волость, и наравне с башкирами несли службу по охране Оренбургской пограничной линии¹⁶.

В середине 30-х годов XIX века в губернии проживали на постоянной основе каракалпаки в количестве 243 душ мужского пола. Из этого числа 19 каракалпаков-мужчин, сравнительно недавно прибывшие в Россию, пользовались 10-летней льготой, освобождавшей от всех повинностей при водворении на новое место жительства. Кроме них, в губернии на правах местных жителей находились также служилые сарты. Их было 485 душ мужского пола. И каракалпаки, и сарты были отнесены вместе с семьями к неподатным сословиям, т. е. были служилыми по отношению к государству национальными группами. Но в чем заключалась их служба, автор статистического описания губернии, оренбургский гражданский губернатор Иосиф Львович Дебу не сообщил¹⁷. Вероятнее всего они были зачислены наряду с коренными народами края (башкирами, казахами, татарами) в казачье военно-служилое сословие и по этой причине не выплачивали подушную подать. Не случайно И. Л. Дебу в своей работе именовал оренбургских узбеков и таджиков как «служилых сартов»¹⁸.

Что же касается среднеазиатских купцов, помещенных на постоянное жительство в Сеитовскую слободу, то они и их потомки успешно вели торговые дела во второй половине XVIII – начале XIX века. Один из них – именитый купец Дос-Мухамед Байкишин, сын переместившегося в Россию бухарского купца Байкиши, – по хода-

тайству генерал-губернатора Уфимского и Симбирского наместничеств барона О. А. Игельстрома за услуги, оказанные России в развитии торговли с Бухарой «и по другим важным поручениям, которые он выполнял всегда с немалым приращением казенного интереса», был удостоен в 1792 году чина титулярного советника¹⁹. Этот чин был равен чину армейского капитана и давал право на личное дворянство.

Новый импульс росту числа среднеазиатских диаспор в Оренбургской губернии придало включение региона в состав Российской империи в результате военных экспедиций 1864–1885 годов. В ходе его завоевания в 1867 году было образовано Туркестанское генерал-губернаторство, Кокандское ханство упразднено, а Бухарский эмират и Хивинское ханство перешли под российский протекторат. Территория Средней Азии была разделена на 5 областей: Закаспийскую, Самаркандскую, Семипалатинскую, Семиреченскую, Сырдарьинскую и Ферганскую. Все местные жители этих областей стали россиянами. Были ликвидированы серьезные препятствия в виде укрепленных пограничных линий, таможен, чиновничьего произвола и т. п., мешавшие перемещению представителей среднеазиатских народов в губернию.

Навстречу широкому колонизационному потоку из губерний Европейской России в Среднюю Азию полился пока еще тонкий ручеек переселенцев из этого многонационального региона. Часть из них местом своего постоянного жительства избрала Оренбургскую губернию. В 1897 году в Российской империи была проведена первая всеобщая перепись населения, учитывавшая жителей по сословной принадлежности, полу и возрасту, месту рождения, национальности, роду занятий, уровню грамотности и другим показателям.

В сословном отношении представители среднеазиатских народов были объединены вместе с казаками в одну группу, названную «Инородцы», насчитывавшую 5126 жителей обоего пола²⁰. Из этой большой группы удалось выделить представителей народов Средней Азии, оперируя другими показателями, такими как место рождения, родной язык, род занятий в соответствии с родным языком.

По данным переписи, в Оренбургской губернии уроженцами областей Среднеазиатского региона объявили себя 858 ее жителей. Из этого числа родились в Закаспийской области 49 человек, в Самаркандской – 61 человек, в Семипалатинской – 25 человек, в Семиреченской – 58 человек, в Сырдарьинской – 549 человек, в Ферганской области – 110 человек²¹.

Национальная принадлежность жителей Российской империи определялась переписчиками по родному языку, который выяснялся в ходе опроса респондентов. Туркменский язык в качестве родного языка назвали 33 жителя Оренбургской губернии (19 мужчин и 14 женщин), сартский язык – 173 жителя (120 мужчин и 53 женщины), узбекский язык – 43 жителя (33 мужчины и 10 женщин), к другим тюркским языкам, без указания к каким конкретно, составители итогов переписи отнесли 466 жителей (236 мужчин и 230 женщин), оговорив в примечании, что в последней языковой группе было 8 караимов (4 мужчины и 4 женщины). Всего – 715 человек, что не слишком сильно расходится с данными об уроженцах областей Среднеазиатского региона, прибывших в губернию (858 человек). Сложившееся к 1897 году соотношение между мужчинами (408 человек) и женщинами (307 человек) свидетельствовало о том, что переселенцы из Средней Азии в подавляющем своем большинстве были не холостыми и незамужними, а семейными людьми²².

По территории губернии выходцы из Среднеазиатского региона были размещены следующим образом. В городах проживали все учтенные туркмены и узбеки (76 человек), а также большинство сартов (166 человек из 173). Основными местами их пребывания были города Оренбург и Илецкая Защита. Общая численность этой группы городских жителей составила 242 человека, а совместно с представителями других среднеазиатских народов – 259 человек. Представители других народов (каракалпаки, караимы, киргизы), наоборот, нашли себе пристанище в сельской местности (449 из 466 человек), избрав основным местом своего обитания уезды губернии, главным образом, Орский и Троицкий уезды²³.

Перепись 1897 года учитывала также род занятий трудоспособного населения в соответствии с родным языком. Представителей среднеазиатских диаспор составители переписи объединили в отдельную группу, обозначив ее, в силу малочисленности, как «Остальные», или «Другие», группы населения. В группе городских жителей (главным образом таджиков, туркменов, узбеков) основными занятиями были торговля и торговое посредничество, а в меньшей степени – занятия разными ремеслами и извозом. Группа сельских жителей (преимущественно каракалпаки, караимы, киргизы) была занята в большей мере животноводством и земледелием и в значительно меньшей – разными ремеслами, торговлей и извозом. В числе ремесел наиболее распространенными среди всех формировавшихся диаспор были по-

шив одежды и изготовление обуви, вышивка, гончарное дело, изготовление, чеканка и гравировка медной посуды, резьба и роспись по дереву, резьба по камню²⁴.

Относительно компактное размещение уроженцев Среднеазиатского региона преимущественно в двух городах и двух уездах Оренбургской губернии позволяет сделать общий вывод о том, что на исходе XIX столетия сложились объективные предпосылки для завершения консолидации разных групп этих переселенцев в самостоятельные этнические диаспоры.

Примечания:

1. Полное собрание законов Российской империи. – Собрание первое. – Т. IX. – СПб., 1830. – № 6584.
2. Там же.
3. Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. 1762 год. Издано на средства Ф. И. Базилевского. – Оренбург: Оренбургское отделение Императорского Русского географического общества, 1887. – С. 134–137.
4. Там же. – С. 136; Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. – Уфа: Типография Оренбургского Губ. Правления, 1859. – С. 133.
5. Рычков П. И. Указ. соч. – С. 136.
6. Там же. – С. 136–137.
7. Там же. – С. 137.
8. Жуковский И. Краткое географическое и статистическое описание Оренбургской губернии. Составлено в 1832 году И. Жуковским. – Уфа: Губернская типография, 1880. – С. 34.
9. Там же. – С. 35.
10. Там же. – С. 35–36.
11. Жуковский И. Краткое обозрение достопамятных событий Оренбургского края, расположенных хронологически с 1246 по 1832 год, чиновником, состоящим при Оренбургском военном губернаторе по особым поручениям И. Жуковским. – СПб.: Тип. Н. Греча, 1832. – С. 14.
12. Витевский В. Н. И. И. Неплюев, верный слуга своего Отечества, основатель Оренбурга и устроитель Оренбургского края. Биографическо-исторический очерк. – Казань: Типография Имп. ун-та, 1891. – С. 154.
13. Там же. – С. 154–155.
14. Рычков П. И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. – Уфа: Госкомнаука РБ, 2001. – С. 137; Витевский В. Н. Указ. соч. – С. 155; Моисеев В. А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1998. – С. 79–97.
15. Жуковский И. Краткое географическое и статистическое описание Оренбургской губернии. – С. 40.
16. Дэн В. Э. Население России по пятой ревизии. Подушная подать в XVIII веке и статистика населения в конце XVIII века. – Т. 2, ч. 2. – М.: Университетская типография, 1902. – С. 289.

17. Дебу И. Л. Топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии в ее нынешнем состоянии. – М.: Университетская типография, 1837. – С. 37–38.
18. Там же. – С. 37.
19. Архив Государственного совета. – Т. 1. Совет в царствование императрицы Екатерины II (1768–1796). – СПб., 1869. – С. 270.
20. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – Т. XXVIII. Оренбургская губерния. – СПб., 1904. – С. 27.
21. Там же. – С. 24.
22. Там же. – С. 57.
23. Там же.
24. Там же. – С. 117–129.

Брежнева С. Н. (Тольятти)

ИЗ ИСТОРИИ УСТАНОВЛЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ И ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ С ГОСУДАРСТВАМИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Исторические связи между Россией и азиатскими территориями существовали еще в IX веке¹, хотя у историков есть основания полагать, что начались они гораздо раньше. Наиболее ранние сведения о существовавших в IX–X вв. исторических связях среднеазиатских ханств с Русью находятся в сообщениях восточных путешественников, купцов, которые были частыми посетителями поволжских и славянских городов, а также государственных мужей. Много ценных данных о западных народах в виде пересказа сохранил автор географического словаря по имени Якуп, живший в XIII в. Ряд сведений аналогичного характера имеется у арабо-среднеазиатских народов X в., побывавших с дипломатическими миссиями в Нижнем Поволжье. Торгово-посольские отношения народов, проживавших на территории Средней Азии, с Русью продолжались и после ослабления Саманидского государства. Они не затрагивали вопросов политического характера во взаимоотношениях с русскими властями. Первенство в этом направлении перешло к Хорезму, который являлся одним из развитых районов региона.

Торговые связи между русскими княжествами и Бухарой продолжали существовать даже во время монгольского господства². Более широкое развитие посольские связи получают с конца XIV в. в период правления Тамерлана и его преемников. Для спокойного товарообме-

на между Русью и среднеазиатскими государствами Тамерлан контролировал территорию до юго-восточных границ Русского государства.

Начиная с XV в. роль связующего звена в отношениях Средней Азии с Русью стало играть Казанское ханство.

После завоевания в середине XVI в. Московским государством Казанского и Астраханского ханств связи между среднеазиатскими ханствами и Россией становятся еще прочнее. Они стали осуществляться путем отправки посольств, причем инициатива в этом деле исходила как от среднеазиатских государств, так и от Московской Руси. Среднеазиатских ханов к сближению с Россией вынуждали войны, которые они вели между собой.

Регулярные связи московских царей со Средней Азией, точнее, с Хивой и Бухарой, начались в эпоху Шейбанидов. Начало им положило путешествие английского купца Дженкинсона в 1558–1559 гг.³ Начиная с 1565 г. и до 1619 г. в Москву направлялись ряд посольств из Хивы и Бухары с целью добиться свободной торговли в городах Русского государства.

В 1557 г. Русь посетили бухарские и хивинские посольства с целью добиться свободной торговли в России купцам Бухары и Хивы. В свою очередь правительство Ивана Грозного, стремясь иметь тесные торговые связи с государствами Средней Азии, при содействии англичан учредило так называемую «Московскую кампанию», где на дипломатической службе в качестве переводчиков, толмачей, писцов, проводников, гонцов и посланников использовались служилые люди из Волго-Уральского региона. Письма и грамоты, предназначенные для восточно-азиатских стран и Индии, писались на тюркском языке, а пришедшие переводились на русский. В 1558 г. от России, впервые в качестве посла для ознакомления со Средней Азией в Бухару был отправлен англичанин Дженкинсон, а в 1567 г. Иван Грозный послал И. Петрова и казанца Бурнаша Ялышева с товарищами «...провесть неизвестные государства до Китая». В 1561 г. в Москву из Бухарского ханства было направлено посольство, в котором принял участие ташкентский представитель Шейбанидов. А в 1574 г. ташкентский Шейбанид Мухаммед Дервиш посылал своего посланника в Москву от собственного имени.

С 1583 по 1590 годы посольские связи России и Бухары заметно оживились, о чем свидетельствует следующий факт. За эти годы Россию посетили пять бухарских посольств. Они добивались развития русско-бухарской торговли и свободной торговли для бухарских

купцов на Руси, в особенности в Казани и Астрахани. К этому времени Россия стала более могущественным государством, о чем свидетельствуют следующие данные. В 1589 г. к царю Федору Иоанновичу прибыл с письмом посол от эмира бухарского Абдаллаха. В письме, по незнанию, не были отмечены царские титулы, а поэтому встреча посла с царем не состоялась, и письмо царю передано не было. С послом встречался Борис Годунов, который объяснил обиду, нанесенную царю пропуском в письме царского титула. Расставаясь с послом, Годунов обещал ходатайствовать перед царем об установлении более тесных контактов между правителями. На этом на некоторое время обмен государственными посольствами прекратился, но отношения поддерживались между торговыми людьми.

В XVII в. между Бухарой и Россией происходил регулярный обмен посольствами. В течение этого века бухарские и хивинские посольства 16 раз посещали Москву и пограничные русские города, а русские были в Средней Азии 9 раз. В это время происходит становление российской дипломатической службы. Для этих целей был образован Посольский приказ.

В 1619 г. в Москву прибыло первое официальное посольство бухарского хана Имамкули, принятое царем Михаилом Федоровичем. В ответ было отправлено русское посольство во главе с дворянином Иваном Данилычем Хохловым, побывавшее в Хиве, Бухаре и Самарканде и вернувшееся в 1621 г. В 1669 г. при царе Алексее Михайловиче в качестве послов к хивинскому хану были отправлены И. Федотов и М. Муромцев. Почти одновременно с отправкой посольства в Хиву было отправлено посольство в Бухару, которое возглавили братья Семен и Борис Пазухины. В письме к хану царь просил освободить пленных русских и сдать их посольству. В этом письме также говорилось, что царь желает дружбы с бухарским правителем. Эмир Абдул-Азиз остался очень доволен и в знак уважения к московскому царю отпустил с посольством 9 человек русских пленных, кроме того, сами Пазухины выкупили 22 человека. В 70-х гг. XVII в. для выполнения важных дипломатических задач в Среднюю Азию ездили Байк-рым Карманов, Байбир Таишев, Исенчюр Байкишев. В XVII–XVIII вв. известным дипломатом являлся Юсуф Касимов. В. В. Бартольд писал, что он много сделал для развития взаимоотношений России со среднеазиатскими странами.

В 1675 г. послом в Бухару был отправлен В. Даудов с поручением требовать возвращения пленных, а в письме к эмиру напомина-

лось, что Пазухину эмир обещал отправить всех пленных. Владелец Бухары оказал Даудову полное внимание и почет, но по поводу освобождения пленных заявил: «что в настоящее время это сделать не может, т. к. ведет войны, а для войны ему люди нужны». И все же Даудову удалось выкупить 33 человека пленных.

В течение всего XVII в. проходил оживленный обмен посольствами, однако, установления сколько-нибудь регулярных сношений на официальной основе добиться не удалось. В течение XVI–XVII вв. из Хивы и Бухары в Москву было направлено свыше 60 посольств, а ответных русских посольств в эти среднеазиатские центры было послано 10⁴. Установились прочные торговые связи Средней Азии с Россией. Торговлей были связаны Поволжье, Приуралье и Западная Сибирь. Среднеазиатские купцы приезжали в Астрахань и Тобольск. Единство вероисповедания и близость языков к казанским татарам и башкирам облегчали торговые сделки. Мусульманские купцы из России ездили с товарами в Среднюю Азию.

Отправляемым посольствам вменялось в обязанность запоминать дорогу и пройденные земли, нахождение городов, рек, озер. Все сведения заполнялись в особую книгу и отмечались на карте («Книга большого чертежа»). Расспрашивали и иностранных купцов, это говорит о том, что в XVII в. Россия проявляла большой интерес к среднеазиатским народам. В то же время установлению прочных связей между среднеазиатскими ханствами и Россией мешали стихийные набеги казаков. Так, яицкие казаки во главе с атаманом Нечаем совершили набег на Хиву при хане Араб-Мухаммаде (1602–1623). Когда хана не было в Ургенче, тысяча казаков ворвалась в город, ограбила жителей и, пленив около тысячи молодых людей обоего пола, двинулась в обратный путь, но, настигнутая войсками Араб-Мухаммада, была уничтожена. Через некоторое время набег был совершен другим отрядом казаков под предводительством атамана Шама, но также неудачно. Атамана захватили калмыки, а его казаки попали в плен к хивинцам, где и погибли⁵.

XVIII век можно назвать новым этапом в русско-азиатских отношениях. В связи с развитием металлургической промышленности русское правительство стало проявлять интерес к рудным богатствам Средней Азии, в частности, залежам олова в Ала-Тау. Привлекали Россию и слухи о золотых россыпях, изобилием которых отличались берега Амударьи. Под влиянием этих сведений Петр I наметил план проникновения в ханства Средней Азии. Однако неудачный поход

князя А. Бековича-Черкасского в Хиву положил начало недоверию ханств к России, росту враждебных отношений.

Между тем, Россия с 1716 г. начала закладывать сибирскую линию укреплений, ставшую базой для дальнейшего продвижения на юг.

В 1721 г. в России находился бухарский посол. При возвращении его на родину отправили вместе с ним в Бухару послом итальянца Флорио Беневени. Ему было поручено узнать, какими товарами торгуют бухарцы, можно ли получить золото и дойти до тех мест. Беневени ехал с опаской через Кавказ, Персию в Бухару, а оттуда в Хиву. Его встретили враждебно, и он вынужден был бежать. В Россию итальянец вернулся только в 1725 г., после смерти Петра I. Донесения Беневени сохранились и в настоящее время находятся в отделе редких рукописей Государственной библиотеки г. Ташкента. В архиве внешней политики Российской империи находится переписка Коллегии иностранных дел с Ф. Беневени (1720–1726 гг.)⁶ и документы о поездке Ф. Беневени в Бухару и Хиву⁷.

В 1730 г. казахский хан Абулхаир отправил в Уфу посольство с просьбой принять Младший жуз в русское подданство потому, что его постоянно теснили джунгары и соседние ханства. 19 февраля 1731 года императрица Анна Иоанновна подписала жалованную грамоту хану Абулхаиру о принятии в русское подданство Младшего жуза. Для принятия соответствующей присяги в Казахстан с грамотой к хану Абулхаиру были направлены послы во главе с переводчиком Коллегии иностранных дел А. И. Тевкелевым. В 1732 г. состоялся переход Младшего жуза в подданство Российской империи, а Абулхаир получил от императрицы Анны Иоанновны грамоту о награждении его титулом «его степенства». Этому примеру последовала и большая часть Среднего жуза во главе с ханом Семеке в 1734 г. Состоявшийся в 1740 г. съезд представителей старшин и султанов Младшего и Среднего жузов способствовал закреплению первых результатов Российского подданства. Присутствовавшие на нем хан Абулмамбет и султан Аблай высказались за принятие российского подданства, стремясь обезопасить Казахстан от возможных вторжений джунгар. А. И. Левшин, подробно осветивший в своей монографии «Описание киргиз-казахских, или киргиз-кайсацких орд и степей» процесс присоединения казахских земель к России, писал: «Из двух зол, предстоящих им (казахам) легче было избрать то, которое обещало какие-нибудь выгоды, если не в настоящем, то, хотя в будущем»⁸.

Зная о благах покровительства России по отношению к казахским родам, правители Ташкента в 1734 году отправили своих послов к русскому представителю в Казахстане для выяснения условий присоединения Казахстана к России. Но дальше выяснения соглашений о развитии торговли с Россией и Казахстаном дело тогда не продвинулось.

О возрастающем интересе к среднеазиатским ханствам со стороны Российской империи свидетельствует тот факт, что в 1731 г. правительство Анны Иоанновны направило по три грамоты бухарскому⁹ и хивинскому¹⁰ ханам об отправке к ним полковника Гарбера для переговоров о возобновлении отношений и торговли. В 1734 г. бухарский хан отправил русской императрице грамоту с просьбой о посылке в Бухару русских купеческих караванов. Подлинник грамоты, украшенной растительным орнаментом, находится в архиве внешней политики Российской империи¹¹. Ответа хивинского хана русскому правительству обнаружить не удалось.

В 1734 г. обер-секретарь Сената И. К. Кириллов возглавил Оренбургскую экспедицию. Ему было поручено построить крепости и «на Аральском море российский флаг объявить», а также снарядить торговый караван «в Бухару и далее в Индию», принять меры к изысканию руд, в особенности золота.

В 1735 г. на реке Орь И. К. Кириллов заложил Оренбургскую крепость, которая впоследствии была перенесена на место слияния рек Сакмары и Яика, а крепость на Ори была переименована в Орск. Были возведены укрепления по Яику и Иртышу, через Оренбург шла торговля со среднеазиатскими купцами. В том же году была создана уральская линия укреплений. Город Оренбург стал практически центральным плацдармом в русских планах по развитию дальнейших отношений со Средней Азией. Академик В. В. Бартольд писал: «Несмотря на номинальное подданство киргизов (казахов) Оренбургская линия вместе с Иртышской долгое время оставалась фактической границей России»¹².

Сменивший И. К. Кириллова после его смерти в 1737 г. В. Н. Татищев пытался восстановить торговые связи со среднеазиатскими ханствами. В августе 1738 г. он снарядил в Ташкент торговый караван во главе с поручиком К. Миллером, которому было поручено добиваться беспошлинной торговли для русских купцов в Ташкенте, посетить бухарские города, разузнать о месторождениях руд, серебра, золота и провести геодезические съемки. Однако караван был разграблен казахами недалеко от Ташкента. И, тем не менее, торговля со сред-

неазиатскими ханствами не прекращалась. В Оренбурге, Семипалатинске, Орске, Троицке и Петропавловске были открыты меновые дворы. Но трудно было торговать из-за осложнений с казахами.

К 1752 г. от Омской крепости протянулась непрерывная линия крепостей через Петропавловскую до Оренбургской крепости. На этой линии было 11 крепостей, 33 редута и 42 маяка с количеством военного казачьего населения в них около 4 тыс. человек. На западе линия продолжалась от Оренбурга, на юг по правому берегу Яика (Урала) до Гурьева (Гурьев был заложен еще в 1640 г. купцом-промышленником Гурьевым). Таким образом, к середине XVIII в. на севере Средней Азии и Казахстана образовалось полукольцо из военных линий от верховьев Иртыша до реки Яик (Урал), сформировавшее широкий плацдарм русской политики в регионе.

Это создало новую ситуацию в Средней Азии. На севере – Россия, на юге – среднеазиатские ханства, а между ними – огромный территориальный массив, населенный казахскими племенами – Старшим, Младшим и Средним жузами и киргизскими родами. В этой ситуации выявился новый естественно-исторический процесс развития русско-среднеазиатских отношений, который способствовал сближению этих народов с Россией, расширению экономических и политических сношений между ними, оживлению социально-экономической и политической активности живущих здесь народов.

Инициатива торговых связей исходила от среднеазиатских купцов. В 1753 г. караван, отправленный наместником Оренбургского края И. И. Неплюевым в Хиву, был задержан. Торговля стала происходить в основном в пограничных районах, далее товары провозили среднеазиатские купцы. Торговля была меновой. Основным предметом вывоза из Бухары в Россию были хлопчатобумажная пряжа и хлопок-сырец (2/3 всего вывоза). В 1759 г. Высочайшим повелением графу Р. Воронцову было дано разрешение «по построению мореходных судов, учредить от астраханского порта с бухарцами, хивинцами и тухменцами на 50 лет торг не запрещенными товарами»¹³.

В это время старшины Младшего жуза перестали повиноваться Абулхаиру, он пытался усмирить их при помощи русских войск, но был убит султаном Бараком, в 1742 году присягнувшим России¹⁴. После убийства Абулхаира напряженными стали отношения Младшего жуза с Хивой и каракалпаками, с туркменами и калмыками. Средний жуз в 50-х годах был разорен войсками китайского императора и признал китайское подданство. Китайские войска стали вторгаться в сред-

неазиатские ханства. Осложнились отношения с Россией, поэтому хан Аблай присягнул Екатерине II, не порывая с Китаем (попав в двойное подданство)¹⁵. Притеснения оренбургской администрации по отношению к Младшему жузу привели к тому, что казахи принимали участие в восстании Е. Пугачева и после его подавления продолжали нападать на пограничные местности России.

Российское правительство было уверено в прочности своих торговых связей со Средней Азией, поскольку не было конкуренции со стороны других государств. Но во второй половине XVIII в. положение изменилось. Вытеснение к 1764 г. из Индии Франции и утверждение там Англии встревожило российское правительство.

Еще в 1760 г. была учреждена русская «Коммерчествующая в Бухаре и Хиве компания», но она так и не сумела развить своей торговой деятельности из-за противодействия со стороны ханств.

Опасаясь английской конкуренции, русское правительство усилило внимание к Средней Азии, где в 1770–1780 гг. возникли благоприятные условия для торговли.

Заинтересованное в торговле со Средней Азией правительство Екатерины II в 1780 г. направило в Бухару переводчика Бекчурина, а в 90-х годах XVIII в. в Хиву – майора Бланкеннагеля. Им предстояло выяснить возможность торговли и открытия торговых контор. Бекчуриным была составлена записка «Известие о Большой Бухарии», содержащая подробные сведения о развитии Бухарского эмирата¹⁶.

За период 1796–1797 гг. правительствами Екатерины II и Павла I было отправлено несколько грамот, в которых говорилось об установлении между Россией и Хивой торговых связей, о размерах взимаемых пошлин и т. д.¹⁷. В 1792 году ташкентский правитель Юнус-Ходжа в письме императрице Екатерине II, сообщив о союзе, заключенном им с рядом казахских племен, просил ее направить русских купцов в Ташкент, а также специалистов горного дела для разработки рудных месторождений близ Ташкента¹⁸. После смерти императрицы Юнус-ходжа обратился с аналогичной просьбой к ее преемнику Павлу I. Русский канцлер А. А. Безбородко вскоре письмом уведомил ташкентского правителя о согласии императора Павла I оказать ему покровительство и прислать опытных специалистов для исследования открытых там рудников¹⁹. Вскоре налачился широкий обмен товарами между Ташкентом и русскими городами. Ташкент в разное время находился в зависимости от Бухары, Коканда или государственных объединений, существовавших в казахской Степи. В 1796 году в

Ташкент прибыло первое русское посольство во главе с подпоручиком Дмитрием Телятниковым. В рапорте командующего сибирскими войсками генерала Г. Г. Штрэндмана императору Павлу I и генеральному прокурору А. Самойлову о целях посольства говорилось: «...для ознакомления с месторасположением Ташкента, с населением, образом правления, торговлей, ископаемыми»²⁰. Посольство положило начало дипломатическим отношениям Ташкентского феодального владения с российской империей. Характер этих отношений свидетельствовал о зарождении новых тенденций в развитии связей между среднеазиатскими народами и Россией. В ответ в Петербург были отправлены ташкентские посланники Мулла Джан Ахун и Ашур Али Бахадур. В 1800 г. была удовлетворена просьба Юнус-Ходжи. В Ташкент были отправлены горные инженеры М. Поспелов и Т. Бурнашев²¹. Это было начало нового периода, особенностью которого стало установление более тесных отношений Средней Азии с Россией.

Опасаясь английской конкуренции, русское правительство усилило внимание к Средней Азии, где в конце XVIII в. возникли благоприятные условия для торговли. В этот период сложились три торговых пути из среднеазиатских ханств в Россию: возобновился старый путь по Волге, Каспийскому морю и Мангышлаку к Хиве, а отсюда – к Бухаре и Коканду; установился второй путь – от Оренбурга или Троицка через Ташкент на Бухару и Коканд (часть товаров через Казалинск направлялась в Бухару); и третий путь – от Семипалатинска или Петропавловска через казахскую степь, вдоль реки Сары-су на Ташкент. От основных путей шли и мелкие ответвления.

Таким образом, взаимовыгодная внешняя торговля укрепляла связи между государствами Средней Азии и России и делала естественным процесс сближения между ними, взаимную ориентацию внешней торговли, что, в свою очередь обеспечивало экономическое единство. Торгово-экономические меры, наряду с дипломатическими и военными, использовались русским правительством для усиления своих позиций в Средней Азии. В первой половине XIX в. российское правительство все больше приходило к мысли о необходимости завоевания Средней Азии, однако начавшаяся Крымская война отсрочила наступление России на этот регион.

Примечания:

1. Бэкер Мухтар. Туркестанский край. – Ташкент, 1918. – С. 152.
2. Жуковский С. В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. – Петроград: Типо-литография Н. И. Евстифеева, 1915. – С. 3.

3. Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и в России. – СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1911. – С. 154.

4. Соколов Ю. А. Первое русское посольство в Ташкенте // Вопросы истории. – 1959. – № 3. – С. 166.

5. Тухтаматов Т. Г. Россия и Хива в конце XIX – начале XX в. Победа Хорезмской народной революции. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1969. – С. 11.

6. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 109. Оп. 109/2. Д. 78.

7. Там же. Ф. 125. Оп. 125/1. Д. 64.

8. Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. – Алматы: Санат, 1996. – С. 167–168.

9. АВПРИ. Ф. 109. Оп. 109/3. Д. 47. Л. 1.

10. Там же. Ф. 125. Оп. 125/2. Д. 36. Л. 3.

11. Там же. Ф. 109. Оп. 109/3. Д. 52. Л. 1.

12. Бартольд В. В. Сочинения. Т. 9. Ч. 2. – М.: Издательство восточной литературы, 1963–1977. – С. 407.

13. АВПРИ. Ф. 109. Оп. 109/2. Д. 79. Л. 5.

14. Левшин А. И. Указ. соч. – С. 206.

15. Валиханов Ч. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. – Алма-Ата: Каз. совет. энцикл., 1985. – С. 114.

16. АВПРИ. Ф. 109. Оп. 109/2. Д. 134. Л. 1–9.

17. Там же. Ф. 125. Оп. 125/3. Д. 36–40.

18. Там же. Ф. 111. Оп. 111/1. Д. 1. Л. 2 об.

19. Там же. Д. 3. Л. 7–7об.

20. Там же. Д. 5. Л. 2.

21. Там же. Д. 1. Л. 18–18 об.

Тукешева Н. М. (Уральск, Казахстан)

ОРЕНБУРГСКИЙ МЕНОВОЙ ДВОР КАК ЦЕНТР ПОГРАНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ С КАЗАХАМИ МЛАДШЕГО ЖУЗА В РАБОТАХ РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ XVIII–XIX ВВ.

Тема развития пограничной торговли с казахами была одной из актуальных для российских исследователей XVIII–XIX вв. проблем. В отдельных статьях, в отчетах, «Трудах» научных обществ и учреждений рассматривались различные аспекты торговых отношений с казахами. Анализ материала публиковался в виде статей, сообщений, докладов, очерков в периодических изданиях научных обществ, в газетах и издавался отдельными оттисками в виде брошюр и книг.

Развитие торговли непосредственно связано с основанием Оренбурга, которому отводили роль «главного торжища между Азией и Европой». Для приема караванов был построен в двух верстах от г. Оренбурга за Уралом меновой двор. Торговцы из казахской степи и стран Средней Азии останавливались на меновом дворе, где в течение всего лета производилась торговля¹. На меновом дворе главным образом производилась торговля со степью.

Оренбургский меновой двор был адаптирован для потребностей азиатских народностей. Была построена мечеть. При мечети была открыта и школа для казахских детей по именному рескрипту Екатерины II к Оренбургскому военному губернатору барону О. А. Игельстрому от 28 февраля 1789 г. Назначение школы было обучение киргиз грамоте и началам магометанской религии. Но просуществовала школа недолго в виду запрета постройки мечетей на казенный счет².

По свидетельству П. Рычкова, строительство менового двора завершилось в 1738 г. при В. Н. Татищеве. Вне Оренбургской крепости для мены с казахами, хивинцами и ташкентцами был построен меновой двор с необходимым количеством лавок и с соответствующими учреждениями для сбора пошлин и налога³. Этот меновой двор просуществовал недолго. Весной 1749 года случилось сильное и внезапное половодье. Рычков П. И. пишет, что вода шла валом высотой около двух метров и меновой двор «весь потопило и размыло, а многое разнесло»⁴. В связи с этими причинами в 1750 году приступили к строительству нового менового двора и выбрали место выше, чтобы не бояться весеннего разлива. От переправы через Яик до него было около 3 верст. Новый меновой двор строился сразу капитально, из кирпича, покрывался листовым железом и был значительно больше старого. Меновой двор занимал обширную площадь, обнесенную высокими каменными стенами в виде крепости, бастионы которой были в виде башен с амбразурами. Строительство менового двора было ускорено решением Сената «О постройке каменного двора и таможни за Яиком» (1751 г.) и закончено в 1758 году. Именно эта дата указана в инвентарной книге Оренбургского общественного управления годом основания менового двора⁵. Первоначальным своим устройством меновой двор для летней торговли с азиатами и русскими соседями обязан организатору Оренбургского края и первому оренбургскому губернатору И. И. Неплюеву.

В 1894 г. в «Известиях Оренбургского отдела Императорского Русского Географического Общества» была опубликована работа Ф.

Гельмгольца, посвященная истории Оренбургского менового двора. В статье содержатся сведения об основании менового двора и его роли в торговле с казахами и среднеазиатскими государствами. Автор статьи на основании сведений В. Н. Витевского заключает, что меновой двор был основан одновременно с Оренбургом в 1743 г. и строился несколько лет до 1758 г. По этой причине в инвентарной книге Оренбургского городского общественного управления 1758 год записан как год основания Оренбургского менового двора. Гельмголец располагает «двор» в 4 верстах к югу от Оренбурга, занимающим площадь 40 тыс. кв. сажень. Оренбургский меновой двор был первым пограничным рынком, где происходила мена азиатских товаров на русские, отмечает исследователь⁶. И. Дебу в своей работе пишет о строительстве менового двора в 3-х верстах от Оренбурга за р. Уралом в казахской степи. По сведениям И. Дебу казахи пригоняли сюда большие табуны быков и овец, хлеб⁷. Отличие в сведениях исследователей XIX в. относительно расположения менового двора связано в большей мере с его переносом от первоначального места.

Из данных Ф. Гельмгольца мы узнаем, что ярмарка на меновом дворе была учреждена 25 марта 1871 г. и работала в период с июня по ноябрь. При этом был организован ярмарочный комитет из представителей всех участников торговли, в том числе от казахов назначался один представитель⁸. Самые значительные ярмарки в Оренбургской губернии называются в отчете Оренбургского Губернского Статистического Комитета – на Оренбургском меновом дворе и Троицком меновом дворе. Обороты этих ярмарок доходили до значительных размеров. Предметами торговли и обмена на ярмарках при меновых дворах были лошади, верблюды, крупный и мелкий рогатый скот, хлопок, верблюжья шерсть, джебага, овчины, мерлушки, кожи, меха, хвосты и гривы, козий пух, азиатский мануфактурный товар, разные деревянные изделия, сухие фрукты, бакалейный и москательный товары, железные изделия и прочие предметы русского и азиатского производства. Гельмголец приводит сведения об увеличении в 1891 г. торгового оборота Оренбургского менового двора и уменьшении оборотов Троицкого менового двора. Причиной указывается запрет пропуска скота на меновые дворы вследствие чумной эпизоотии, особенно уменьшился поток казахских покупателей⁹.

Торговые обороты с казахами производились посредством мены. Это отмечают все исследователи. По сведениям И. Ф. Бларамберга, меновые дворы были построены вдоль всей Оренбургской линии. Глав-

нейшие из них располагались в г. Оренбурге, г. Троицке, крепости Орской, г. Уральске и г. Гурьеве. Так, в 1849 г. по распоряжению господина Оренбургского Военного губернатора при Орском меновом дворе было отведено выгонное место для пастьбы вымениваемого у казахов на меновом дворе разного скота¹⁰.

Ежегодно казахи из степи пригоняли в летнее время, то есть с 15 мая по 15 ноября, большие стада разного скота на меновые дворы. Они привозили туда же кожи, овчины, сало, мягкую рухлядь, кошмы или полсть (войлок) и разные другие изделия. Скот и эти предметы они выменивали на муку, крупу, табак, железо, юфть, бумажные и шерстяные изделия¹¹.

Председатель Оренбургской ученой архивной комиссии Попов А. В. изучал в свое время рукописное наследие Генса Г. Ф., председателя Пограничной комиссии. В работе Г. Ф. Генса дается подробное описание Оренбургского менового двора. Обнесенный высокими каменными стенами с несколькими рядами лавок, складов, служб, меновой двор представлял тип восточных базаров. Казах пригонял партию скота, выбирал место и ждал покупателя, не справляясь ни с существующими ценами, ни с количеством пригнанного скота. Меновой торг постепенно стал переходить в денежный, но эксплуатация казахов торговцами из татар продолжалась, часть цены обыкновенно уплачивалась товаром низшего разбора. Торг шел большей частью в розницу, редко оптом, в последнем случае скот приобретался гуртовщиками, занимающихся транспортировкой скота и животных продуктов на рынки внутренней России. Торг на меновом дворе открывался 1–15 мая и закрывался в сентябре – октябре. Обороты его достигали нескольких млн. руб.¹².

Сведения об открытии очередного сезона работы менового двора появлялись ежегодно в городских известиях. В «Тургайской газете» сообщается, что с 1 июня 1896 г. «Оренбургский меновой двор открыт для торговли и около его набралась и поселилась уже масса киргизов, а внутри открылись лавочки со всевозможным товаром и начали обмен товаров с киргизами»¹³.

В рукописном переводе М. М. Гельдта работы Ф. Г. Миллера дается следующее характеристика: «Меновой двор представлял собой каменный квадрат с двумя воротами, азиатскими – для азиатов и европейскими – для горожан. В зимнее время торговля производилась в самом городе на Гостином дворе. Однако в город без особого разрешения азиаты не имели права заходить. Казахов, которые

приезжали по необходимости в Оренбург, пропускали под сильным конвоем небольшими партиями и также выпускали из города под конвоем. Торговля на меновом дворе производилась под сильным прикрытием военной команды с пушками и казацким отрядом. Там живет также таможенный директор, там же производится плата таможенного налога»¹⁴. Из вышеприведенных данных следует, что изначально меновой двор представлял укрепленную и защищенную гарнизоном небольшую крепость для летней торговли с азиатскими народами. Относительно внутреннего устройства менового двора указывается, что он имел во внутренней стороне многочисленные лавки со сводами и арками, где разные народы имели свои отделения. Казахи пригоняли сюда свои многочисленные стада, в особенности овец и лошадей. Привозили на оренбургский рынок золотых орлов, которых казахи употребляли для охоты и за которых платили высокую цену¹⁵.

В своих статьях многие из российских исследователей подчеркивают торговое значение менового двора и вместе с тем отмечают неравноценный характер производимой торговли с казахами. При переходе к денежной торговле существенных изменений в отношении казахов не произошло: «Меновой торг в последнее время стал постепенно переходить в денежный, но эксплуатация киргиз торговцами из татар продолжается, часть товара уплачивается товаром низшего разбора» – отмечается авторами того периода¹⁶. В статье Ф. Гельмгольца перечисляются товары, являвшиеся продуктами обмена между казахами и русскими купцами. Автор проводит анализ торговли основными видами продуктов, таких как шерсть, скот, пишет о неравноценном обмене товарами между казахами-скотоводами и российскими купцами. Из лучшего товара казахов П. Рычков называет лошадей, которых в Оренбурге и Троицкой крепости российскими купцами выменивается от 10 до 15 тыс. голов, затем бараны и овцы, которых от 40 до 50 тыс. и более бывает, затем следуют в перечне овчина с молодых ягнят, шерсть верблюжья, волков, лисиц и корсаков. Нередко случается, что пушной товар выменивается азиатскими купцами у казахов в степи и перепродается российским купцам в Оренбурге и Троицкой крепости¹⁷.

В очерке «Ветеринарный надзор в Тургайской области» А. Добросмыслов пишет о принятых мерах со стороны российских властей, предложенных генералом Перовским от внесения скотской заразы, покупаемой и вымениваемой русскими торговцами у кирги-

зов на меновых дворах Оренбургского таможенного округа разный скот, равно как кожи, сало, шерсть и прочие сырые произведения, при выпуске из менового двора, свидетельствуются уездным или городовым врачом, или же ветеринаром в присутствии чиновника полиции.

Добросмыслов, анализируя санитарно-эпидемиологический процесс в Оренбургском крае, основывался на архивные данные. В частности, ссылаясь на донесение генерал-майора М. В. Ладыженского, председателя пограничной комиссии, он заключает: «К Оренбургскому меновому двору скот, кожи, сало и прочие сырые произведения следует из степи, или через Илецкую линию, проходя к меновому двору верст 60–70 по тракту, или через Рудниковский пикет, отстоящий от Оренбурга в 22 верстах, по вступлении же на меновой двор свидетельствуются там ветеринаром...».

Обменные пункты были и в станицах на территории современного Западного Казахстана, где были таможенные заставы и таможенные присмотры. Они располагались в крепости Калмыковской, станицах Озерной, Январцевской, Кожехаровской, Сахарной, Каленовской, Антоновской, Котельной, Красноярской, Зеленовской, Кармановской, Яманхалинской, Сарайчиковской и др. Скот и сырье, обмененные по нижнеуральской линии и отправляемые внутрь империи, поступали линией на Уральск и здесь подвергались ветеринарному осмотру¹⁸.

Обороты менового двора уменьшались в период, когда оренбургские купцы сами посылали своих приказчиков с товарами в казахскую степь, где они находились круглый год, переезжая из аула в аул, выменивая свои товары на скот и казахские изделия. И. Бларамбергом отмечается такой факт, что прилинейные казахи начали сами сеять хлеб, и в связи с данным обстоятельством количество выменяваемой муки от прилинейных жителей уменьшилось¹⁹.

В 1822–1833 гг. через Оренбургскую таможню в среднем отпускалось товаров на 1,3 млн. руб., а привозилось на 1,6 млн. руб. С 1850 г. было время некоторого упадка местной торговли, но в начале 60-х гг. она снова стала расти, а концу тех же годов размеры отпускной торговли увеличились до 5 млн. руб., а привозной до 3 млн. руб., такой быстрый рост отпуска объяснялся проникновением в степь букажных товаров и отчасти бакалей²⁰. О развитии меновой торговли, сначала в Оренбурге при р. Орь заложеной, затем в перенесенном Оренбурге, также на Уйской линии в Троицкой крепости можно су-

дить, по мнению П. Рычкова, по документам о казенных доходах, в которых фиксировались все данные по пошлинам и налогам, количестве продаваемых товаров²¹.

По мнению Ф. Гельмгольца, торговля стала приходить в упадок на меновом дворе в связи с упразднением Оренбургского военного округа. Одной из значительных причин сокращения торгового оборота на Оренбургском меновом дворе автор называет строительство в 1885 г. Закаспийской железной дороги и быстрое развитие ярмарочной торговли в казахских степях Тургайской и Уральской областей²². Добромислов А. называет статью Ф. Гельмгольца как первую попытку дать полные точные сведения о торговле на Оренбургском меновом дворе, но указывает на недоучет всех данных по данной торговле при использовании архивных материалов²³. Строительство железной дороги способствовало сокращению торговли на меновом дворе и развитию торговли с более дальними районами, например, со Средней Азией. В частности, по замечанию А. Алекторова, азиатские купцы понимали недобросовестность русских купцов, однако у них не было выбора, они вынуждены были покупать некачественный, залежалый товар. С постройкой железной дороги азиатские купцы получили возможность закупать товар напрямую с фабрик²⁴.

Вместе с тем, с открытием железной дороги меновой двор продолжал действовать. В «Тургайской газете» за 1897 г. сообщается, что Оренбургский меновой двор открылся 1 июня 1897 г. для проведения обменной торговли с казахами. Около менового двора селилось много казахов. Казахи начали только съезжаться и то только те, которые поселялись в так называемых «Карачеуй-ях», производили торговлю кумысом и содержали что-то похожее на постоянные дворы. В статье сообщается об отсутствии «настоящих покупателей», под которыми подразумеваются казахи, приезжающие со своим скотом и производящих обмен на российские товары. Отмечается, что русские купцы ждут с нетерпением их прибытия, чтобы сбыть им свой залежавшийся товар. Массовое посещение менового двора казахами ожидалось, согласно сообщению газеты, к концу июня²⁵.

В своих трудах российские исследователи достаточно высоко оценивали деятельность Оренбургского менового двора как центра пограничной торговли, прежде всего с казахами Младшего жуза. Ф. Гельмголец обозначает Оренбургский меновой двор первым пограничным рынком, где происходила мена азиатских товаров на русские и указывает на то что, характер этой своеобразной меновой тор-

говли в глуши казахских степей обрисован в работе Добросмыслова «Овцеводство в Тургайской области»²⁶. Черемшанский В. М. в своей работе «Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях» подчеркивает особую роль Оренбурга, который с момента своего возникновения «сделался главным средоточием меновой торговли с киргизами Малой Орды, бухарцами и прочими народами»²⁷. Черемшанский приходит к заключению, что «азиатская торговля имеет благодетельное влияние на благосостояние здешнего края, потому что мена с киргизами доступна для всех благосостояний, доставляет выгодный сбыт местных произведений, в обмен которых получают скот разные шкуры и дешевые киргизские изделия, употребляемые жителями края»²⁸.

Таким образом, на основе сведений российских исследователей XVIII–XIX вв., в работах которых дается подробное описание менового двора, характеристика производимой торговли, тщательный анализ меновой торговли с казахами, мы можем заключить, что Оренбургский меновой двор был одним из первых центров пограничной торговли России с казахами, в первую очередь Младшего жуза. Развитие менового двора способствовало становлению Оренбурга как центра торговли между Россией и Азией, развитию товарно-денежных отношений в казахском обществе XVIII–XIX вв. Место и роль Оренбургского менового двора в развитии торговых отношений с казахами подчеркивается в работах всех российских исследователей XVIII–XIX вв. Торговля, осуществляемая на меновых дворах, была выгодна для социально-экономического развития края, способствовала развитию товарно-денежных отношений, вовлекала казахское население в общероссийский рынок.

В работах российских исследователей дается обширный материал о пограничной торговле казахов с Оренбургскими торговыми местами. Сведения об обменной торговле в степи российскими купцами, о развитии ярмарок, о проблемах, которые возникали в ходе развития торговых пунктов, подробно анализировались на основе изучения архивных материалов членами российских научных обществ и учреждений XVIII–XIX вв.

Примечания:

1. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 168. Оп. 1. Д. 11. Л. 5.
2. Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 2. – Оренбург:

Типо-литография Губ. Правления, 1897. – С. 5–7.

3. Рычков П. И. Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии. Ч. 1. – СПб.: При Императорской Академии наук, 1762. – С. 319–320.

4. Рычков П. И. История Оренбургская (1730–1750). Изд-е ОГСК. – Оренбург: Типо-литография И. И. Евфимовского-Мировицкого, 1896. – С. 92.

5. Гельмгольц Ф. Оренбургский меновой двор. // Известия Оренбургского отдела Императорского Русского Географического Общества. Вып. 3. – Оренбург: Типо-литография Губ. Правления, 1894. – С. 36.

6. Там же. – С. 35–53.

7. Дебу И. Топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии в нынешнем её состоянии. – М.: Универ. тип., 1857. – С. 30–31.

8. Гельмгольц Ф. Указ. соч. – С. 35–53.

9. Отчет Оренбургского Губернского Статистического Комитета за 1890 г. – Оренбург: Губ. типография, 1891. – С. 12.

10. ГАОО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 94. Л. 14.

11. Бларамберг И. Ф. Военно-статистическое обозрение земли Киргиз-Кайсаков Внутренней (Букевской) и Зауральской (Малой) орды, Оренбургского ведомства. – СПб.: Типография Деп. Ген. Штаба, 1848. – С. 106.

12. ГАОО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 11. Л. 5–5 об.

13. Городские известия: Открытие менового двора // Тургайская газета. – 1896. – № 75. – С. 4.

14. ГАОО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 63. Л. 48.

15. Там же. Л. 49.

16. ГАОО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 11. Л. 5.

17. Рычков П. И. Топография Оренбургская. – С. 328–329.

18. Добросмыслов А. Ветеринарный надзор в Тургайской области // Тургайская газета. – 1897. – № 14. – С. 3

19. Бларамберг И. Ф. Указ. соч. – С. 107.

20. ГАОО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 11. Л. 5–5 об.

21. Рычков П. И. Топография Оренбургская. – С. 321.

22. Гельмгольц Ф. Указ. соч. – С. 35–53.

23. Добросмыслов А. Заметки по поводу очерка «Оренбургский меновой двор» г. Гельмгольца. // Известия Оренбургского отдела Императорского Русского Географического Общества. Вып. 3. – Оренбург: Типо-литография Губ. Правления, 1894. – С. 67–71.

24. Алекторов А. История Оренбургской губернии. Изд. 2-е. – Оренбург: Типография Б. Бреслина. 1883. – С. 35–53.

25. Наш меновой двор // Тургайская газета. – 1897. – № 67. – С. 2.

26. Гельмгольц Ф. Указ. соч. – С. 35–53.

27. Зобов Ю. С. Историки и исследователи Оренбургского края: историко-биографические очерки. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2007. – С. 135.

28. Там же. – С. 136.

ОРЕНБУРГ И ОТНОШЕНИЯ РОССИИ С БУХАРОЙ В XIX В. (МИССИЯ НЕГРИ)

Оренбург, город-крепость на границе Европы и Азии, с самого начала своей истории стал главным пунктом торгового и политического общения России со среднеазиатскими ханствами. Особый интерес представляла наиболее крупное из этих ханств – Бухара.

В XIX в. установились устойчивые русско-бухарские торговые отношения, взаимовыгодные и высоко ценившиеся правительствами обоих государств¹.

В 1820 г. – в ответ на многочисленные бухарские посольства в Петербург – была впервые отправлена в Бухару российская дипломатическая миссия, которую возглавил влиятельный чиновник внешнеполитического ведомства А. Ф. Негри. Хотя состав миссии в основном был определен в столице, и оттуда же осуществлялось общее руководство её действиями, организация похода производилась в Оренбурге. Оренбургский военный губернатор П. К. Эссен должен был снабдить миссию наставлениями, касающимися нелёгкого путешествия по пустыне, сформировать отряд и обеспечить его безопасность в пути.

В Государственном архиве Оренбургской области (ГАОО) хранятся документы, которые подробно рассказывают о миссии Негри, об её участниках, о событиях, происшедших в пути и в самой Бухаре, о политических и научных результатах деятельности посольства.

Как видно из министерской инструкции, которую получил Негри², главная задача, поставленная перед миссией, состояла в том, чтобы «не только утвердить, но и распространить торговые связи между Россией и Бухарией, доселе существующие». Поэтому, прежде всего, предстояло обсудить вопрос о тарифах, по которым взимались пошлины на товары, и попытаться «изыскать удобные меры к доставлению прямой пользы как российскому, так и бухарскому купечеству». Следовало также «вникнуть в состояние народной в Бухарии промышленности и рассмотреть важнейшие отрасли тамошней торговли», выяснив, «нужны ли какие распоряжения со стороны нашей, дабы дать торговле с теми краями большее расширение и прочность». Вторая задача состояла в обеспечении безопасности русских и бухарских торговых караванов, которые постоянно подвергались нападениям хивинских вооружённых отрядов.

Ещё одна, очень важная задача миссии Негри касалась вопроса «о людях, в рабстве находящихся в Бухаре и Хиве». Русское правительство было весьма обеспокоено тем, что «в Хиве и Бухарии имеется немалое число российских подданных разных исповеданий, схваченных киргизскими и иными хищниками и проданных в рабство». Но оно понимало, что каждый из пленников стал собственностью владельца, а потому «нельзя предполагать удобовозможным освободить их без издержек».

Негри должен был узнать, возможно ближе к истине, сколько наших людей томится в неволе, «в какую сумму обошёлся бы в сложности выкуп каждого из них» и, наконец, «простирается ли так далеко власть хана, чтобы принудить владельцев отпустить их в Россию за цену, о которой со временем могли бы мы условиться». Такие же сведения следовало получить относительно пленников, оказавшихся в Хиве. Наконец, Негри было предписано разведать, «с какой наиболее стороны бывают умыкаемы в рабство пограничные жители, кто участвует в сем злодеянии».

Кроме этих дипломатических задач, перед миссией Негри стояли задачи чисто научные: так как она отправлялась в страну, совершенно неизвестную европейцам, ей предстояло собрать «по возможности верные сведения о земле сей». Поэтому в состав посольства были включены люди, способные выполнить такое поручение.

Прежде всего, это были геодезисты, которым предстояло произвести съёмки местности и дать картографическое описание пути через степи в Бухару. Их возглавил капитан Генерального штаба Е. К. Мейендорф, который должен был собрать географические и статистические данные для всестороннего описания Бухарского ханства. В команду вошли служивший в Оренбурге А. К. Тимофеев и прибывший из столицы соученик А. С. Пушкина по Царскосельскому лицей В. Д. Вольховский.

Участником миссии оказался и другой приятель Пушкина – литератор П. Л. Яковлев, служивший в Коллегии иностранных дел и назначенный секретарём посольства³.

В качестве «натуралиста», который должен был составить естественнонаучный обзор областей по маршруту экспедиции, в миссию вошёл выпускник Дерптского университета Х. И. Пандер, впоследствии известный палеонтолог, академик Петербургской Академии наук.

Вторым «натуралистом» стал недавно приехавший из Германии молодой учёный Э. А. Эверсман, которого Эссен включил в состав

посольства в качестве врача. Вернувшись из Бухары, Эверсман навсегда остался в России, жил и работал сначала в Оренбурге, а затем стал профессором Казанского университета, заслужив славу выдающегося зоолога⁴.

П. К. Эссен укомплектовал посольство, введя в него переводчиков Черкасова и Чанышева, канцеляриста Шапошникова, лекаря Пономарёва и священника П. Е. Ильина с пономарём В. Будринным⁵. В окончательном списке участников посольства⁶ значатся также денщики и служители, и пять купцов, которым «дозволено быть при миссии по собственному желанию сих людей».

Тем не менее, для подготовки похода потребовалось ещё шесть недель. Многочисленные приказы, рапорты, личные и деловые письма показывают, каких усилий стоили разработка маршрута миссии и обеспечение её спокойного продвижения по степи. Велась обширная переписка с ханом и султанами Малой Орды. Нанимались верблюды для каравана, который должен был везти снаряжение и подарки от русского царя бухарскому хану.

При подготовке к походу П. К. Эссен старался как можно основательнее ознакомить руководителя миссии с положением дел в регионе и состоянием российско-азиатских отношений, о чём в столице не имели точного представления. Это отразилось в обширном «Наставлении по делам миссии»⁷, которое он составил по Высочайшему повелению, основываясь на своем «опыте трёхлетнего управления здешним краем».

Наконец приготовления были закончены, и 10 октября 1820 г. миссия двинулась в путь. Об этом Эссен сообщил 17 октября в рапорте императору и в подробном отчёте К. В. Нессельроде⁸. Караван из 358 верблюдов и 400 лошадей прикрывался военным отрядом, который состоял из 200 казаков, 200 пехотинцев, 25 всадников-башкир. С ними были два артиллерийских орудия. Командовал конвоем С. Т. Циолковский. Его подробные донесения позволяют представить трудности, возникшие у отряда из-за развернувшихся в это время враждебных действий между некоторыми казахскими султанами, и тревогу из-за ожидавшегося нападения хивинцев. События, происходившие во время путешествия, освещают в своих письмах к П. К. Эсену и другие участники посольства.

Пребывание миссии Негри в Бухаре подробно описано в книге Е. К. Мейендорфа «Путешествие из Оренбурга в Бухару»⁹ и в записках священника Е. П. Ильина, изданных как сочинение В. Будрина¹⁰.

В обратный путь посольство выступило 23 марта 1821 г., а 16 мая его торжественно встречали в Оренбурге.

Миссия Негри сыграла немаловажную роль в развитии отношений и торгово-экономических связей с Бухарой. Но гораздо значительнее были научные результаты, полученные её участниками. Во время путешествия они добыли интереснейший материал о краях, до той поры совершенно неизвестных, собрали сведения о природе степей и Бухарского ханства, составили географическую карту, всесторонне изучили административное устройство государства, его экономику, состав и быт населения, состояние просвещения и медицины.

Богатые ботанические и зоологические коллекции, собранные Х. И. Пандером и Э. А. Эверсманом, содержали немало ранее неизвестных видов растений и животных. Они были переданы в Петербургскую Академию наук, Московское общество испытателей природы и в Зоологический музей в Берлине.

В 1823 г. в Берлине на немецком языке вышла книга Э. А. Эверсмана «Путешествие из Оренбурга в Бухару», которая позволила европейским учёным составить представление о географии, геологии, климате, флоре и фауне зауральских степей. Это был первый вклад учёного в исследование природы Оренбургского края, с которым он навсегда связал свою жизнь. Книга никогда не переводилась на другие языки, в том числе и на русский.

В первой части сочинения приводится путевой дневник, в котором, помимо случившихся в пути событий, подробно описаны растительность, животный мир, геологическое строение почвы тех мест, по которым проходил караван, отмечены результаты температурных наблюдений. Вторая часть книги содержит описание Бухарского ханства, его столицы, правителя и населения, климата, животного и растительного мира, особенностей быта, ремёсел, болезней и способов их лечения и т. д.

Огромный интерес в научных кругах Европы вызвала упомянутая выше книга Е. К. Мейендорфа, озаглавленная, как и у Эверсмана, «Путешествие из Оренбурга в Бухару». Она была опубликована в 1826 г. в Париже на французском языке и в том же году появилась в немецком переводе в Йене. В неё включено несколько приложений, в том числе «Натуральная история Бухары», которая составлена на основании записок Х. И. Пандера, Э. А. Эверсмана, а также известных ранее материалов П. С. Палласа.

Она содержит геологическое описание территории между Оренбургом и Бухарой, ботанический очерк и каталоги млекопитающих, птиц, амфибий и насекомых, населяющих этот регион.

Карта Бухары, составленная Е. К. Мейендорфом, В. Д. Вольховским и А. К. Тимофеевым, привлекла особое внимание. В предисловии к французскому изданию книги о ней сказано: «Этот драгоценный документ, содержащий в себе 2000 географических обозначений, отсутствовавших на прежних картах, получил, особенно на Западе, одобрение любителей науки как образец точности и топографического изящества».

Примечания:

1. Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX века). – М.: Наука, 1974. – 406 с.

2. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 10. Д. 2291. Л. 3–8, 27–27 об.

3. Матвиевская Г. П., Зубова И. К. Друзья Пушкина в Оренбурге // Гостиный двор: лит.-худож. и общественно-полит. альманах. № 6 / Гл. ред. И. А. Бехтерев. – Оренбург: Оренб. кн. изд-во, 1999. – (К двухсотлетию со дня рождения А. С. Пушкина). – С. 62–69.

4. Гептнер В. Г. Эдуард Александрович Эверсман: зоолог и путешественник (1794–1860). – М.: Изд-во МОИП, 1940. – 79 с.

5. Матвиевская Г. П. «В Оренбурге Вы явитесь к военному губернатору...» / Оренбургский край. Архивные документы. Материалы. Исследования. Сб. работ научно-иссл. краеведческой лаборатории ОГПУ. Вып. 3. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2006. – С. 6–22.

6. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2291. Л. 390–391 об.

7. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2152. Л. 263–276 об.

8. Там же. Л. 268 об. – 269.

9. Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. – М.: Наука, 1975. – 182 с.

10. Русские в Бухаре в 1820 году (Записки очевидца) // Справочная книжка Оренбургского края на 1871 г. – Оренбург, 1871. – Отд. II. – С. 1–45.

Семёнов В. Г. (Оренбург)

**УЧАСТНИКИ МИССИИ 1842–1843 ГГ. В ХИВУ –
Г. И. ДАНИЛЕВСКИЙ И Е. Н. ЗЕЛЕНИН**

В № 11 журнала «Исторический вестник» за 1894 г. была опубликована статья Захарьина И. В. «Посольство в Хиву в 1842 году».

Захарьин отмечает, что полковнику Данилевскому было поручено укрепить, прежде всего, наше нравственное влияние на хивин-

цев и в то же время ослабить влияние Хивы на нашу Киргизскую степь. Кроме того, ему предлагалось выхлопотать у хана Алла-Кула право держать в Хиве постоянного русского агента, а также добиться у хивинцев освобождения из плена персидских невольников, число которых доходило в то время до 1500 человек, и составить, главное, формальный торговый договор с Хивой, ограждающий наши купеческие караваны от нападений туркмен и предоставляющий русским купцам право свободно торговать по всей Хиве.

«В нем был выговорен беспрепятственный проход в Хиву и обратно русских купеческих караванов, и правительство Хивы обязывалось ограждать эти караваны от разбойничьих нападений туркмен-йомудов и хивинских киргизов, а также воспретить этимномадам делать нападения на наши рыбные промыслы на Каспийском море и забирать рабочих в плен; русским купцам предоставлялось право открытой торговли не в одном лишь городе Хиве, но и в Куня-Ургенчи, Ханки, Хазараспе и др.; равно и хивинские купцы могли беспрепятственно и беспошлинно торговать в наших пределах, а на меновом дворе Оренбурга и в караван-сараяе для них должны быть отводимы особые места и помещения. В том же договоре были ясно и точно обозначены наши взаимные границы с Хивой – по Сыр-Дарье и Усть-Урту»¹.

В состав посольства, кроме полковника Данилевского, отмечает Захарьин, входили следующие лица: два офицера корпуса военных топографов, участники хивинского похода братья Зеленины, натуралист Ф. И. Базинер, письмоводитель и личный секретарь Данилевского, коллежский регистратор В. В. Григорьев, взятый из Оренбургской пограничной комиссии, переводчик, караван-баша и 20 казаков под командованием хорунжего Кипиченкова. Благодаря найденным в Государственном архиве Оренбургской области (ГАОО) документам удалось восстановить основные вехи жизни самых активных участников миссии Г. И. Данилевского и Е. Н. Зеленина.

Данилевский 4-й Григорий Иванович родился в 1800 году². Происходил из дворян Московской губернии. На службу поступил юнкером в Ахтырский гусарский полк 11 декабря 1818 г. Через три месяца (26 марта 1819 г.) был произведен в портупей-юнкеры, а в возрасте 18 лет (7 мая 1819 г.) – в корнеты. 21 июня 1821 г. был уже поручиком, 4 июня 1825 г. – штаб-ротмистром, 20 апреля 1827 г. назначен адъютантом к командующему 2-м резервным Сводным кавалерийским корпусом генерал-лейтенанту графу П. П. Палену 2-му³. 20 мая

1827 г. произведен был в ротмистры с исправлением прежней должности. 17 июня 1828 г. прибыл в свой полк на действительную службу.

В формулярном списке о службе и достоинстве указано, что он был в следующих походах и боях: 1828 года из пределов России следуя до реки Дуная, мая 31 переправясь через оную реку в турецкие пределы в отряде генерала Ф. В. Ридигера; в авангардных делах в первую турецкую кампанию: июня 29 при мест. Козлуджи; июля 2 при оном же; 8 при наступательном движении войск к крепости Шумлы; в сильной перестрелке и овладении неприятельской позиции, и за сие дело в числе прочих получил Высочайшее благоволение; 17 и 18 числа в рекогносцировке к селению Чафлыку и занятии позиции отрядом генерал-лейтенанта Ридигера при д. Эскистамбуле; в сражении июля 19 при Чафлыке; 25 в экспедиции к Костежу и отражении при Дрогакиов неприятельского отряда, следовавшего на д. Эскистамбул к крепости Шумле; 26 при Костеже; августа 5 в экспедиции и в ночь 28 числа при отражении сильного неприятельского нападения на редут в центре позиции и на форпосты близ деревни Коцаплы; и за оказанное против турок отличие награжден орденом Святой Анны 4-й степени «За храбрость», приказом по армии в 21 день марта 1829 года за № 204. Октября 20 при отражении сильной неприятельской вылазки, сделанной на уланскую бригаду, шедшую из-под Силистрии к Шумле и до отступления войск на назначенные зимние маршруты; ноября 4 переправясь через реку Дунай близ крепости Гирсова в княжество Валахское.

1829 года следуя на зимовые квартиры; апреля 26, переправясь через реку Дунай, вторично вступил в турецкие владения, следуя через Черно-воды к д. Каургу. Во второй кампании мая с 14 по 19 число в экспедициях через м. Козлуджи к Праводам; мая 25 при усиленной рекогносцировке и деле в Невичинской долине; 28 и 29 при движении войск, состоявших под командою генерала от инфантерии Л. О. Рота от Эски-Арнаут Лара к крепости Шумле, где соединился с главными силами армии; 30 в сражении при д. Кулевичи при разбитии армии, состоящей под личным начальством Верховного Визиря; 31 под крепостью Шумлою при взятии штурмом неприятельского редута с двумя знаменами и за отличие в сих делах награжден орденом Святой Анны 3-й степени с бантом, о чем объявлено в приказе по 2-й армии 13 июня того же года за № 396; июня 6, 7 и 8 чисел при нападении на м. Джумаи в отряде генерал-лейтенанта князя В. Г. Мадатова, и обратно к крепости Шумле; 15 июня при следовании дивизии к крепос-

ти Силистрии; 18 при сдаче оной обратно к позиции под крепость Шумлу; июля с 15 в рекогносцировке неприятельской позиции при крепости Шумле, 25 в деле под крепостью Шумлою, 28 при отражении неприятельской вылазки из крепости Шумлы и за отличное в последних двух делах усердие награжден орденом святого Владимира 4-й степени с бантом, о чем объявлено в приказе по 2-й армии 18 октября 1829 года за № 578. В экспедициях августа с 13 по 14 число ночью около Шумлы; с 25 по 31 в тылу оной; с 3 по 5 сентября на Джумаинской дороге и до заключения мира безотлучно с полком находился и 22 октября при общем отступлении войск от крепости Шумлы и следовании через крепость Силистрию на назначенные в княжестве Валахском, а оттуда в Российские пределы. 1830 ноября 30 переведен в Нарвский гусарский полк (позднее Его Императорского Высочества Великого князя Михаила Павловича полк).

1831 года с 15 июня находился с полком для преследования польских мятежников от г. Вильно, пройдя г. Волкомир, до г. Поневежа, где того же июня 23 числа был в сражении и следуя за мятежниками того же года июля 4 под м. Малятами, 11 под м. Изъём в сражениях действительно находился и за отличие в оных произведен майором (2 октября 1831 г.) и после того был за границу в Царстве Польском. За отличия в подавлении польского восстания был награжден польским знаком отличия «За военное достоинство» 3-й степени.

1832 года сентября 22 дня за бывший под г. Москвою Высочайший смотр войскам 4-го пехотного корпуса получил в числе прочих гг. штаб и обер-офицеров Высочайшее благоволение.

1834 года августа 21, 22 и 25 дни за бывшие смотры и того же месяца 30 числа за парад, по случаю открытия памятника в Бозе почивающему Императору Александру I и за двухдневные Сентября 3 и 4 чисел большие маневры, произведенные Отдельными Гвардейским и Гренадерским корпусами за каждые числа порознь в числе прочих гг. генералов, штаб и обер-офицеров получил Высочайшее благоволение.

1834 года октября 13 дня за отлично-усердную службу Всемилодливейше награжден орденом Святого Станислава 2-й степени.

1835 года января 26 Высочайшим приказом назначен старшим адъютантом штаба отдельного Оренбургского корпуса. Назначен состоять по кавалерии (1835 года февраля 5). 1835 года апреля 17 прибыл в Оренбург к настоящей должности.

С 27-го мая по июль 1836 года участвовал в экспедиции, командированной по распоряжению командира отдельного Оренбургс-

кого корпуса, под начальством генерал-майора В. Т. Дренякина, в Киргизскую степь для наказания киргиз Чиликского рода, ограбивших караван с русскими товарами, и за успешное исполнение возложенного поручения получил благодарность по корпусу.

1836 года ноября 14 произведен в подполковники. За отлично-усердную службу мужество и труды, оказанные по нахождению в отряде под начальством полковника Н. А. Мансурова, посланном для наказания Адаевских киргиз, награжден орденом Святой Анны 2-й степени (28 февраля 1837 г.)⁴.

В 1836 году был награжден знаком «За XV лет беспорочной службы». В 1837 году участвовал во встрече Наследника Цесаревича Александра II.

В 1838–1840 гг. состоял по кавалерии для особых поручений при командире отдельного Оренбургского корпуса генерал-адъютанте Перовском.

В бывшем зимнем походе 1839–1840 гг. в Хиву Данилевский был командиром авангардного отряда генерала Перовского и одним из немногих начальствующих лиц, не потерявших энергии, мужества и распорядительности в этом трагическом походе; по окончании 1841 года декабря 5 награжден орденом Святого Георгия 4-й степени.

1-го августа 1842 года во главе дипломатической миссии выступил из Оренбурга в Хиву, которой посольство со своим караваном достигло 19-го октября. К 25 декабря договор России с Хивой был окончательно изготовлен, и 31 декабря 1842 года, посольство выступило в обратный путь. В Оренбург оно возвратилось на масляной неделе, во второй половине февраля.

В 1843 году Григорий Иванович Данилевский в чине полковника был назначен к военному министру помощником по особым поручениям и командирован Генеральным консулом в Сербию (1843–1849 гг.)

1846 года июля 1 награжден орденом Святого Владимира 3-й степени, а в конце 1848 года был произведен в генерал-майоры.

В 1850 году в чине генерала уволен в отставку по болезни, по мнению И. В. Захарьина, «будучи замечательно красивым и имея от роду всего 35 лет»⁵.

Затем он страстно влюбился в одну славянскую владетельную княжну и пользовался взаимностью; но на этот брак не согласились ее родители и решили увезти ее на родину. В осенние сумерки, на первой же почтовой станции от Петербурга к Москве, едва только зало-

жили лошадей в карету, в которой ехало семейство княжны и она сама, как к лошадям спереди подошел высокого роста молодой генерал и выстрелил себе в рот... Лошади поднялись было на дыбы, затем рванулись вперед, и карета проехала по трупу уже скончавшегося Данилевского»⁶.

Зеленин Егор Николаевич происходил из солдатских детей Оренбургской губернии. Родился в 1818 году⁷.

Воспитывался в Оренбургском батальоне военных кантонистов. Согласно его формулярного списка знал «Закон божий, грамматику, арифметику, алгебру до уравнения 3-й степени, начальное освоение плоской тригонометрии, Российскую географию, геометрию, черчение планов, инструментальную и глазомерную съемку». В службу вступил топографом 3-го класса в корпус топографов 3 февраля 1834 года. Через два года (4 января 1836 года) был произведен в топографы 2-го класса в 1-ю полуроту топографической роты № 4. 6 декабря 1837 года стал унтер-офицером.

В 1839 году ноября 16 дня в войсках под начальством командира отдельного Оренбургского корпуса генерал-адъютанта В. А. Перовского, назначенных для Хивинской экспедиции, выступил из Оренбурга в Киргизскую степь, 22 декабря прибыл на р. Эмбу у устья р. Аты-Джаксы; далее следовал к урочищу Чушка-Куль до бывшего Акбулакского укрепления; откуда 1840 года 6 февраля следовал обратно на р. Сага-Темир и весной того же года возвратился в Оренбург, куда прибыл 16 марта. За труды, понесенные во время зимнего похода Всемилостивейше награжден не в зачет полугодовым жалованием.

В 1840 году 2 декабря за отлично-усердную службу Всемилостивейше награжден 34 руб. 30 коп серебром.

1841 года с 12 мая по 15 сентября находился в составе отряда под начальством Генерального Штаба подполковника И. Ф. Бларамберга, сопровождавшего Императорские Бухарскую и Хивинские миссии до р. Сыр-Дарьи, откуда следовал обратно через крепость Орскую в город Оренбург, производя во время похода съемку и маршрут движения этого отряда.

С 1 августа 1842 года по 12 марта 1843 года находился в составе Императорской Хивинской миссии под начальством подполковника Г. И. Данилевского, производил глазомерную съемку по Хивинскому ханству, был употребляем для собрания топографических сведений; причем имел секретные поручения и во время пребывания в ханстве и следования по степи, занимался астрономическими наблюдениями.

По мнению натуралиста Ф. И. Северцова, участники этой экспедиции дали совершенно новые подробные географические, этнографические и естественнонаучные сведения о Хиве, а исследования Ф. И. Базинера значительно расширили научные данные о геологическом строении Усть-урта.

1843 года мая 17 дня за отличие по службе Е. Н. Зеленин был произведен в прапорщики. В том же году командирован в киргизскую степь при экспедиции, назначенной для поражения и рассеивания скопищ мятежного султана Кенисары Касимова, и выступил 5 июня из крепости Орской с войсковым старшиной Лебедевым; с 13 августа по 13 октября состоял при отряде Уральского войска полковника Бизянова; с 29 августа по 6 сентября состоял при транспорте этой экспедиции, занимался составлением маршрута во время движения и по соединении с главным отрядом на р. Тургае при урочище Корсак-Баш, следовал обратно на линию, производя рекогносцировку от вершин Улькаюка через вершины Тобола, и 13 октября прибыл в крепость Орскую.

1843 года декабря 9 из военно-рабочего батальона № 4 переведен в линейный Оренбургский батальон № 2, к которому не прибыл, а остался в чертежной при штабе отдельного Оренбургского корпуса.

В 1845 году за съемки Оренбургского края Всемилостивейше пожаловано в награду единовременно 107 руб. 50 коп. серебром, о чем объявлено в приказе по Генеральному штабу от 22 июня того же года за № 211.

В ноябре 1845 года переведен в линейный Оренбургский батальон № 6, к которому тоже не прибыл, а остался в чертежной при штабе отдельного Оренбургского корпуса.

С 13 июня 1845 года по 13 февраля 1846 года находился в комиссии, Высочайше учрежденной под председательством Генерального штаба генерал-майора Яковлева для геодезических работ в землях Уральского казачьего войска и киргиз внутренней Букеевской орды.

1846 года июля 9 командирован был в Киргизскую степь и находился в составе отряда под начальством обер-квартирмейстера Отдельного Оренбургского корпуса полковника Бларамберга, посланного на вершины р. Эмбы к Мугоджарским горам для выбора пункта под возведение там укрепления, где производя съемку некоторым пунктам, возвратился в г. Оренбург 30 августа того же года.

1847 года с 25 мая по 20 сентября находился в Пермской губернии для собрания сведений и составления маршрутной карты. 1847

года июня 11 за отличие по службе переведен в корпус топографов.

1848 года с 4 мая по 20 сентября находился в Троицком уезде для присутствования при размежевании там спорного участка между наследницами купца Расторгуева, казенным заводом Златоустовским и башкирами 4-го кантона Айлинской волости. В 1849 году декабря 9 за съемки в Оренбургском крае ему Всемилостивейше пожаловано третное жалование по чину.

1851 года с 10 мая по 20 октября под его начальством производилась 5 топографами инструментальная съемка внутри Оренбургской губернии. В том же году 25 июня за отлично усердную службу ему Всемилостивейше пожаловано полугодовое жалование.

В 1852 году марта 30 за отличие по службе произведен в подпоручики и с 8 мая по 11 октября находился с 6-ю топографами в Оренбургской губернии для производства инструментальной съемки.

В 1853 году с 30 апреля по 5 октября был с 4-мя топографами в Оренбургской губернии для производства той же съемки.

Женат был на дочери гиттенфервальтера (горного чиновника 10 класса) Дормидонта Севастьянова, девице Агриппине; у них дочь Августа, родившаяся 20 ноября 1852 года. В 1869 году состоял воинским начальником в форте Александровском в чине майора.

Умер подполковник Зеленин в начале 90-х годов XIX века. Оставил записки.

О брате Егора Николаевича Зеленина – Иване Николаевиче известно, что родился он в 1823 году, на службе состоял с 1834 года. В 1875 году – капитан, штатный офицер для производства съемок, межевания и чертежных работ при военно-топографическом отделе Оренбургского военного округа.

Примечания:

1. Захарьин И. В. Посольство в Хиву в 1842 году: (По рассказам и запискам очевидца) // Исторический вестник. – 1894. – Т. 58. – № 11. – С. 427–448.

2. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 10. Д. 4549. Л. 67–72.

3. С 1790 г. по 1793 г. в чине ротмистра он служил в Оренбургском драгунском полку.

4. ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 12172. Л. 6.

5. Захарьин И. В. ошибается, Данилевскому было 48 лет.

6. Захарьин И. В. Посольство в Хиву в 1842 году: (По рассказам и запискам очевидца) // Исторический вестник. – 1894. – Т. 58. – № 11. – С. 427–448.

7. ГАОО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 296. Л. 2–4 об.

ТАДЖИКИ В ОРЕНБУРГСКОМ КРАЕ

Общеизвестно, что предками таджиков были бактрийцы в бассейне верховьев Амударьи, согдийцы в бассейнах Зеравшана и Кашкадарьи, парфяне в Хорасане, маргианцы в Мервском оазисе, хорезмийцы в низовьях Амударьи, парканцы в Ферганской долине и сако-массагетские племена Памиро-Тянь-Шаньских гор и Арало-Каспийских степей. Основными их занятиями были земледелие на основе искусственного орошения в долинах и оазисах, скотоводство в горных и степных регионах, а также ремесленное производство и торговля в городах¹.

Упоминание этнонима «таджик» впервые зафиксировано в китайских источниках в VIII веке, а также в таджикско-персидских рукописях IX века н. э.²

Процесс окончательного сложения этнической общности таджиков, а также фарси-дари – таджикского языка относится к периоду существования феодального государства Саманидов (в IX–X вв.). Именно с этого времени и именно на этом языке развивались впоследствии культура, наука, литература таджикского народа³.

Впоследствии культура таджиков, как автохтонного населения региона, оказала большое влияние на культуру тюркоязычных народов Средней Азии, переходивших от кочевничества к оседлому образу жизни.

Как известно, представители народов Средней Азии с давних времен селились в Оренбургском крае. Этому способствовала привилегия, пожалованная городу-крепости Оренбургу императрицей Анной Иоанновной. Согласно этому документу разрешалось: «Нашим киргис-кайсацким, каракалпакским народам, а из азиатских стран приезжим грекам, армянам, индейцам, персам, бухарцам, хивинцам, ташкенцам, калмыкам и иных всякаго звания и веры приходить, селиться, жить, торговать, и всяким ремеслом промышлять, и паки на свои прежние жилища отходить свободно и невозбранно без всякой опасности и удержания»⁴.

Труды российских исследователей, а также переписи населения подтверждают наличие представителей различных тюркских народов, прибывших в Оренбуржье. К примеру, в «Топографии Оренбургской губернии» П. И. Рычкова, в главе 4-ой, имеется раздел, названный «О новопришедших и в Оренбургской губернии поселившихся азиатс-

ких народах». В нем автор привел сведения о представителях народов Среднего Востока, решивших стать российскими подданными и избравших местом своего нового жительства Оренбургскую губернию.

В числе первых переселенцев из государств Средней Азии были 14 торговых людей – выходцев из Бухарского эмирата, Хивинского и Кокандского ханств. Среди них были 8 хивинцев, 3 кашгарца, 1 ташкенец, 1 бухарец и 1 уроженец города Балха⁵.

Кроме того, среди беглецов, ранее захваченных в плен кочевниками-казахами, а впоследствии бежавшими в российские губернии, были также представители различных этнических общностей: 106 персов, 17 аравитян (арабов), 15 турок, 4 армянина, 21 каракалпак, 7 бухарцев, 5 узбеков, 4 хивинца, 4 кубанца, 4 талышца, 2 афганца, а также представители других среднеазиатских народов. Их общее число составило 212 человек⁶.

Несомненно, что среди вышеперечисленных национальностей были и таджики, далеко не всегда использовавшие этот этноним, а записанные по принадлежности к определенным государствам «бухарцами», «балхцами», «афганцами» и даже «персами». Часть бежавших из плена получала привилегию селиться с башкирами, татарами.

Исследователь Дубовицкий В. В. также пишет, что упоминание о постоянно проживающих в Оренбуржье выходцах из Средней Азии встречаются у русских авторов XIX в. По их сведениям, на территории Южного Урала, к моменту ее вхождения в состав Оренбургского края в первой трети XVIII в. проживала значительная среднеазиатская диаспора⁷. Здесь же находили себе приют и выходцы из киргизского плена, Туркестана, Бухары, Хивы и других мест, чему служат подтверждением и некоторые башкирские предания. Эти выходцы – пленники – представляли собою самую разнообразную смесь национальностей. То были: персияне, аравитяне, турки, каракалпаки, армяне, бухарцы, хивинцы, кубанцы, узбеки и бадахшанцы; некоторые из них приняли крещение и составили несколько родов или волостей... Выходцы из Бухары и Хивы, называвшиеся в 1730 г. служилыми «тезиками», впоследствии смешались с башкирами⁸.

Исследователь Злобин Ю. П. утверждает, что такую же льготу получили и сарты (оседлые узбеки и равнинные таджики) из числа бухарских торговцев, караван-баши и погонщиков торговых караванов, решивших постоянно обосноваться в Российской империи.

По переписи 1795 года сартов в губернии было 475 душ мужского пола⁹.

Злобин Ю. П. в работе «Начальный этап формирования среднеазиатских диаспор в Оренбургском крае в XVIII–XIX веках», пишет: «В середине 30-х годов XIX века в губернии на правах местных жителей находились служилые сарты. Их было 485 душ мужского пола. Ученый полагает, что, вероятнее всего, они были зачислены, наряду с коренными народами края (башкирами, казахами, татарами), в казачье военно-служилое сословие и по этой причине не выплачивали подушную подать¹⁰. Не случайно И. Л. Дебу в своей работе именовал оренбургских узбеков и таджиков «служилыит сартами»¹¹.

По проблеме идентичности сартов в научной литературе существуют различные точки зрения.

В книге российского исследователя С. Н. Абашина «Национализмы в Средней Азии»¹² есть специальные главы, посвященные сартам («Сарты как таджики», «Сарты как оседлые жители», «Сарты как отдельный народ» и т. д.). Приводятся мнения десятков исследователей как отечественных, так и зарубежных о том, что сарты – тюркоязычное население и относятся к узбекам. Другие полагают, что это ираноязычный народ и ближе к таджикам. Третьи называют сартов самостоятельной народностью смешанного населения.

С. Н. Абашин в книге приводит цитаты из «Обзора Ферганской области», подготовленного Статистическим комитетом после Первой всеобщей переписи населения Российской империи. «От смешения узбеков и других народностей между собой и аборигенами страны (читай «таджиками» – В. А.), по-видимому, произошли сарты, составляющие главную часть населения Ферганской долины»¹³.

Впоследствии, после завоевания Туркестана появился ряд новых областей в Российской империи. По переписи населения 1897 года уроженцами Среднеазиатского региона объявили себя 858 жителей, в т. ч. 61 человек из Самаркандской области, 110 из Ферганской области»¹⁴. 116 сартов из 173 проживали в городах, а их основным занятием была торговля и торговое посредничество¹⁵.

Однако в дореволюционный период большинство таджиков проживало в Оренбургской губернии как временное население, приехавшее по торговым делам. На протяжении советского периода по мере интеграции национальных окраин, развития связей между регионами, системы профессиональной подготовки и распределения кадров численность постоянного таджикского населения в регионе постепенно возрастала: в 1926 г. – 9 человек, в 1939 г. – 56, в 1970 г. – 193, в 1979 г. – 254 и в 1989 г. – 411. Распад Советского Союза, ухудшение

социально-экономического положения в его бывших республиках, возникновение локальных военных конфликтов способствовали широкому притоку трудовых мигрантов из Средней Азии в Россию. На этом фоне таджикское население приграничной Оренбургской области, по территории которой проходит основная транспортная магистраль из центрально-азиатского региона, стремительно увеличилось до 2455 человек в 2002 г. и 4093 человек в 2010 г.¹⁶.

Интеграция новых этнических групп в оренбургский социум проходит медленно, нередко наблюдается сегрегация. Конечно, основные проблемы социальной и культурной адаптации связаны с положением в регионе приезжих. Если у старожилов преобладающей является гражданская идентичность, то у прибывших – этническая идентичность.

Стремление консолидироваться в рамках диаспор, а точнее землячеств, формальных и неформальных сообществ, способствует созданию своей «азиатской» этнокультурной среды, которая частично компенсирует прибывшим дефицит социальных контактов.

Как нам представляется, национальные организации – это одна из самых эффективных форм при разрешении проблем адаптации и интеграции в российский социум. Именно национальные организации «являются формой этнической самоорганизации граждан с одной стороны, с другой – находятся в тесном сотрудничестве с органами государственной власти и местного самоуправления»¹⁷.

Большую роль в адаптации мигрантов играют национально-культурные организации. В Оренбуржье 6 таджикских организаций. Среди них «Вахдат» («Единство»), «Хамшахриён» («Земляки»). Но ведущую и объединяющую роль играет Оренбургская региональная таджикская национально-культурная автономия.

История создания этих общественных организация насчитывает уже десять лет.

Одной из первых организаций в Оренбуржье в 2003 году была официально зарегистрирована Оренбургская региональная общественная организация «Вахдат» («Единство»), руководитель – Хуснутдинов У. Ш.

Затем в 2006 году была создана Оренбургская городская общественная организация таджикистанцев Национально-культурный центр «Хамшахриён» («Земляки»), руководитель – Баротов Т. М.

Однако особенно активизировалась общественная жизнь таджикской диаспоры после создания на основе Федерального закона «О

национально-культурной автономии» 1996 г. Оренбургской региональной таджикской национально-культурной автономии под руководством Баротова Т. М.

Согласно Уставу, основная цель автономии – содействие сохранению самобытности, развитию языка, образования, национального развития таджикского народа, развитие и укрепление межнациональных связей и дружбы между народами.

За годы функционирования НКО стремилась реализовывать цели, обозначенные в Уставе автономии.

В активе организации – проведение культурных мероприятий, национальных праздников, организация круглых столов, участие в научно-практических конференциях по этнической истории, духовной культуре, в областных мероприятиях по различным аспектам жизнедеятельности полиэтнического оренбургского социума, организация знакомства с национальной кухней таджиков.

Создатели автономии стремятся выполнить и задачи, поставленные в Уставе: по содействию сотрудничеству таджиков города Оренбурга и Республики Таджикистан в области культуры, образования. Этому способствуют договоры, заключенные между регионами Республики Таджикистан и Оренбургской областью.

Активно работает местная таджикская национально-культурная автономия г. Орска. Организация праздника «Навруз», участие таджикской диаспоры в Дне города, Дне Победы, Дне России, национальных фестивалях, различных праздниках («Курбан-байрам», «Ураза-байрам» и др.), организация спортивных соревнований – это далеко не полный позитивный перечень дел, вошедших в копилку местной НКО орских таджиков.

Таджикской общественной организацией издавались газеты «Паёми Оренбург», «Согдиана». Построен и функционирует национально-культурный центр и кафе национальных блюд «Согдиана».

Все это, несомненно, способствует изменению общественного мнения к вновь прибывшим в регион, создает позитивный фон в оренбургском обществе и разрушает негативные стереотипы в сознании оренбуржцев.

Одной из главных причин, затрудняющих успешное вхождение таджиков в оренбургский социум, является плохое знание таджикской молодежью русского языка. Эта проблема разрешима, так как при кафедрах русского языка в ВУЗ(ах) открыты курсы для трудовых мигрантов. Однако многих не устраивают цены, многие поку-

пают сертификаты на черном рынке, что гораздо дешевле. Это решает временную проблему пребывания, но не решает проблемы интеграции и адаптации.

Этнокультурное отделение центрально-азиатских постсоветских стран привело к сужению сферы русского языка. Приехавший в Оренбург житель таджикской глубинки (равно как и других центрально-азиатских стран), прекрасно справляясь с земляными и другими тяжелыми работами, не может в одночасье заговорить на чистом русском языке, усвоить все нормы российской жизни, сталкиваясь с трудностями на бытовом уровне. Пытаясь справиться с трудностями, мигрант будет искать поддержки у своей диаспоры.

И правы те, кто полагает, что «и от того, как диаспора поможет соотечественнику освоиться в новой для него социальной среде и выбрать свою новую идентичность, зависит его отношение к России. Кроме того, успешная адаптация и интеграция мигрантов невозможна без участия и заинтересованности работодателей»¹⁸.

Заметную роль в жизни таджиков играла и продолжает играть религия. Сегодня, по мнению современных религиоведов, ислам в Таджикистане существует в нескольких формах: традиционный ислам, «официальный» или спонсируемый государством ислам, суфизм.

Наверное, неверно будет говорить о процессах возрождения ислама в постсоветские годы. Надо согласиться с исламоведами, говорящими о процессах реисламизации в Таджикистане. В стране официально зарегистрирована Партия исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ), проявившая себя как руководящая сила в первых антикоммунистических выступлениях в 1990 году в г. Душанбе.

Партия имеет двух депутатов в нижней палате Парламента РТ (Маджлиси намояндагон). Она же имеет своих представителей в ряде городов и регионов страны. Есть последователи и других организаций, так называемого радикального толка: «Хизб ут-Тахрир ал-ислами» (Партия исламского освобождения), салафитов, деятельность которых запрещена в стране.

Между тем, среди трудовых мигрантов, прибывших из стран Центральной Азии, есть последователи идеологий вышеназванных радикальных течений. Пользуясь свободой, которую они не имели в своих странах, эти люди пытаются вести пропаганду своих идей и в мечетях России.

Таджики религиозны. На пятничных молитвах в соборной мечети г. Оренбурга среди прихожан 2/3 составляют именно представи-

тели данной национальности.

На территории плодовоовощной базы «Солнечная» в г. Орске по инициативе руководства местной национально-культурной таджикской автономии на средства таджикской диаспоры построена мечеть на 200 человек.

В целом со времени своего появления на территории Южного Урала в 30–40-е гг. XVIII в. и до настоящего времени таджики остаются яркой составляющей этноконфессионального пространства Оренбургского края.

Примечания:

1. Народы России: Энциклопедия / Под ред. В. А. Тишкова. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. – С. 319.
2. Дубовицкий В. В., Назриев Д. Я. Таджики и таджикистанцы за рубежом. – Душанбе: Ирфон, 2012. – С. 19.
3. Народы России: Энциклопедия / Под ред. В. А. Тишкова. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. – С. 319.
4. Полное собрание законов Российской Империи. – Собрание первое (ПСЗ-1). – Т. IX. – СПб., 1830. – № 6584.
5. Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. 1762 год. Издано на средства Ф. И. Базилевского. – Оренбург: Типография Б. А. Бреслина, 1887. – С. 134–137.
6. Там же. – С. 136.
7. Дубовицкий В. В. Основные факторы формирования и особенности функционирования таджикской диаспоры в Поволжье и на Южном Урале (рукопись).
8. Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года. – Казань: Типо-литография В. М. Ключникова, 1897. – Т. 1. – С. 134.
9. Дэн В. Э. Население России по пятой ревизии. Подушная подать в XVIII веке и статистика в конце XVIII века. – Т. 2, ч. 2. – М.: Университетская типография, 1902. – С. 289.
10. Злобин Ю. П. Начальный этап формирования среднеазиатских диаспор в Оренбургском крае в XVIII–XIX веках (рукопись).
11. Дебу И. Л. Топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии в ее нынешнем состоянии. – М.: Университетская типография, 1837. – С. 37–38.
12. Абашин С. Н. Национализмы в Средней Азии в поисках идентичности. – СПб.: Алетейя, 2000. – 304 с.
13. Обзор Ферганской области за 1898 год. – Новый Маргелан, 1900. – С. 13–14.
14. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – Т. XXVIII. Оренбургская губерния. – СПб., 1904. – С. 27.
15. Злобин Ю. П. Указ. соч.
16. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Национальный состав населения по регионам РСФСР [Электронный ресурс]. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=375 (дата обращения: 07.06.2013); Всесоюзная перепись насе-

ления 1939 г. Национальный состав населения по регионам России [Электронный ресурс]. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php?reg=59 (дата обращения: 07.06.2013); Всесоюзная перепись населения 1970 г. Национальный состав населения по регионам России [Электронный ресурс]. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_70.php?reg=53 (дата обращения: 07.06.2013); Всесоюзная перепись населения 1979 г. Национальный состав населения по регионам России [Электронный ресурс]. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79.php?reg=53 (дата обращения: 07.06.2013); Всесоюзная перепись населения 1989 г. Национальный состав населения по регионам России [Электронный ресурс]. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php?reg=51 (дата обращения: 07.06.2013); Всероссийская перепись населения 2002 г. Национальный состав населения по регионам России [Электронный ресурс]. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_02.php?reg=51 (дата обращения: 07.06.2013); Всероссийская перепись населения 2010 г. Население по национальности, полу и субъектам Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_etn_10.php?reg=53 (дата обращения: 07.06.2013);

17. Габдрафиков И. М., Хуснутдинов Л. Г. Конфессиональный фактор и социальная адаптация трудовых мигрантов в Башкирии // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Под ред. В. А. Тишкова и В. В. Степанова. – М.: ИЭА РАН, 2012. – С. 199.

18. Цабан. Вопросы миграции // Аргументы недели (Оренбуржье). – 2012 – 16 августа.

Бугай Н. Ф. (Москва)

ТУРКИ-МЕСХЕТИНЦЫ, КУРДЫ, ХЕМШИНЫ – МИГРАНТЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ В РОССИИ. 1990–2012 ГГ.*

Национальные меньшинства – это общность людей, составляющая часть этнической общности, сохранившая традиционный образ жизни, этнические особенности этого народа и проживающая в сфере инонационального населения. К числу таких этнических меньшинств, например, на Кавказе относятся турки-месхетинцы, курды, хемшины. Именно они подвергались в 1940-е годы деструктивным воздействиям со стороны органов государственной власти. Им пришлось претерпеть трансформации в 1990-е годы, переселяясь с территории Средней Азии в Россию. Их судьба разделилась между многими государствами.

* Проект подготовлен при поддержке – Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» (координатор: академик А. П. Деревянко). Направление 2. Советская модернизация и её влияние на российское общество (координаторы – член-корр. РАН Е. И. Пивовар, д. и. н. Ю. А. Петров).

Проводимые меры, связанные со стремлением турок-месхетинцев, курдов и др. в 1960–1970-е годы переселиться в Грузию на основе провозглашённых нормативно-правовых актов Союза ССР по восстановлению репрессированных народов, не дали желаемых результатов и высветили одновременно сложные дополнительные политические проблемы.

В Грузии не только не проводилось необходимой работы, чтобы разрушить среди местного населения стереотип восприятия мусульманина, особенно турка, как носителя всевозможных потрясений, пережитых в историческом прошлом грузинами и армянами, но и появлялись печатные материалы тогда известных деятелей неформальных организаций, сеявших неприязненные чувства по отношению к туркам со стороны местного населения. Так, председатель «Народного фронта Грузии» Нодар Нотадзе на одной из встреч с депутатами Союза ССР заявлял: «Ни одного турка в республике не будет, – вот наша позиция. Тот, кто хочет жить в Грузии, должен заявить о том, что он отнюдь не турок, а грузин-месхетинец»¹. По нашему мнению, в данном утверждении отчетливо просматривается проявление теории «кристаллизации общества». Именно в этом ключе активно длительное время формировалось общественное мнение населения в районах юга Грузии.

В материалах переписи 1939 г. турки уже не упоминались. Вместо них указывались азербайджанцы, которые не входили в номенклатуру Всесоюзной переписи 1936 года. О турках упоминается вновь в 1944 г. и в 5 районах Месхет-Джаваheti их насчитывалось 87987 человек².

20 сентября 1944 г. появился приказ НКВД СССР «О переселении из пограничных районов Грузинской ССР турок, курдов и хемшинов». Таким образом, сама акция переходила постепенно в практическую плоскость.

28 ноября 1944 г. Л. Берия, доложив И. Сталину, Г. Маленкову, В. Молотову о полном выполнении постановления ГКО о переселении турок, курдов и хемшинов, объяснил причины выселения (связь населения родственными отношениями с жителями Турции, проявление эмиграционных настроений, участие в повстанческом движении, шпионаж и пр.). Далее сообщалось: «Операция по переселению Ахалцихского, Адигенского, Аспиндзского, Ахалкалакского и Богдановского районов проведена в период с 15 по 18 ноября 1944 г. и из районов Аджарской АССР – 25–26 ноября 1944 года. Всего переселено 91 095 человек.

Эти данные в значительной мере совпадают и со сведениями, приведёнными в справке НКВД СССР о движении численности спецпоселенцев с момента их расселения до июня 1948 года. Отмечается, что в конце 1944 г. было переселено 94 955 турок-месхетинцев, курдов, хемшинов и других.

Двенадцать лет депортированные турки, курды, хемшины из южных районов Грузии находились под надзором спецкомендатур в республиках Средней Азии и в Казахстане. Только в 1956 г. были сняты с них ограничения по спецпоселению. Им разрешалось поселяться на всей территории Союза ССР, кроме Грузии.

На практике действительно чаяния турок-месхетинцев, как и курдов и хемшинов, да и многих других, оказавшихся в этой ситуации, возвратиться в Грузию «разбились о возведённые 1950–1980-е годы на их пути шлагбаумы...». Проблема возвращения турок-месхетинцев, курдов в Грузию приобретала, начиная с середины 1940-х годов, своё решение.

В специальном пункте документа читаем: «Временно оставить на спецпоселении следующие контингенты, освобождение которых из под надзора органов МВД в настоящее время считается преждевременным: турок, курдов, хемшинов, греков и дашнаков, высланных в 1944–1945 годах, из Грузии, Армении, Азербайджана и Черноморского побережья – 92 736 человек».

28 апреля 1956 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений в правовом положении по спецпоселению с крымских татар, балкарцев, турок-граждан СССР, курдов и хемшинов и членов их семей, высланных в период Великой Отечественной войны» (№ 136/142). Существовавшие ограничения в правовом положении находившихся на спецпоселении в дальнейшем не вызывались необходимостью.

12 июля 1968 г. за подписью министра охраны общественного порядка СССР Шлякова был направлен на места приказ. Им предписывалось «разрешать пропуск гражданам СССР: туркам, курдам, хемшинам, азербайджанцам как ранее проживающим в Аджарской АССР, Ахалцихском, Ахалкалакском, Аспиндзском и Богдановском районах Грузинской ССР, и членам их семей на общих основаниях в соответствии с действующим законодательством и о трудоустройстве, и о паспортном режиме».

Конец 1980-х годов закончился новой трагедией для репрессированных народов, в том числе Грузинской ССР. Многие из них, в

связи с обострением межэтнических противоречий в Казахстане, Узбекистане, превратились в беженцев и вынуждены были покинуть места ранее «предложенного» им обитания. Переселение заняло длительный период и отличалось вялотекущими действиями. В целом на середину июля 1989 г. в Грузии было принято 380 семей (1972 чел.), однако обратно выехало по разным причинам 218 семей (1132 чел.). Главная же причина отъезда была в том, что возвращённые турки-месхетинцы не были расселены в местах, откуда они выселялись в 1944 году.

23 марта 1990 г. заместитель председателя Совета Министров Л. А. Горшков, обращаясь в Президиум Верховного Совета Узбекской ССР, заметил, что «власти Узбекистана продолжают отправлять в Российскую Федерацию семьи турок-месхетинцев без согласования с областями и краями Российской Федерации. Только в Ростовскую обл. с октября 1989 г. по март 1990 г. прибыло более 5000 турок-месхетинцев, в том числе в последние дни 700 человек. Всего в Российской Федерации находилось турок-месхетинцев из Узбекской ССР 35–37 тыс. человек»³. Заодно с ними переселялись частично и курды, хемшины. Разумеется, что часть турок-месхетинцев, курдов первоначально переселилась и в соседние с Казахстаном республики, периферийные области Российской Федерации. Так, например, в Оренбургскую область вынужденные переселенцы из числа турок-месхетинцев прибывали на протяжении последних постсоветских лет. В IV квартале 1992 г. (начало регистрации) статус беженцев получили 178 чел.; в 1993 г. – 188 чел.; 1994 г. – 15 чел.; 1995 – 2 человека. В 1996 г на учёте в миграционной службе области состояло 384 человека. Однако, как считают специалисты, это только 1/3 часть из прибывших, так как 2/3, как правило, в миграционную службу не обращаются по различным причинам⁴.

Вынужденные переселенцы турки-месхетинцы направлялись в основном в сельскую местность. Следует также отметить, что многие из приехавших переселенцев и покидали Оренбургскую область. Сказывались суровые климатические условия, морозы, холодная зима, непривычные для южан. Вместе с тем, турки-месхетинцы в небольшом количестве направлялись в Оренбургскую область и в 2001–2004 гг., однако, теперь уже в качестве разнорабочих на стройки, на сельскохозяйственные сезонные работы. Подобная ситуация с турками-месхетинцами складывалась и во многих других областях, краях этого региона.

В автономных республиках, при крайисполкомах, облисполкомах РСФСР были в срочном порядке созданы Комиссии по работе с турками-мехетинцами.

В ходе реализации мероприятий по трудоустройству турок-мехетинцев в июле – августе 1990 г. в общественное производство было вовлечено, по данным СМ РСФСР, 4180 чел., из 6450 трудоспособных (64,8 %). В то же время отмечалась большая тяга к переселению на историческую родину – Грузию.

Выбор оставался за самими турками-мехетинцами. Информационные материалы, поступавшие от администраций десяти субъектов Российской Федерации, свидетельствуют в целом о стабильной ситуации применительно как к туркам-мехетинцам, так и курдам, хемшинам. Но такой же вывод нельзя было сделать относительно турок-мехетинцев, проживавших в Краснодарском крае. Именно здесь обстановка оставалась крайне напряженной и особенно в отношениях между турками-мехетинцами и коренным населением – казачеством.

Что касается производственной деятельности остававшихся в России турок-мехетинцев, главным образом в Краснодарском, Ставропольском краях, Ростовской и Волгоградской, Воронежской областях, в Кабардино-Балкарской и Ингушской республиках, то они были заняты в своём большинстве в аграрном секторе (растениеводство, животноводство). Практиковалась широко аренда земли, предпринимательство. Сформировалась и незначительная прослойка турецкой интеллигенции (учителя, агрономы и др.). В названных регионах России повсеместно отмечается стабильная этнополитическая обстановка.

В то же время следует заметить, что сами администрации субъектов Федерации не уделяли должного внимания национальным меньшинствам, в том числе туркам-мехетинцам, курдам, особенно гражданам России. Слабо вовлекались турки-мехетинцы, курды в общественно-политическую жизнь. Недостаточно велась работа по реализации мер, связанных с решением задачи по воспитанию культуры межэтнического общения (Краснодарский край, Воронежская, Орловская области).

В качестве примера организованной на высоком уровне работы с турками-мехетинцами можно назвать Волгоградскую область, где работа с национальным меньшинством была поставлена под строгий контроль со стороны Комитета по делам национальностей и казачества Волгоградской области.

В Ставропольском крае проводилась успешно работа по интеграции турецкой молодёжи в экономику края. Это, по замечанию администрации края, давало положительные результаты в плане стабилизации этнополитической обстановки в районах проживания турок-месхетинцев.

В числе переселявшихся ещё в 1944 г. значились также 8694 курда и 1385 хемшилов. В документах НКВД СССР содержится также указание о том, что самостоятельным путём добирались из Грузии в места переселения еще 3180 курдов и турок.

Отдельными группами спецпереселенцы из Грузинской ССР прибывали в места поселений в 1946–1948 гг. Как отмечалось в докладе министра внутренних дел Союза ССР С. Круглова и Генерального прокурора СССР Г. Н. Сафонова, в этот период были дополнительно выселены 894 турка, курда и хемшилов, а также 690 «власовцев». Все они были отправлены к местам поселений. Наряду с турками-месхетинцами они претерпели подобные лишения.

Примечательным событием 1990-х годов в жизни российских названных этнических общностей стало формирование институтов гражданского общества, которые были призваны защищать интересы турко-месхов и курдской общности, возрождать культуру, сохранять родной язык, создавать прессу на родном языке. Возникновение названной системы институтов стало ничем иным как проявлением этнической мобильности турко-месхетинской и курдской общностей в начале 1990-х годов.

В конце 1980 г. наблюдалось повышение этнической мобильности турок-месхетинцев, а также курдов и в Москве. Возникали институты гражданского общества – общественные объединения. Среди них в турко-месхетинском движении важная роль принадлежала Международному обществу турок-месхетинцев «Ватан».

В ноябре 1992 года в Москве состоялся 1-й съезд общества месхетинских турок «Ватан», преобразовавший прежнюю организацию в Международное общество месхетинских турок «Ватан» и избравший главным направлением своей деятельности «взаимодействие с международными организациями». Анализировалась и ситуация в месхетинском движении на местах. Проблема месхетинских турок приобрела всё более отчётливое международное звучание.

18 августа 1989 г. в Москве состоялась представительская конференция курдов. Генеральным директором Центра курдской культуры был избран юрист Т. М. Броев. В круг задач Центра входило

осуществление гуманитарных и деловых связей с курдами, проживавшими на территории СССР, с объединениями курдов иностранных государств посредством общности культурных и духовных ценностей, оказание благотворительной помощи беженцам, малоимущим инвалидам, сиротам и другим слоям курдского населения, нуждавшихся в материальной и духовной поддержке.

Между тем, продолжался процесс расселения курдов по территории России. На начало 1990-х годов, по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., на территории страны проживали около 153 тыс. курдов, из них владели родным языком 80,5 тыс. человек, русским языком – 28,7 тыс., другими языками – 40,4 тыс. курдов. В 2002 г. в Российской Федерации насчитывалось 50,9 тысяч курдов. Конечно, эти данные имеют относительный характер. К концу 1990-х годов на территории России проживал, по приблизительным данным, около 200 тыс. курдов. Однако и эти сведения также условны. В отдельных публикациях встречаются данные о проживании на территории России (2010 г.) свыше 400 тыс. курдов, курдов-езидов, поддерживающих государственную политику страны, активно участвующих в её общественно-политической жизни. По переписи населения 2002 г. в России проживает 31,3 тыс. курдов-езидов. По приблизительным подсчетам, курдов-езидов в России на 2005 г. насчитывалось до 80 000 человек.

На 2005 г. в Оренбургской области проживали в Оренбурге, Орске – 500 чел., Новотроицке – 2 человека. На 2006 г. оставалось 48 курдов. Из 48 курдов Оренбургской области 34 – расселялись в городах, 14 человек – в сельской местности. Из курдов, расселенных в Оренбургской области, 45 человек владели в совершенстве русским языком. Эксперт Комиссии по пространственному развитию Приволжского федерального округа В. Л. Глазычев в интервью корреспонденту «Вести. RU» замечал: «Мы можем получить через 10–15 лет радикальную смену этнокультурной ситуации в некоторых областях, в Оренбуржье почти целиком и в значительной части Саратовской губернии тоже... В Оренбургской области есть целые деревни, брошенные и занятые чеченцами... Это не означает, что их надо сносить. На практике необходимо укреплять старые поселения; «сажать» на землю людей, оказывающихся без жилья; соединить программы «Жильё для увольняющихся из армии» и «Жильё для соотечественников-переселенцев» в осмысленную пространственную политику, которой пока нет»⁵.

5 декабря 1994 г. был учрежден Международный союз курдских общественных объединений (МСКОО). С 4 по 8 мая 1996 г. состоялся 2-й съезд Международного союза курдских общественных организаций. Федеральная национально-культурная автономия (ФНКА) курдов Российской Федерации была учреждена в 2000 г., её возглавил Азиз Мамоян (свидетельство о регистрации № 911), в последующем адвокат – Мераб Шамоев и другие лидеры курдского движения в России.

5 февраля 1998 г. была зарегистрирована региональная национально-культурная автономия (НКА) курдов в г. Москве, которая за 12 лет, накопила огромный практический опыт работы с московскими курдами при непосредственном взаимодействии с ФНКА курдов России и органами государственной власти в Москве. Возглавил НКА курдов гор. Москвы Османов Матлаб Чолуевич. НКА курдов в Москве как раз и призвана, и должна отстаивать и защищать интересы около 25 тыс. курдов Москвы.

2000–2005 гг. отмечались продолжавшимся ужесточением политики преследования в отношении турок-месхетинцев в Краснодарском крае; по мере выезда турок в США объектом аналогичных последствий становились другие меньшинства – курды, езиды, хемшилы⁶.

Таким образом, благодаря деятельности общественных объединений турок-месхетинцев, курдов, переселившихся на территорию Российской Федерации, происходил процесс адаптации и интеграции их в российский социум, решались вопросы их обустройства, трудовой занятости, жизнеобеспечения, возрождения культуры и др. Он становился органичной частью населения Российской Федерации.

Примечания:

1. Текущий архив Комитета по делам национальностей Администрации Краснодарского края.

2. Там же.

3. Телеграмма Л. А. Горшкова в Президиум Верховного Совета Узбекской ССР от 23 марта 1990 года.

4. См. Амелин В. В. Турки-месхетинцы // Этнокультурная мозаика Оренбуржья: (научные статьи, очерки, статистика). – Издание второе, доп. – Оренбург: ИПК «Южный Урал», 2003. – С. 169–170.

5. Глазычев В. Л. Россия меняет лицо [Электронный ресурс]. URL: http://www.glazychev.ru/publications/interviews/2001-11-30_interview_Rossia_menyuet_litso.htm (дата обращения: 07.06.2013).

6. «Об исполнении Российской Федерацией Рамочной конвенции о защите прав национальных меньшинств». Альтернативный доклад НПО. М., Февраль 2006 г. См также: Альтернативный доклад неправительственных организаций «О соблюде-

нии Российской Федерацией Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации», Москва. Декабрь 2002 г. Правозащитный Центр «Мемориал» (Москва) при участии Сети российских НПО по противодействию расизму и дискриминации и др.

Додхудоева Л. Н. (Душанбе, Таджикистан)

СВЕДЕНИЯ ПО ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ)

Этнографические изыскания, проведенные в советском Таджикистане в XX в., способствовали формированию нового типа знаний о таджиках и других народах, проживающих на территории республики. Особое значение имеют материалы экспедиции Института истории, языка и литературы Таджикского филиала Академии наук СССР (далее ИИЯЛ ТФАН СССР) в Кулябскую область (часть современной Хатлонской области на юге Республики Таджикистан) под руководством выдающегося советского исследователя Антонины Константиновны Писарчик¹ в 1948–1949 гг., которые до сих пор остаются неопубликованными. Документы хранятся в этнографическом архиве Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан (ИИАЭ АН РТ) и в настоящее время готовятся к изданию. Среди них значительный интерес представляет подготовленный к печати, но неизданный «Предварительный отчет о работах Кулябской этнографической экспедиции ИИЯЛ ТФАН СССР 1948–1949 гг.» А. К. Писарчик, который содержит важный фактический материал по этнической истории народов Центральной Азии².

Также малоизученными остаются фотоколлекции 40-х – начала 50-х гг. XX в., той эпохи, которая была связана с результатами коллективизации в сельском хозяйстве, послевоенным восстановлением предприятий, активным развитием СМИ. Это был период сращения разных идеалов, выбора ценностей, формирования нормативных образцов советских мужчины и женщины. Героями репортажей становятся первые ученые, передовые колхозники, доярки, табаководы и животноводы, многие из которых ставили рекорды в разных областях. Именно они запечатлены во многих фотоматериалах, автором которых был Олег Иванович Кузьмин. В качестве корреспондента

ТАСС³ он побывал во многих регионах СССР, в том числе и в Таджикистане. По странному стечению обстоятельств некоторые из его снимков сделаны в тех же местах, в которых работала Кулябская этнографическая экспедиция. Но работы О. Кузьмина, как профессионального фотографа, гораздо более остры, нежели снимки члена экспедиции О. Минакова, так как в них заложена идея политической пропаганды. Они также могут служить историческими документами по этнической истории Центральной Азии.

Экспедиция в Кулябскую область под руководством А. К. Писарчик была предпринята кабинетом этнографии ИИЯЛ ТФАН СССР в связи с разработкой большой темы «Сплошное этнографическое обследование Таджикистана», материалы которой должны были помочь уточнить границы историко-культурных районов и микрорайонов страны, послужить основанием для составления подробной этнографической карты, а в будущем – и историко-этнографического атласа⁴.

Результаты полевых исследований были одобрены известными советскими учеными И. И. Зарубиным, М. С. Андреевым, Н. А. Кисляковым. Ознакомившись с «Предварительным отчетом о работах Кулябской этнографической экспедиции ИИЯЛ ТФАН СССР 1948–1949 гг.» А. К. Писарчик (далее «Отчет»), академик А. А. Семенов отметил в своем отзыве, что в нем зафиксированы миграции и расселение таджиков, арабов, тюрко-монгольских племен, неожиданно появляются из них даже те, которые мы знаем лишь из известного труда Рашидаддина «Тарихи Рашидаддин» (13–14 вв.), а так же те группы, которые пришли на эту территорию до узбеков и монголов»⁵.

Кулябская область, расположенная в южных отрогах Гиссаро-Алая (на высоте до 4088 м), была образована в Таджикистане Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 октября 1937 г. и не раз ликвидировалась и восстанавливалась вновь⁶. Территория Кулябской долины на юге Таджикистана занимает выгодное географическое положение, а ее речные долины являлись основными местами поселения человека с древних времен. Плодородные почвы, многоводные горные реки всегда привлекали сюда оседлое и кочевое население.

Известный русский исследователь Д. Н. Логофет утверждал: «В горах как можно предполагать, с древних времен поселились таджики, причем среди них вне города и больших кишлаков совершенно отсутствуют представители какого либо другого племени ... Равнина же имеет совершенно другой характер, тут население пришлое и час-

тью, если так можно выразиться, случайное»⁷. Другой ученый А. Брискин отмечал, что горные таджики «не только сохранили свою этнографическую самостоятельность, но оказывали еще глубокое цивилизующее влияние на своих поработителей. Они научили кочевников-узбеков земледелию и ремеслам, они передали им свою религию»⁸.

Экспедиция под руководством А. К. Писарчик работала в течение двух сезонов (1948–1949 гг.) и собрала различного рода материалы по расселению этнических групп, их религиозным верованиям, ремеслам и промыслам, социальному положению, коллекцию изделий ремесленного производства этого региона. Среди сохранившихся материалов Кулябской экспедиции в настоящее время в этнографическом архиве ИИАЭ АН РТ находятся: экспедиционные дневники (рукописные и машинописные варианты), копии подготовленных к печати научных исследований, фотоколлекция, которые опубликованы ее участниками лишь фрагментарно⁹. Основная же их часть, подготовленная А. К. Писарчик и касающаяся, главным образом, этнической истории региона, до настоящего времени не введена в научный оборот, остается неизвестной исследователям. Однако сохранившиеся документы имеют исключительный научный интерес и важны для этнической идентификации народов не только Таджикистана, но и всей Центральной Азии.

Полевая работа 1948–1949 гг., касающаяся быта таджиков и тюркоязычных групп, позволила выявить характерные черты: название, самоназвание и самоопределение, происхождение и время появления каждой этнической группы на месте ее обитания в Кулябской области, родовые подразделения и принадлежность к ним, язык, основные занятия в настоящем и прошлом, формы жилища, способы его обогрева, а также конкретные данные о повседневной жизни населения области.

Основной вывод, сделанный А. К. Писарчик, гласит: «Кулябская область представляет «сплошной таджикский массив» при наличии разнообразных этнических групп»¹⁰. Этнические же меньшинства были достаточно разнообразны и включали в себя такие общности, как узбеки, казахи, турки (тюрки), карлуки, мугулы, хазора, барласы, локайцы, семизы и кесамиры, катаганы, миришкоры, кунграты, сараи, каучины, баташи, белуджи, арабы, лархоби, чинаки, обсарина, утабулоки, шомари, афганцы, индусы, татары, русские, украинцы и многие другие. Р. Л. Неменова отмечала, что в крупных центрах встречаются русские, которые в основном работают учителями, медработниками и зоотехниками¹¹.

Процесс миграции населения в данном регионе представлен в «Отчете» А. К. Писарчик не только информацией о перемещении отдельных этнических групп, но и разделом «Кишлаки вне колхозов, большей частью не существующие», где указаны даты исчезновения или же вхождения прежних кишлаков в новые колхозы. Подобные сведения позволяют корректировать некоторые моменты отечественной истории, прежде всего, процессы принудительного и добровольного переселения ряда этнических общностей.

Впоследствии один из членов экспедиции Б. Х. Кармышева в своих исследованиях много внимания уделила выявлению и рассмотрению взаимовлияния и связей изучаемых тюркоязычных групп с таджиками, среди которых они проживали. Она отмечала, что в культуре малых народов Южного Таджикистана более наглядно прослеживаются заимствованные элементы культуры таджиков у тюркоязычных племен, у которых процесс перехода к оседлости, к земледелию проходил постепенно – разновременно у различных групп. Обратные явления, т. е. заимствования таджиками у тюркских групп и племен и влияние последних на таджиков, по ее мнению, были не столь явны¹².

Как известно, в научной литературе имеется немало свидетельств и многочисленных примеров изгнания таджикского автохтонного населения из своих исторических мест проживания. А. К. Писарчик приводит также немало фактов, касающихся подобных вынужденных, принудительных миграций таджикского народа. Так, она пишет в своем отчете, что южная часть области некогда была заселена оседлым земледельческим населением, несомненно, таджикским¹³. Она приводит слова информанта Ахмадбека, который с 14 лет проживал в Кулябе, о том, что ожесточенная борьба за землю между бедными земледельцами-таджиками и богатыми тюркскими баями не ослабевала и в предреволюционные годы, что приводило порой к жестокой расправе с непокорными. Для разрешения споров о земле присылалась комиссия из Бухары, возглавляемая одним из махрмов (приближенных) эмира, но обычно баю-скотоводу легко было подкупить бухарского посланника склонить его к вынесению желаемого им решения¹⁴.

Весьма ценными представляются и записанные среди таджиков-рогцев предания о том, что их предки когда-то обитали на территории нынешней Кулябской области, но были оттеснены оттуда «во времена Чингизхана» и переселились в Рог (Афганистан). Возвраще-

ние исконных насельников региона – рогцев в конце XIX в. на древнюю родину их предков (юг Кулябской области) совпало с переселением на эту территорию горных таджиков из северных районов.

Наряду со сбором материалов о национальном составе того или иного региона экспедицией собирался по всем группам населения и этнографический материал, касающийся особенностей жилища (около 200 жилищ было зафиксировано в 1948 г.)¹⁵, религии, костюма, верований, обрядов и ритуалов, т. п. Как считала сама А. К. Писарчик, эти сведения при всей их краткости, предоставляют для исследователей, хотя и неоднородную информацию по обследованным группам, но способны служить прекрасным материалом для определенных обобщений и выводов¹⁶. Это ценные свидетельства повседневной жизни советского Таджикистана, его микросоциология.

Так, в частности о казахах в Отчете приведены следующие сведения¹⁷. На территории южного Таджикистана они проживали в Дямликульском и Сарайкамарском туманах Кургантюбинского вилайета в количестве около 1500 человек. По преданию, они пришли сюда с Мангышлака, который вынуждены были покинуть из-за засухи в конце XIX в. В Кулябской области, по словам осведомителей, прибывшие группы до революции жили на территории нынешнего Дангаринского района в бывшем кишлаке Тош рабат Булионского кишлачного совета. Богатых баев среди казахов не было, и занимались они тем, что разводили верблюдов (самые богатые имели до 20–30 голов), собирали и продавали фисташки и выжигали уголь, который сбывали в Ховалинге и Бальджуане.

Как сообщает А. К. Писарчик, в начале 30-х гг. XX в. была зафиксирована другая волна миграции казахов, которые пришли из Кенимехского района Узбекской ССР и поселилась в колхозах им. Ломанова, «1 Мая», «Комсомол», «Рохи Ленин» («Ленинский путь»), «Сталинабад» Пархарского кишлачного совета и в колхозе «Кзыл мухаджир» («Красный переселенец») Ватанского кишлачного совета. По данным А. К. Писарчик, в колхозе «Сталинабад» Пархарского района проживали казахи Средней орды (Орта джуз, Орта чоз) из Кзыл-орды, Тотманарыка и Чаили, в колхозе им. Ламангова Пархарского района – из рода досок, которые были, как и их сородичи из колхоза «Комсомол», из Кзыл рабата. В колхозах «Рохи Ленин» и «1 Мая» членами экспедиции были зафиксированы семьи казахов из рода альм, представители Малого (Кши) джуза и 20 хозяйств переселившихся из Аральска. Казахи же из колхоза «Комсомол» приехали по догово-

ру с организацией «Таджиктранс» в Курган-тюбе, а затем переехали в Пархар, начали заниматься хлопководством. Всего же в 1948–1949 гг. здесь насчитывалось 100 их хозяйств.

Имелись сообщения и о казахах адаевских, которые прежде проживали в уже не существующем к 1948 г. кишлаке Тош гузар Булионского кишлачного совета Пархара. Казахи, трудившиеся в колхозе «Комсомол», сделали его передовым, лучшим в районе. Они не обрывали связи со своими соотечественниками в Кенимехе и активно поддерживали с ними контакты.

В 1948 г. кишлак Тош рабат уже не существовал, и обитавшие здесь казахи покинули его. Экспедиции не удалось установить, куда они ушли. В 1949 г. этнографы зарегистрировали казахское население в кишлаках «Афгон-кишлак (Афганский кишлак)», Курбанабад, Тугул и Амир-хол тубек Пархарского кишлачного совета. Те, что проживали в кишлаке Тугул, пришли сюда 30–40 лет тому назад и, как пишет А. К. Писарчик, успели уже несколько обузбечиться по языку, хотя обычаи и быт сохранили традиционные, казахские. Казахи из вышеупомянутых кишлаков пришли по договору с «Таджиктрансом» около 1930–1931 гг. в качестве верблюдчиков из Кенимехского района и из Кзыл-орды сначала в Курган-тюбе, а потом в Куляб, где и осели. Они являлись представителями Среднего (Орта) и Малого (Кши) джузов. В 40-е гг. казахское население в основном занималось земледелием, преимущественно хлопководством.

Согласно утверждению А. К. Писарчик, жили казахи в 40-х гг. XX в. в глинобитных домах, в прямоугольных камышевых шалашах, обмазанных глиной, или в камышевых юртах хас-капа-кокра, также обмазанных на зиму глиной. В кишлаке Курбанабад, в котором проживало около 100 хозяйств казахов, сохранилось к тому времени всего три казахские войлочные юрты. Дома они отапливали печкой с вмазанным котлом, которая помещалась у входа в дом, а длинный дымоход в виде неширокой и высокой (около 1,5 м) стенки разделял комнату поперек на две части – жилую и хозяйственную. Такое устройство домов было весьма удобно и оттого активно перенималось живущими в одном колхозе с казахами локайцами, которые охотно покупали у них юрты и ковровый мешок мафрач (мапрамач).

Интерес членов экспедиции привлекла юрта кара уй учителя-казаха Бектыбаева из Дарган-Ата. Ее решетчатая стена кереге была привезена им с родины, а сверху покрыто чиём (вид ковыля). Новых деревянных частей здесь не делали, в потому казахи говорили: «уста

ёк» (нет мастеров). В юрте жили только летом, зимой – в более теплых помещениях – там или в кокра, камышевых домах, обмазанных глиной, для обогрева использовали печи.

В Кулябской области только казахи носили воду на коромысле ийн-агагач. Хлеб пекли они по-казахски на каменных сковородах, в котле или в вырытых в земле очагах типа таджикских чагдонов, называемых ими тандыр. Масло сбивали в деревянной маслобойке кобо, а мутовку двигали сверху вниз.

Большинство же кулябских тюрков (турков), по сведениям А. К. Писарчик, в 1948–1949 гг. говорило между собою на таджикском языке, и не все не знали узбекский язык. Лишь в одном месте, в кишлаке «Офтоблик» Зиракинского кишлачного совета Кулябского района, как сообщили осведомители, еще проживали турки, которые общались между собою по-тюркски. У турков из Муминабада замена в семейном быту тюркского языка таджикским произошла при жизни трех последних поколений. А. К. Писарчик отмечала: «В настоящее время многие отаджичившиеся тюрки, особенно из молодежи, при выяснении их национальности называют себя не тюрками, а таджиками рода тюрк»¹⁸.

Весьма важна историческая информация, приводимая автором. Так, например, в кишлачном совете Руикаш (бывшем Санготеле) Дашти-джумского района имелся колхоз им. Афанасьева. А. К. Писарчик приводит пояснительный текст, в котором объясняет, что Афанасьев был начальником заставы и погиб во время борьбы с басмачеством. Подвиг пограничника явился основанием для увековечивания его имени в названии местного колхоза. Особый интерес вызывает замена традиционной топографии местности, которая, как известно, всегда представляет собой особую культурно-историческую зону, сложившуюся в определенных климатогеографических условиях региона и определяющуюся физико-географическими, климатическими, хозяйственными, историческими, демографическими, языковыми и собственно этнографическими факторами в их взаимосвязи. В соответствии с задачами советской пропаганды известные места Кулябской области с привычными для местного населения звучанием получили новые революционные названия, обозначающие непривычные для этих мест контекст и семантику: колхозы имени Сталина, Ленина, Райкома, НКВД, «Таджик дивизия» («Таджикская дивизия»), «Октябрь байрак» («Октябрьское знамя»), «Тоджикистони сурх» («Красный Таджикистан»), «III Интернационал» и т. п.

Широко известен тот факт, что многие тюркские народы и этнические группы не имели традиций танцевального искусства вплоть до XX в., о чем свидетельствуют памятники искусства, в которых содгийцы предстают замечательными танцорами и музыкантами, тогда как турки только слушателями и зрителями¹⁹. В работе А. К. Писарчик можно найти немало подтверждений этому. Например, она указывает, что танцы у локайцев и кунгратов отсутствуют, тогда как среди катаган и мугулов были распространены как мужские, так и женские представления.

Особый интерес вызывают сообщения членов экспедиции о характере, особенностях ремесленной практики различных этнических меньшинств. Среди них было немало групп (белуджи, арабы, хазора, каучины, баташи, кунграты, утабулоки), которые, например, вообще не имели склонности к вышиванию, тогда как «вышиванием карлукские женщины раньше не занимались совсем и обучились этому искусству у локайцев»²⁰. Катаганы, таджикоязычные лярхоби также вышивали, что, возможно, происходило под воздействием соседнего таджикского населения, у которого они заимствовали не только язык, но и это ремесло. Среди локайцев имели большое развитие различные промыслы: валяние кошм и изготовление узорных кошм техникой аппликации, тканье узорных паласов и ворсовых (ковровых) изделий, а также вышивание. В этой последней области локайские женщины считались лучшими мастерицами, и у них вышиванию учились многие другие племена. В то же время, как отмечает А. К. Писарчик, вышивка рукавов и подолов у узбекских платьев носила чисто таджикский характер²¹.

Фотоколлекция № 2, состоящая из 380 снимков, которые были сделаны в основном О. Минаковым в Кулябской области в 1949 г., не менее важна по своей значимости, нежели научные изыскания членов экспедиции. Они относятся к тем полевым материалам, которые могут многое рассказать не только о работе исследователей, но и наглядно представить особенности архитектурных сооружений, быта, ремесел, костюма различных этнических групп.

По количеству созданных фотографий снимки очагов различной формы и их расположения (в интерьере, на айване, в саду) превосходят другие группы изображений. Затем следуют иллюстрации различных архитектурных сооружений (мечети, мазары, дома, юрты, капа, шалаша и т. п.). Важное место в фотоколлекции занимают портреты представителей титульной нации и национальных меньшинств, а также их быт.

А. К. Писарчик и руководимая ею команда этнографов Таджикистана в 1948–1949 гг., фотокорреспондент А. Кузьмин внесли важный вклад в изучение этнической идентификации таджикского народа и многочисленных национальных меньшинств Кулябской области, о чем свидетельствуют неопубликованные результаты исследований и фотоколлекции, хранящиеся в архиве Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Таджикистана. В данной статье приведена лишь малая их часть. В целом, фактические сведения в «Отчете» касаются как духовного, так и материального наследия оседлого таджикского и в те годы в основном полуоседлого тюркского населения региона, которые следует детально изучить.

Материалы Кулябской этнографической экспедиции показали, что в 1-й половине XX в. в Таджикистане взаимодополняемость хозяйственной деятельности оседлого и кочевого населения создавала условия для этнокультурного их сближения, а сосуществование разных типов их жизненного уклада содействовало сохранению самобытности каждой из этнических групп этого региона. Помимо этого, малые тюрко-монгольские этносы, которых принято было приравнивать к узбекскому населению, на самом деле оказались самостоятельными этнокультурными общностями особого территориального и генетического типа, стремившиеся сохранить свои собственные самоназвание и самоидентификацию. В этом смысле важность материалов трудно переоценить. Эти научные исследования и фотодокументы еще долгое время будут служить основой для реконструкции этнической истории народов всей Центральной Азии.

Примечания:

1. Писарчик А. К. (1907–1995) – известный советский этнограф. Являлась заведующей отделом этнографии Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Таджикистана.

2. Личный фонд А. К. Писарчик. «Предварительный отчет о работах Кулябской этнографической экспедиции ИИЯЛ ТФАН СССР 1948–1949 гг.» // Этнографический архив Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан. Оп. 1. Ед. хр. 1 (далее – «Отчет»).

3. Кузьмин О. И. (1916–1995) Родился в Москве. Окончил чертежно-конструкторские курсы, курсы карикатуристов, увлекался парашютным спортом. С 1946 г. после возвращения с фронта О. И. Кузьмин начал работать в Фотохронике ТАСС и в качестве фотокорреспондента объездил весь Советский Союз, побывал во многих регионах Таджикистана.

4. Писарчик А. К. Этнографическая наука в Таджикистане (1920–1990 гг.) / Подготовка текста к печати Н. Бабаева. – Душанбе, 2002. – С. 29.

5. Отзыв А. А. Семенова в машинописном варианте. Не опубликован // Эт-

нографический архив ИИАЭ АН РТ. Фонд А. К. Писарчик. Оп. 1. Ед. хр. 9.

6. Кулябская область (тадж. вилояти К?лоб) – административная единица на юге Таджикской ССР, не раз ликвидировалась и восстанавливалась. В ее состав были включены Куляб, который в 1934 г. получил статус города, и такие районы, как Бальджуванский, Дангаринский, Дашти-Джумский, Кангуртский, Кзыл-Мазарский (ныне Темурмаликский), Колхозабадский (ныне Руми), Кулябский, Муминабадский, Пархарский, Сари-Хосорский, Ховалингский и Шурабадский. В советский период область (12,0 тыс. км², население – 570 тыс. чел.) существовала в 1939–1955 и 1973–1988 гг. В 1988 г. была образована Хатлонская область в результате объединения бывших Кулябской и Курган-Тюбинской областей. В 1991 г. Хатлонская обл. подверглась расформированию, были вновь восстановлены Кулябская и Курган-Тюбинская области. В декабре 1992 г. обе области объединились во вторично образованную Хатлонскую обл., которая, в отличие от своей предшественницы, не включала в свои границы Нурека и Яванского района (отошли к районам республиканского подчинения), а также города Нурек.

7. Логофет Д. Н. Кулябское бекство // Туркестанские ведомости. – 1905. – № 111. – С. 27.

8. Брискин А. Страна таджиков. – М.; Л.: Гос. изд., 1930. – С. 20.

9. Писарчик А. К., Кулябская этнографическая экспедиция 1948 г. // Известия Таджикского филиала Академии наук СССР. – Сталинабад, 1949. – № 15; Писарчик А. К., Кармышева Б. Х. Опыт сплошного этнографического обследования Кулябской области // Известия Отделения общественных наук АН Таджикской ССР. – Сталинабад, 1953. – № 3; Неменова Р. Л. Кулябские говоры таджикского языка (Северная группа). – Сталинабад, 1956; Широкова З. А. Архаические детали в женской одежде горных регионов Кулябской области // Известия Отделения общественных наук АН Таджикской ССР. – Сталинабад, 1953. – № 3; Рахимов М. Обычай и обряды, связанные со смертью и похоронами, у таджиков Кулябской области // Известия Отделения общественных наук АН Таджикской ССР. – Сталинабад, 1953. – № 3; Нурджанов Н. Х. Танцы таджиков Кулябской области // Известия Отделения общественных наук АН Таджикской ССР. – Сталинабад, 1953. – № 3; Нурджанов Н. Х. О народных театрализованных представлениях у таджиков Кулябской области // Доклады АН Таджикской ССР. – Сталинабад, 1952. – № 3. Краткое описание предметов материальной культуры населения Кулябской области, приобретенных экспедицией, дано в статье Писарчик А. К. и Широковой З. А. Музей археологии и этнографии им. М. С. Андреева // Известия Отделения общественных наук АН Таджикской ССР. – Сталинабад, 1952. – № 2.

10. Писарчик А. К. Отчет. – С. 25.

11. Отчет. Куляб. 1948–1949 гг. // Этнографический архив Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан. Личный фонд Неменной Р. Л. Оп. 1. Ед. хр. 2. С. 7.

12. Кармышева Б. Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. – М.: Наука, 1976. – С. 38.

13. Писарчик А. К. Отчет. – С. 36.

14. Писарчик А. К. Отчет. – С. 40. Об этом же пишет и Р. Л. Неменова. Указ. соч. – С. 12.

15. Писарчик А. К. Отчет. – С. 89.

16. Там же. – С. 23.

17. Там же. – С. 42.

18. Там же. – С. 48.

19. Marshak B. Central Asia from the 3th to the 7th century // Nomads, Traders and Holy men along China's Silk Road / Ed. by L. Juliano and J. Lerner. – Turnhout, Belgium: Wapopolis, 2002. – P. 19; Додхудова Л. Диалог культур оседлого и кочевого населения Центральной Азии живописи Средневековья // Центральная Азия. Традиции и современность: сб. науч. ст. – М.: Институт всеобщей истории РАН, 2011. – С. 68.

20. Писарчик А. К. Отчет. – С. 37.

21. Там же. – С. 34.

Мальчик-казах из Малой орды в халате с куроком (лоскутное шитье). 1949 г.
Инв. № 2-101.

Герой соцтруда Б. Хайдарова. Колхоз им. Куйбышева. 1950 г. Фото О. Кузьмина.
Инв. № 3-46.

Турок с ребенком из кишлака Кипчак колхоза им. Сталина Муминаадского
района. 1949 г. Инв. № 2-135.

Печь для выпечки лепешек, изготовленная казахами колхоза «Комсомол». 1949 г.
Инв. № 2-216.

Панина Т. С. (Оренбург)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ХОЗЯЙСТВА, БЫТА, МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ КИРГИЗСКОГО НАРОДА

Киргизы (самоназвание – кыргыз) – одна из народностей Средней Азии, в процесс образования которой был вовлечен широкий круг племен древности и средневековья. Антропологически киргизы относятся к южно-сибирской монголоидной подрасе, которая складывалась во 2-й половине I тыс. н. э. Современный тип киргизов сложился не ранее XIII в. н. э. Язык киргизов входит в кыпчакскую группу тюркоязычных народов. По другой классификации киргизский язык относится к «новейшим языкам», вместе с алтайским, казахским, каракалпакским и ногайским.

Определяющими в формировании киргизской народности были местное европеоидное, преимущественно тюркоязычное население Тянь-Шаня, монголоидные тюркоязычные племена Южной Сибири, часть монголызычных племен Центральной Азии. Основное ядро

киргизской народности имеет центрально-азиатское происхождение. Верующие киргизы – мусульмане-сунниты.

Сложившаяся к XVI веку киргизская народность, как и каждый этнос, естественно, претерпевала изменения в ходе исторического процесса.

Киргизы получили свою государственность в 1924 году, когда была образована Кара-Киргизская автономная область в составе РСФСР, в 1926 году преобразованная в автономную республику, а потом – в союзную.

До 1924 года киргизы не имели письменности, в большинстве своем были неграмотны, за исключением представителей духовенства, которые читали Коран по-арабски. Письменность оформилась на основе русской графики. Зарождение письменности у киргизов связано с выходом в свет первой газеты на киргизском языке «Эркин-Тоо» («Свободная гора»). Первая книга на киргизском языке была издана в 1926 году.

В XIX веке активно изучались география Киргизии, геология, растительный и животный мир, этнография, археология, язык, история. Ученые-исследователи П. П. Семенов-Тянь-Шанский, Н. А. Северцев, И. А. Мушкетов, А. П. Федченко, Ч. Ч. Валиханов, В. В. Бартольд и др. рассказали миру о свободолюбивом народе страны гор. Н. М. Пржевальский, трижды побывавший в Оренбурге, в декабре 1880 года сделал доклад на заседании Оренбургского отдела Русского географического общества о своем изучении Центральной Азии. Киргизия оказалась в поле зрения выдающегося русского живописца В. В. Верещагина. Пять этюдов художник создал в горах близ Иссык-Куля, он делал зарисовки в Боомском ущелье, побывал на озере Алаколь, поднимался на высокие перевалы хребтов Алатау, в память о пребывании в гостях у киргизского племени Солто были созданы картины «Перекочевка киргизов» и «Киргизские кибитки на реке Чу».

У киргизов вплоть до XX века сохранялось родоплеменное деление и патриархально-родовой быт. Главным занятием, как и в прежние века, было пастбищное отгонное животноводство, поэтому большая часть киргизов вела полукочевой, а частично и кочевой образ жизни. В основном, разводили лошадей и овец, рогатый скот выращивали в меньших количествах, на равнинах разводили верблюдов, в высокогорье – яков. В некоторых районах киргизы занимались земледелием. Небольшая часть земель возделывалась в Ферганской, Чуйской, Таласской долинах и Иссык-Кульской котловине. Сеяли пре-

имущественно просо и ячмень, меньше – пшеницу, занимались садоводством. Хозяйство было натуральным.

Живя в горах, киргизы издревле занимались охотой. Один из видов ее, сохранившийся и сейчас – охота с ловчими птицами. Настоящие беркучи-охотники всегда были большой редкостью. В XVIII–XIX вв. ловчие птицы – соколы и беркуты считались очень дорогим и востребуемым товаром на Оренбургском меновом дворе. У художника В. В. Верещагина есть картина «Богатый киргизский охотник с соколом», написанная в 1871 году, где запечатлен весьма колоритный представитель киргизского народа.

Национальной мужской одеждой киргизов являются длинный халат (чапан) типа легкого пальто из хлопчатобумажной ткани, вельветовый костюм, тулуп. Национальные головные уборы – меховые шапки, белые войлочные шляпы, тюбетейки.

Женщины-киргизки носят широкие и длинные платья из тканей ярких расцветок, шаровары, бархатные расшитые безрукавки, бархатные и плюшевые пальто и жакеты, мягкие сапоги без каблуков и твердого задника. Головным убором для женщин в XIX и начале XX века был тюрбан (элечек), величина которого зависела от благосостояния его владелицы. Богатые женщины делали тюрбан из 20–30-метровой белой ткани, и он достигал огромных размеров. Сверху на тюрбан прикрепляли украшения различной формы. Тюрбан почти вышел из употребления в 1930-х годах. Девушки до замужества носили головной убор (топу), украшенный птичьими перьями. Со временем основным как женским, так и девичьим головным убором стал платок. Киргизами широко используются украшения из серебра хорошего качества.

Особо ценились у киргизов меховые изделия из шкур соболя, енота, куницы, горноста, песца. Из мехов и шкур шили шубы, тулупы, головные уборы, безрукавки, зимние шаровары и нарядную верхнюю одежду.

До конца XIX в. киргизское население жило по преимуществу большими айлами – общинами, организованными по родовому признаку. В период кочевания на сезонных пастбищах айлы уменьшались, а во время пребывания на зимних стойбищах – увеличивались. Некоторые айлы-общины насчитывали сотни юрт.

Жильем киргизов долгое время была юрта, символ киргизской жизни – переносной дом с разнообразными функциями. Не случайно на государственном флаге Кыргызстана изображена юрта. От

личные функциональные качества юрты как жилища отмечали ученые и путешественники, побывавшие в Киргизии – Н. М. Пржевальский, Ч. Ч. Валиханов, П. П. Семенов-Тянь-Шанский и др.

Остовом юрты служил деревянный каркас, разбираемый при перекочевках, который покрывался белыми кошмами с узором. Вход в юрту закрывался войлоком с аппликацией из более тонкого войлока синего и красного цветов, обшитым цветным шнуром. В аппликациях преобладали изображения сакральных символов. Решетчатые стены и купольные жерди для каркаса юрты изготавливались из ивы, тальника. Наиболее прочной и долговечной считалась древесина желтой ивы. Юрту устанавливали на высоком месте, ориентируя на восток. На установку юрты затрачивается около часа. Диаметр средней юрты составлял около 5 м, высота жилища достигала 3–3,5 м. Внутренний покров в юртах богатых киргизов шился из бархата, шелка, вельвета, бедняки обшивали юрту изнутри простой бязью. Установка юрты входила в обязанность женщин, мужчины лишь помогали поднять тяжелый обод.

Зимой и летом богатые киргизы наряду с нарядной юртой ставили юрту небольшого размера (ашкана уй), в которой готовили пищу и хранили запасы продовольствия. У состоятельных киргизов, кроме основной, были еще юрты для второй и третьей жен, а также юрты для женатых сыновей. По случаю больших праздников, похорон или поминок ставили временные юрты (мейман уй), которые после отъезда гостей быстро разбирали.

Установка новой юрты – это всегда праздник. Как оберег к кошме обычно пришивали кусочек старого войлока. Возведение жилища сопровождалось определенным ритуалом. В установленную юрту первой входила пожилая женщина и, начиная с порога, разбрасывала кругом сласти. В районах Чуйской долины пол обрызгивали молоком, а на Тянь-Шане осыпали мукой. При этом женщина, совершающая обряд, приговаривала: «Будь домом, приносящим счастье» или «Дай бог, чтобы дом был полон богатства». Затем приносили в жертву барана, прося у Бога, чтобы желания хозяина юрты исполнились, чтобы он и его семья жили в благополучии. Разделав тушу барана, голову выбрасывали из юрты через обод, – это означало пожелание, чтобы в этой юрте всегда горел огонь, а через обод, не переставая, выходил дым. Большинство обычаев, связанных с переносным жилищем, ушли в прошлое, а сохранившиеся со временем приобрели игровой характер.

В размещении обстановки и расселении членов семьи киргизы придерживались вековых традиций. Под деревянным кругом в центре юрты (тюндюк) находятся место для очага (коломто), котел для приготовления пищи, он же обогревает все помещение. Жилое пространство делилось на 4 части. Место напротив входа в юрту – самое почетное – для гостей и старших мужчин семьи. Напротив входа в юрту на сундуках складывались постельные принадлежности, стопки одеял, ковров, меховой одежды – свидетельство достатка семьи. Справа от выхода располагалась женская половина (эпчи жак), здесь хранились продукты и различная утварь. Слева, на мужской половине (эр жак) размещались принадлежности скотоводческого хозяйства, конское и охотничье снаряжение. На пол юрты стлали самые лучшие кошмы – шырдаки, а на них – узкие стеганные одеяла, либо меховые подстилки. В центре юрты принимали почетных гостей, расстилая перед сидящими скатерть – достархан.

Освещалась юрта с помощью ватного фитиля и жира, налитого в чугунный или глиняный светильник (чырак).

С юртой связаны обычаи и обряды: к юрте и принадлежностям должно относиться бережно, о юрте нельзя отзываться плохо, нельзя давать горячую золу соседям затемно; мастера, делавшие юрту, считались особо уважаемыми людьми. В киргизской традиции, как и у многих других народов, особую очищающую силу приписывали огню: в него нельзя брызгать водой, плевать, нельзя ходить вокруг огня, прыгать через огонь.

Кочевание киргизов было не просто передвижением со стадами с места на место, а по свидетельству писателя Ч. Т. Айтматова, большим хозяйственно-ритуальным шествием: своеобразной выставкой лучшей сбруи, лучшей укладки на верблюдов вьюков и ковров-попон, которыми покрывались поклажи, показом лучших девушек и певиц-импровизаторов, исполнявших траурные (если покидали место, где скончался человек) и дорожные песни.

Киргизы очень серьезно и ответственно относились к вопросам женитьбы и сватовства: ведь от этого зависело продолжение рода. Для них всегда была и остается актуальной цель породниться с людьми более знатного происхождения. Согласно традиции, если девушка выходила замуж, то она навсегда покидала отцовский род. В отношении невестки существовали обычаи запрета. Помимо запрета называть по имени родственников мужа, она не могла сидеть спиной к родственникам мужа, сидеть с протянутой ногой, резко и громко говорить,

ходить с непокрытой головой, босой, избегала прямой встречи со старшими родственниками мужа и так далее. Однако и сами старшие родственники мужа соблюдали особый этикет в отношении к снохе. Одно из ритуальных значений имел обычай посвящения. Каждая родственная семья приглашала по очереди молодоженов, знакомила невестку с родственниками мужа, в их честь резали скот, надевали на ее голову белый платок. Белый цвет у киргизов символизировал чистоту, счастливый путь, счастье и чистые помыслы. По обычаю невестка через год посещала аил родного отца, где находилась в течение нескольких дней или месяцев. По обычному праву родители невестки приготавливали приданое, которое передавали в день свадьбы стороне жениха. В состав приданого входило все, что необходимо для жизни молодоженов, от иголки с ниткой до скота, причем приданое не должно было быть меньше выкупа-калыма.

Пища киргизов в XVIII – начале XIX вв. характеризовалась традициями, обусловленными основным направлением хозяйства – скотоводством. Киргизская национальная кухня представлена разнообразными мясными, молочными и мучными блюдами. Для приготовления мясных блюд используются различные виды мяса – конина, баранина, говядина, птица, а также мясо диких животных – горных козлов, баранов, косуль. Наиболее распространенный способ тепловой обработки мясных продуктов – варка. С развитием земледелия киргизская кухня пополнялась мучными и овощными блюдами. Пищу бедноты в течение всего дня составляла жидкая похлебка – жарма из поджаренного смолотого зерна. По употреблению мяса в Средней Азии киргизы наряду с казахами стоят на первом месте. Излюбленными кушаньями являются нарын или ту ураган – мелко крошенное мясо с лапшой, разбавленное бульоном, известный и в казахской кухне бешбармак, кульчатай – отваренное крупными кусками мясо, которое перед употреблением нарезают широкими тонкими ломтями, едят вместе с кусочками тонко раскатанного, нарезанного квадратами отварного теста. В современном Кыргызстане кульчатай подают с отварным картофелем и зеленью. Из овечьей печени и жира готовили особые колбасы – олобо, жаркое – куурдак, пережаренное с луком. В состав традиционной кухни киргизского населения южных районов Киргизии входит плов, воспринятый, возможно от узбеков и таджиков. Важное место в рационе киргизов занимают молочные продукты: кислое коровье и овечье молоко – айран, процеженное или отжатое кислое молоко – сузмо. Киргизы готовили также сыры: из

просушенного сузме готовили сыр – курут, путем сквашивания и кипячения готовили особый сыр – эжигей. Из накопленной за определенное время сметаны (каймак) получали топленое масло – сары. Любимым напитком у киргизов издревле считался кумыс из кобыльего молока, подвергнувшегося брожению.

У жителей полуседлых районов значительное место занимала мучная пища, мало доступная кочевникам. Из кислого теста в котле выпекались мелкие лепешки (жапкан нал), из пресного – лепешки тонкие (колама, таптама), или слоеные (каттама). В особо торжественных случаях жарили на масле маленькие кусочки кислого теста – (борсок), а также круглые ритуальные плоские лепешки (май-токоч), оладьи – куймак. Из пресного теста готовили полужидкие блюда – кесме, зкуппа и т. п. Из ячменя или пшеницы варили жидкие каши. Из проса приготавливали хмельной напиток – бозо. В пищевой рацион киргизов входит и чай, часто с добавлением молока и соли.

В начале XX в. в киргизскую кулинарию начали проникать национальные блюда узбеков, уйгуров, дунган, русских.

Киргизы в своем культурном арсенале имели различные народные музыкальные инструменты: кыл-кыяк (двухструнный смычковый инструмент), комуз (трехструнный деревянный и железный инструмент), чоор (пастушеская дудка-свирель), сурнай (тип гобоя), медный керней (духовой инструмент), добулбас или доол (тип литавры). Носители киргизской народной музыкальной культуры – акыны, пользовавшиеся в народе особым уважением, слагали тексты и мелодии песен, музыканты создавали инструментальные пьесы, которые переходили от учителя к ученику. Среди крупнейших акынов – К. И. Киев, А. Усенбаев, Т. Сатылганов и другие. Акыны выступают или каждый отдельно, или вдвоем, состязаясь в мастерстве музыкально-поэтической импровизации (айтыш), и обычно сопровождают свое пение игрой на комузе. В традиции киргизской акынской поэзии по сей день существует излюбленный в народе популярный жанр одовой песни (мактоу), сказа о крае, где акын-импровизатор, воспеваает деяния народа.

Разнообразна тематика киргизских народных песен. В лирических одноголосных песнях мелодии широкие, распевные, в эпических и обрядовых – речитативные. В киргизской музыкальной традиции выделяются жанры песен: обрядовые, трудовые, лирические, колыбельные, игровые, шуточные, песни детей. Известный этнограф А. В. Затаевич, живший в 1920-е годы в Оренбурге, собиравший ка-

захский и киргизский фольклор, издал труд «250 киргизских инструментальных пьес и напевов» (М., 1934). Собранные им материалы народных песен использовались композиторами, создавшими на их основе оперы, балеты, симфонические и инструментальные пьесы.

У киргизов на протяжении веков создавалось и развивалось прикладное искусство высокого художественного уровня, связанное с бытом кочевников. Печатью художественного творчества отмечены не только предметы быта длительного пользования (наружное и внутреннее убранство жилища, женские украшения, сбруя), но и одежда, предметы домашнего обихода, утварь. Основные изобразительные средства киргизского декоративно-прикладного искусства – цвет и орнамент. В киргизском орнаменте, в частности в вышивке, встречаются реалистические изображения животных, птиц и других элементов окружающей природы, а также предметов быта, иногда даже жанровые сценки. Наряду с ними, особенно в вышивках и аппликациях, представлены фантастические узоры – кыял.

Колорит киргизских народных тканей, ворсовых ковров, вышивок, циновок из чия, художественных войлоков жизнерадостен, составлен из сильных звучных и сочных цветов спектра. В богатой палитре преобладают синий и красный цвета с добавлением черного и белого, реже – желтого, коричневого, зеленого.

Орнамент многообразен, в каждом виде прикладного искусства – особые узоры. В большинстве они древние, отражают животный и растительный мир, кочевой быт. Наиболее устойчивые мотивы встречаются и поныне. Основные из них: завиток – мотив стилизованного бараньего рога, мотивы треугольников, ромбов; когти вороны, S-образные мотивы, популярен орнамент растительного происхождения и др.

Большое место в творчестве киргизов занимали художественные изделия из овечьей шерсти, войлока, ткани. Войлок исстари в быту кочевника был составной частью его жилища, постели, одежды, утвари, убранства коня. Большого мастерства достиг киргизский народ в изготовлении узорных войлочных ковров шырдак (техника мозаики) и ала кийиз (техника вкатывания цветного узора). Выделкой шерстяных ворсовых изделий уже давно занимаются памиро-алтайские и ферганские киргизы, а также киргизы, живущие в юго-западной части Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР. Ковры ткут из овечьей шерсти, но на основу идет и верблюжья, и козья шерсть. По композиции орнамента войлочные ковры типа шырдак имеют свои

особенности на разных территориях – Прииссыккуля, Чуйской долины, Таласа и др. Теперь ковры изготавливают главным образом в юго-западных районах Ошской области. В войлочных изделиях заложены основные художественные принципы декоративно-прикладного искусства киргизов. Они выражены в цветной контрастности, в чередовании фона и узора, в стремлении к их равновесию. Большую художественную ценность представляют оригинальные киргизские узорные циновки из чия. Разнообразие технических приемов и орнаментальных мотивов прослеживается в вышивальном искусстве от старинных вышивок шерстью по домотканине, коже, войлоку, замше, бархату и сукну. Национальной гордостью вышивального искусства стал настенный вышитый ковер (туш кийиз).

Еще недавно киргизы применяли тиснение по коже и аппликацию из кожи. Их можно было встретить на старых сундуках, футлярах, различных кожаных сосудах для кумыса и молока, предметах конского снаряжения, одежде и т. д. Орнаментальные мотивы на кожаных изделиях киргизов сходны с алтайскими, якутскими, тувинскими, казахскими, калмыцкими узорами.

Предметы конского снаряжения, мужские пояса и некоторые другие вещи украшались металлическими (из серебра и посеребренного железа) пластинками и бляхами, покрытыми узором, выполненным способами чеканки, гравировки, черни, ажурной резьбы, применялись также украшения эмалью, крупной зернью, цветными камнями, кораллами. Из серебра и теперь изготавливают различные женские украшения. Самым распространенным видом техники является аппликация (насечка) серебром или серебряной проволокой по металлу. Кроме того, мастера применяют штамповку, зернь, вставку цветных камней.

Резным орнаментом покрывали двери и дверные рамы в юрте, сундуки и шкафчики, музыкальные инструменты и т. д. Применяются две техники резьбы: рельефная и плоская, при этом плоская резьба часто раскрашивается красками – красной, синей, белой, желтой. Мотивы резьбы преимущественно геометрические. Киргизская резьба имеет древние традиции, она ближе всего к искусству казахских мастеров.

За последнее время появилась и роспись по дереву. Резьба по дереву, как и художественная обработка металла, производится, как правило, мужчинами, остальные виды прикладного искусства составляют область художественного творчества женщин. Умельцы из разных мест Киргизии отличаются своим любимым видом изделий.

Как существование СССР, так и его распад обусловили появление и проживание в Оренбуржье киргизов (подготовка специалистов, смешанные браки, миграция), которых по переписи населения 1989 года в области насчитывалось 875 человек. Перепись населения 2002 года учла 393 этнических киргиза в Оренбуржье, в 2010 г. в регионе проживало 688 киргизов, что составило 0,02 % от населения области.

Примечания:

1. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена: в 3 т. – М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950–1953. – 379 с.; 332 с.; 326 с.
2. Бартольд В. В. Киргизы. Исторический очерк // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 2., ч. 1. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. – М.: Изд-во вост. лит., 1963. – С. 471–543.
3. Иванов С. И., Махова Е. И. Декоративно-прикладное искусство киргизского народа. – М.: Изд-во вост. лит., 1960. – 8 с.
4. Виноградов В. С. Киргизская народная музыка. – Фрунзе: Киргизгосиздат, 1958. – 334 с.
5. История киргизского искусства: краткий очерк / Под ред. А. А. Салиева – Фрунзе: Илим, 1971. – 407 с.
6. Киргизский узор. – Фрунзе: Кыргызстан, 1986. – 206 с.

Габдулгафарова И. М. (Оренбург)

УМ НАРОДА (НА ПРИМЕРЕ УЗБЕКСКИХ, КИРГИЗСКИХ, ТАДЖИКСКИХ ПОСЛОВИЦ, МУДРОСТИ ИХ ПОЭТОВ)

В. И. Даль отмечал, что пословица – это ходячий ум народа, его поученье. Поученье народа вырабатывается веками в ходе адаптации к природным условиям, познания окружающего мира, приобретения новых видов жизнедеятельности, передачи жизненного опыта следующим поколениям. Ранняя этническая история киргизов связана с племенными союзами гуннов, динлинов, саков, усуней. Прямыми предками таджиков были бактрийцы в бассейне верховьев Амударьи, согдийцы в бассейнах Зеравшана и Кашкадарьи, парфяне в Хорасане, маргианцы в Мервском оазисе, хорезмийцы в низовьях Амударьи, парканцы в Ферганской долине и сако-массагетские племена Памиро-Тянь-Шаньских гор и Арало-Каспийских степей. В формировании узбеков принимали участие согдийцы, бактрийцы, хорезмийцы,

ферганцы, сако-массагетские племена. Далёкие предки узбеков, киргизов, таджиков испытали воздействие Тюркского каганата, Бухарского эмирата, арабских и монгольских завоеваний. Традиционными занятиями этих народов были ирригационное земледелие, ремёсла, торговля, скотоводство. Понимание мира природы, мира животных и мира людей наполняли опыт этих народов мудростью, представлениями о добром и злом, разумном и неразумном, полезном и вредном. Опыт этих народов был направлен на внутреннее совершенствование человека. Переноса холод и голод, побеждая болезни без лекарств, мобилизуя в нужное время колоссальные резервы своего тренировочного организма, человек этого мира мог приказывать себе при помощи слов, за которыми стоят чёткие, выработанные веками напряженной работы понятия. Пословицы узбеков, киргизов, таджиков сохраняются веками и несут в себе информацию о нравственных представлениях. Нравственные представления многогранны, они включают:

1. ценность слова, осуждение многословия, лжи:

«Большой дождь землю губит, многословие – мужчину» (узб.).

«Говорящий ложь лишает доверия другого человека, он и жемчуг делает ничтожным» (узб.).

«Сначала подумай, потом говори» (тадж.).

«Самое горькое слово друга полезней, чем похвала друга» (тадж.).

«Если джигит бесстыдный болтун, он похож на коня без узды» (кирг.).

«Горы и камни ливень разрушает, а людей портит клевета» (кирг.).

2. защиту интересов народа:

«Если враг наступает на народ, тот не джигит, кто пожалеет себя» (кирг.).

«Народ – это священное место, а уходящий от народа – потерянный человек» (кирг.).

«На сто частичек делится струя, и все они похожи» (тадж.).

«У человека, надеющегося только на себя, спина обязательно сломается, у человека, надеющегося на народ, мечты сбудутся» (узб.).

3. осуждение лени:

«Лентяй всем ненавистен» (тадж.).

«Лучше быть мертвым человеком, чем живым лентяем» (тадж.).

«У нежелающего работать много поводов» (тадж.).

«На жатве нет, на уборке нет, а на гумне – тут как тут» (узб.).

«Пустой мешок не может стоять прямо» (узб.).

«Около прямого кривое дерево лежать не будет» (кирг.).

4. поучение скромности, сдержанности, предупреждение о встрече с другими, у которых качества выражены более весомо:

«Не говори, что силен, – нарвешься на более сильного; не говори, что хитер, – нарвешься на более хитрого» (кирг.).

«Если ты сердисься, укуси свой нос» (тадж.).

«Самому сказать о своём недостатке – закрыть рот злопыхателю» (тадж.).

«Плюнувший не может воротить плевка» (узб.).

«Смотри на конец слова» (узб.).

5. прославление разума человека:

«Можно встретиться с человеком смелым, но лучше не встречаться с человеком неразумным» (кирг.).

«Могуществен, кто овладел познанием» (тадж.).

«Хорошему сказал – он разумеет, сказал дурному – он смеется» (узб.).

6. ценность семейных отношений:

«Жена плохая – уходит гость; сын плохой – уходит счастье» (кирг.).

«Если муж хорош – и некрасивая станет красавицей» (кирг.).

«Семейный разговор не годится для базара» (тадж.).

«Лучше идти с одним посохом, чем с плохим попутчиком» (тадж.).

«Что вошло с молоком матери, уйдёт лишь со смертью» (узб.).

«Между мужем и женой встанет только глупец» (узб.).

Каждый народ гордится своими поэтами, писателями, мыслителями. Руми, Джалаладдин Мухаммад (1207–1273) – таджикский поэт прославляет авторитет разума:

«Когда болвана учат мудрецы,
Они посев бросают в солонцы,
И как ни штопай – шире, чем вчера
Назавтра будет глупости дыра».

Руми выделяет среди достойных качеств человека терпение:

«И зноем дня не будет опален
Тот, кто в терпенье гордом закален».

Савдо, Абдулкодир Ходжа (1829–1873) – таджикский поэт осуждает эгоизм, ханжество человека:

«Ханжа из жизни создает лишь стойло для ослов,
Он по делам своим – осёл, глупей созданья нет».

Рудаки, Абу Абдаллах (860–941) – персидско-таджикский поэт призывал к доброте, к благородству:

«Слепую прихоть подавляй – и будешь благороден!
Калек, слепых не оскорбляй – и будешь благороден!
Не благороден, кто на грудь упавшему наступит.
Нет! Ты упавших поднимай – и будешь благороден».

В формате XXI века человек также думает о своём назначении, о смысле жизни. Рудаки завещал каждому из нас ценить дружбу, осуждая подлость человеческих отношений:

«Дружба – это дар бесценный, круг друзей менять не надо,
Если ты разгневал друга, испросить сумеи прощенье!».

«Змею напрасно кормишь и греешь на груди,
Когда ужалит в гневе, придёт тебе конец.
Подлец во всей натуре – ползучая змея,
Несчастье, если другом становится подлец!»

«Как тебе не надоело в каждом ближнем видеть скрягу,
Быть слепым и равнодушным к человеческой судьбе,
Изгони из сердца жадность, ничего не жди от мира,
И тотчас безмерно щедрым мир покажется тебе».

Рудаки дает совет на все времена: стоять против зла непоколебимо, строить дорогу жизни из добрых дел; не обольщаться суетой, быть в труде неутолимым и скромным:

«Взглядом трезвым и разумным посмотри на этот мир,
Всё увидишь по-другому, жизнь по-новому поймёшь.
Мир подобен океану, строй из добрых дел ладью,
И тогда его спокойно и легко переплывёшь»

«Обман, раздор к добру не приведут,
Никто в беде на помощь не придёт.
Сам выбирай тот плод, который сладок, –
Не трогай горький, полный яда, плод!»

«Беда тому, кто разумом гордится,
А сын его бездельник и тупица,
И добрый нрав, и размышлений плод
К наследнику, увы, не перейдёт».

Как известно, самое большое богатство человека – это здоровье и знания. Народная мудрость гласит: «Век живи, век учись». Эту муд-

рость А. Рудаки выразил в четверостишии:

«С тех пор, как мир возник во мгле,
Ещё никто на всей земле
Не предавался сожалению
О том, что отдал жизнь ученью».

Анбар-атгын (1870–1915) – узбекская поэтесса осуждает войну:
«Цель войны – копить богатства, сеять смуту и грызню,
Лучше всех сокровищ тешит весь собачий сброд война».

Гульхани, Мухаммед Шариф (XIX в.) – узбекский поэт призывал человека к терпению:

«Терпеньё распахнет любую дверь
Терпи и в цель поставленную верь».

Алыкулов Барпы (1884–1949) – киргизский акын осуждает скупость человека:

«Скупой – он честен на словах,
В душе его – обман.
Забота у него одна –
Его большой карман».

Мудрое слово узбеков, киргизов, таджиков, выраженное в их пословицах, произведениях их поэтов, учат человека и XXI века авторитету разума, настоящего на совести, на доброте, просветлённой энергии счастья, освобождению ума от тщеславия, умению противостоять невзгодам жизни.

Примечания:

1. Пословицы разных народов / Сост. Г. Большаков, М. Крохин. – Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1959. – 280 с.
2. Мудрое слово Востока / Сост. Ю. Э. Брегель. – М.: Рипол, 1996. – 604 с.
3. Энциклопедия афоризмов (В мире мудрых мыслей) / Сост. Э. Борохов. – М.: АСТ, 2000. – 672 с.

Додхудоева Л. Н. (Душанбе, Таджикистан)

ЛИЧНЫЙ АРХИВ М. С. АНДРЕЕВА В АКАДЕМИИ НАУК ТАДЖИКИСТАНА

В 2013 г. исполняется 140 лет со дня рождения члена-корреспондента Академии наук СССР (1929 г.), академика Академии наук Узбекистана (1943 г.), Заслуженного деятеля науки Таджикистана

(1944 г.) и Узбекистана (1945 г.) Михаила Степановича Андреева. Главные вехи его биографии¹ связаны с важным историческим периодом в развитии полиэтнического общества Центральной Азии – культурным освоением российскими исследователями этого региона в конце XIX – XX вв. Выдающийся путешественник, археолог, языковед, историк, этнограф, искусствовед, дизайнер, заядлый коллекционер, отличавшийся особой страстью к научным экспедициям и рекогносцировкам по малоизвестным местностям, М. С. Андреев признавался, что «вступал в жизнь, скорее как скромный лингвист»².

Судьба научного наследия М. С. Андреева достаточно сложна. Его жена и коллега, известный советский исследователь А. К. Писарчик писала, что личный фонд ученого в 1988 г. был передан в архив Академии наук Таджикистана³. Судьба распорядилась так, что он несколько раз перевозился из одной организации Академии в другую, в результате чего часть его была утрачена. Сохранившиеся в этнографическом архиве Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Республики Таджикистан (далее ИИАЭ) документы М. С. Андреева на сегодняшний день являются наиболее полным собранием его научного наследия в стране (более 3000 листов и около 1000 единиц фотографий, рисунков, схем, стеклянных и пленочных негативов).

А. К. Писарчик при содействии коллег М. С. Андреева с 1949 по 1975 гг. были отредактированы и изданы пять монографий, четыре статьи, среди которых такие фундаментальные труды, как «Таджикские долины Хуф» и «Материалы по этнографии Ягноба», другие⁴. Она также привела краткую характеристику материалов архива и полный список работ М. С. Андреева в своих публикациях⁵.

Что касается архива иллюстраций, то разрозненные фотографии, цветные рисунки, планы и чертежи, по утверждению А. К. Писарчик, никогда не были обработаны и не имели общей описи⁶. К этому следует добавить, что внимание исследователей до сих пор не привлекла обширная переписка М. С. Андреева с его коллегами, различными организациями и друзьями, родными, которая также составляет значительную и интересную часть его личного архива.

Важно то, что сам ученый бережно относился к своему наследию, а потому почти во всех случаях указывал дату и место подготовки всех документов, включая копии и черновики. В целом, архивные документы М. С. Андреева до настоящего времени не были введены в научный оборот за исключением трудов, изданных А. К. Писарчик.

Это побудило нас подготовить к печати каталог документов из личного фонда ученого. Данное издание может считаться первой публикацией всех материалов М. С. Андреева из собрания этнографического архива Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан.

К самым ранним документам ученого относятся две тетради и записи, сделанные М. С. Андреевым в 90-х гг. XIX в. На листе первой тетради рукой молодого студента выведено: «Воспитанник IV класса Учительской семинарии Михаил Андреев», в другой указано, что «Вышеупомянутое мараке (альбом, сборник) есть произведение волостного Джетыуской волости. М. Андреев. 2 августа 1893 г.»⁷. Первый документ относится к тому времени, когда М. С. Андреев учился в Ташкентской гимназии, которую покинул в 1889 г., став учащимся Туркестанской учительской семинарии, где преподавал известный исследователь Средней Азии В. П. Наливкин. В 1893 г. по ее окончании М. С. Андреев получил должность «заведующего вечерними курсами для местного национального населения» в Ходженте. Именно к этому периоду относится вторая тетрадь, о чем свидетельствует запись и дата⁸.

Первая этнографическая статья М. С. Андреева о пережитках языческих обрядов в среде коренного местного населения была опубликована в 1895 г., а ее материалы хранятся в этнографическом архиве и датированы «09.1894г.»⁹. Судя по записям, Андреев не оставлял свое исследование и в последующие годы, так как отдельные его документы по этой проблеме датируются 7 сентября 1894 г., 18 июля 1896 г., 22, 28 июля, а также 29 сентября 1899 г.¹⁰. Среди них сохранился бланк с надписью «Начальник гарнизона Кушкинского поста Закаспийской области 189...г.». М. С. Андреев пометил лист «Записано в Кушке» и оставил описание представлений туркмен о Млечном пути. Несомненно, этот документ был им сделан в то время, когда он работал секретарем при чиновнике особых поручений Министерства внутренних дел России А. А. Половцеве (1867–1944), командированном для изучения состояния и задач переселенческого дела в Средней Азии и Закавказье. С этим русским дипломатом, этнографом, ориенталистом, меценатом в 1897 г. М. С. Андреев совершил поездки по Закаспию и Закавказью, во время которых постоянно вел записи, некоторые из которых, как видим, сохранились в архиве, вместе с маршрутом путешествия по Закавказью этого года¹¹.

В 1902 г. исследователь побывал в Оше, Хороге, Вахане и Ишкашиме, где собирал материалы по языку и культуре этих регионов,

свидетельством чему могут служить сохранившиеся архивные документы. С 1905 г. по 1914 г. М. С. Андреев работал сначала в качестве личного секретаря российского генерального консула в Бомбее А. А. Половцева, а затем и. о. российского консула во французских колониях в Индии и Индокитае. В 1907 г., во время отпуска, М. С. - Андреев прошел пешком вместе с братом своего начальника П. А. Половцевым из Кашгара через Гималаи по перевалу Кара-Корум в Западный Тибет, а оттуда, проехав Яркент, Ташкуртан, Вахан, Шугнан, Ишкашим, долину Хуф и Восточный Памир, добрался до Ферганской долины. В личном фонде М. С. Андреева также, помимо дневниковых заметок, сохранились фотографии и негативы экспедиций (коллекции №№ 1, 99) как свидетельства его научных изысканий этого времени¹².

Во время своего пребывания в Индии, Афганистане М. С. Андреев осваивает языки пушту и урду, собирает коллекцию ремесленных изделий мастеров Средней Азии, Ирана и Афганистана, которые в 1912 г. были им представлены в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге. Здесь старшим этнографом работал Л. Я. Штеренберг, который вел активную собирательскую деятельность, благодаря содействию ученых и путешественников из разных стран. Многие из них охотно сотрудничали с ним и пополняли фонды музея уникальными изделиями¹³. Когда М. С. Андреев выставил свою коллекцию в Кунсткамере, Л. Я. Штеренберг обратился к нему с письмом 14 марта 1912 г. за № 42, в котором предложил выкупить его экспонаты для Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого¹⁴. В то время М. С. Андреев находился в Пондишери (Индии), где с 31 марта по 13 апреля обдумывал свое решение, о чем свидетельствует черновик его письма. В итоге им было дано согласие на продажу своей коллекции. Помимо этого, он хотел быть полезным и предложил в последующем собирать новые экспонаты для музея¹⁵.

Эту страсть к собирательству раритетов ученый сохранит на всю свою жизнь. Так, в 1914 г. он возвращается из Индии в Россию через Кашмир, Ладак, Восточный Туркестан и Памир и передает в музей Академии наук 1000 экспонатов¹⁶. Сохранились дневниковые записи М. С. Андреева, свидетельствующие об этом его решении, а так же список «предметов этнографического интереса», приобретенных им в Пондишери¹⁷. Он не только составил таблицу с названиями изделий, их назначением и ценой, но также сделал несколько зарисовок образ-

цов. Позже, работая в Таджикистане, Узбекистане и Казахстане, он будет постоянно пополнять собрания различных музеев художественными раритетами.

Когда А. А. Половцев решил обзавестись домом в Ташкенте для остановок во время долгого путешествия из Санкт-Петербурга в Бомбей, он обратился к М. С. Андрееву с просьбой найти подходящее здание и полностью доверился его вкусу при оформлении интерьеров. Архитектором реконструкции стал А. А. Бурмейстер¹⁸, а дизайн был решен самим ученым в восточном стиле с использованием резьбы по ганчу и дереву, росписи, которые выполнили среднеазиатские мастера. Впоследствии его неоднократно просили дать информацию по реконструкции и оформлению дома, которым интересовался сам бухарский эмир. В этнографическом архиве сохранились письма как организаций, так и частных лиц, неоднократно обращавшихся к М. С. Андрееву с просьбой воссоздать процесс работ в этом здании¹⁹.

Вернувшись в Туркестан, с 1914 по 1918 гг. М. С. Андреев работал инспектором народных училищ Ходжентского и Джизакского уездов Самаркандской области Туркестанского края. Документы, относящиеся к этому периоду, свидетельствуют о том, что он много сил отдавал развитию системы обучения²⁰. Так, он проверял медресе и мактабы вверенного ему района, много раз обращался с конкретными предложениями об открытии новых школ в Самаркандской области²¹. Благодаря его усилиям, количество школ в регионе увеличилось с 11 до 52 учреждений, а численность учеников возросла в 10 раз. Фотографии 1914–1915 гг. (коллекция № 1) запечатлели его кабинет, классы и здание одной из школ, которую он инспектировал, а также некоторые моменты его личной биографии²².

После смены политической власти в России в 1917 г. перед ним встал вопрос о продолжении педагогической деятельности. В своем обращении в Чрезвычайную Следственную Комиссию Ходжентского уезда 26 августа 1918 г. М. С. Андреев писал, что «в виду приближения начала учебных занятий и некоторой неопределенности в вопросе о передаче дел инспекции народных училищ Советам народного образования, согласно личному указанию комиссара К. Я. Успенского, имею честь просить разъяснить – в какие советы или советы народного образования должны быть переданы дела вверенной мне инспекции»²³. Его назначили комиссаром народного образования Ходжентского уезда, и он по-прежнему продолжал совмещать педагогическую деятельность с научными изысканиями²⁴.

М. С. Андреев активно участвовал в создании первых вузов Средней Азии, а его преподавательская деятельность здесь насчитывает почти четверть века. В 1918 г. он приступил к работе в Туркестанском народном университете, затем был назначен ректором Туркестанского восточного института (1918–1920 гг.), который в 1924 г. был реорганизован в восточный факультет Среднеазиатского государственного университета (САГУ). В 40-е гг. XX в. ученый продолжал преподавать персидский и таджикский языки, этнографию таджиков на восточном факультете САГУ. Об его напряженной деятельности в архиве сохранились многочисленные свидетельства, как в виде расписаний занятий, тематики и содержания курсов, переписки с коллегами, так и простых организационных моментов. Так, 17 декабря 1947 г. он просит предоставить аспирантам книгу А. Кробера «Антропология», а 20 февраля 1948 г. пишет письмо некоему Алексею Павловичу с просьбой снабдить их подставками для написания текста²⁵.

При содействии Общества Туркестанского комитета охраны памятников старины и искусства М. С. Андреевым было проведено немало экспедиций в Таджикистане. Так, в 1925 г. под его руководством была осуществлена четырехмесячная экспедиция по маршруту Ташкент – Ура-Тюбе – долина Зеравшана – Ягноб – Анзобский перевал – Душанбе – Каратегин – Дарваз – Припамирье – Памир – Ош. Итогом экспедиции явился сбор богатейшей этнографической коллекции. Об этих поездках сохранилось немало дневниковых записей, а так же фотографии в этнографическом архиве²⁶. Отдельные снимки 1925 г. запечатлели собранные им в верховьях Пянджа образцы вышивки и вязанных памирских чулок джурабов, которые были представлены на выставке, устроенной им в Княжеском дворе в Ташкенте²⁷.

Под эгидой «Общества по изучению Таджикистана и иранских народностей за его пределами» и Средазкостариса в 1927 г. М. С. Андреев возглавил экспедицию в Ягноб (Согдийская область Таджикистана), где до сих пор живут таджики, прямые потомки согдийцев, говорящие на диалекте древнего согдийского языка, а в 1929 г. – на Памир, в долину Хуф, расположенную на высоте около 3000 метров над уровнем моря. В этнографическом архиве сохранилось немало дневниковых записей М. С. Андреева с выразительными и точными зарисовками, а также машинописные тексты черновиков, рисунков и снимков, уже подготовленные к публикации его коллегами и друзьями А. К. Писарчик, В. А. Лившицем, Е. М. Пещеревой, О. Д. Чехович, Н. В. Русиновой, Р. Л. Неменовой и другими.

Так, Ягнобу посвящены материалы, касающиеся языка, этнографических особенностей жилища, плана селений, семейного быта, утвари, орудий труда и т. д.²⁸. Ученым были также подготовлены таблицы ягнобских глаголов, в переписке которых большую помощь ему оказали его ученицы Е. М. Пещерева и Н. В. Русинова в 1927 г.²⁹. Пребывая в Ягнобе, М. С. Андреев не ограничивался только полевыми изысканиями, но интересовался и современным социальным положением крестьян, пытался оказать им посильную помощь. В этнографическом архиве сохранился черновик заявления к председателю ЦИК Ягноба Искандеровской волости Пенджикентского вилоята Таджикской Автономной области, которое он помог составить местным жителям из селений Каши и Чукат. В нем они просят предоставить им площади для посева и выпаса скота³⁰.

Памирские материалы составляют, может быть, самую значительную часть архива М. С. Андреева, так как свои изыскания по памирским языкам, быту он вел практически всю жизнь³¹. Особую часть архивных документов составляют дневниковые записи и машинописные копии исследований долины Хуф. Сам М. С. Андреев признавался, что в 1903 г. он узнал о долине от одного хуфца, «случайно забредшего в Ташкент». Результатом этих встреч стало его малоизвестное литографское издание «Хуфский язык. Таблицы глаголов» 1904., материалы которого хранятся в этнографическом архиве Института истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикистана³². Согласно его воспоминаниям, долина Хуф, административно входящая в состав Рушана, была настолько изолирована, что он оказался первым европейцем, узнавшим об ее существовании и проникшим туда впервые в 1907 г.³³.

В 1929 г. М. С. Андреев провел в Хуфе целое лето. Уникальным документом является его договор с караванщиком из Поршнева Гулом Хасан Муборак Кадамовым от 12 августа 1929 г. М. С. Андреев и секретарь отделения Степанова поставили свои подписи под договором, а неграмотный караванщик – отпечаток пальца.

Помимо сведений, собранных им в экспедиции 1929 г., в архиве имеется множество записей и машинописных текстов, связанных и с экспедицией 1934 г., которую он осуществил по предложению Совнаркома Таджикской ССР и ЦК Компартии Таджикистана, а также этнографо-лингвистической экспедиции 1943 г., в которой участвовала и А. К. Писарчик, лаборант Е. А. Мончадская и худож-

н

и

ц

а

Т. В. Саглина. За четыре месяца исследователи посетили Хуф, Рушан, Шугнан, где ими была собрана коллекция различных произведений ремесел и промыслов, орудий труда (всего 350 предметов)³⁴. В архиве ученого сохранилось множество записей различного характера о памирских языках, общественном и семейном быте памирцев, сообщения информантов, фотографии и негативы этого времени.

Печальные события из жизни М. С. Андреева также получили отражение в архивных документах. В 1930 году М. С. Андреев был подвергнут административной высылке в Алма-Ату на 3 года. В 1938 г. он был арестован и обвинен в шпионаже, но освобожден 11 июня 1939 года. В архиве сохранились карточки ППОГНУ Казахстана 30-х гг. XX в., в которых указаны даты регистрации ссыльного ученого, обязанного являться один раз в декаду в данное учреждение. В личном фонде ученого существует черновик его письма к В. В. (Бартольд-ду или Струве), в котором он описывает свой арест и допросы³⁵.

Среди интересных свидетельств о кукольном театре Хивы в этнографическом архиве можно найти воспоминания о старых представлениях Мад Якуба Веизова (Курджакчи) и его ученике Мад Якубе Абдуллаеве, текст пьесы на узбекском языке, записанный на арабской графике, а также предварительный перевод пьесы на русский язык, сделанный самим исследователем³⁶.

В Нурате и Маргелане в 1937 г. М. С. Андреев и А. К. Писарчик также нашли немало предметов старины, которые дополнили впоследствии фонды Музея искусств в Ташкенте. В этнографическом архиве имеются уникальные экспедиционные записи М. С. Андреева об артелях «Байнал-Миляль» и им. Сталина, имена ткачей, небольшие зарисовки отдельных элементов текстильного орнамента и станков, сделанные им в Маргелане³⁷.

Одной из главных проблем, постоянно волновавших ученого, был вопрос о немедленной фиксации уходящего старого быта. С подобными письмами он неоднократно обращался в Академии наук Таджикистана, Узбекистана, Казахстана, различные общества по охране памятников культуры³⁸.

М. С. Андреев много работал над проблемами изучения таджикского, ягнобского и памирских языков, быта таджиков и был уверен, что природу и основы культуры этого народа следует искать в сохранившемся наследии жителей верховьев Пянджа. Эту же мысль он неоднократно представлял и выдающемуся исследователю Средней Азии академику Б. Гафурову, ко встречам с которым он тщатель-

но готовился, о чем свидетельствуют его записи до и после разговора с таджикским ученым³⁹.

В 1941 г. М. С. Андреев организовал комплексную экспедицию САГУ в Бухару, где были собраны разнообразные материалы по Арку (Кремлю) и другим памятникам древнего города. Он вел обширную переписку с администрацией САГУ, другими организациями, своими коллегами, готовил сметы, обмеры, отчеты, рапорты и прочие документы, касающиеся исследования многих памятников. В своих письмах друзьям он признавался, что в Бухаре, его так ошеломило несметное количество интересных архитектурных сооружений, письменных источников, произведений искусства, истинных раритетов, что город в полной мере заслуживает определения «Рим ислама»⁴⁰.

О широте интересов М. С. Андреева свидетельствуют его архивные документы, посвященные этимологии слова «Фергана», ирано-египетским параллелям, чуму кыргызов, термину «окно», народным представлениям о форме души, казахским, кыргызским, узбекским родам, домашним животным и птицам, добыванию огня, ореху, золотому руну, удобрениям, ботаническим образцам. Он исследовал таджикские говоры, начало железа, эндогамию, роль собак в Хуфе, молочное хозяйство, театральное искусство и многое другое.

Эпистолярное наследие М. С. Андреева составляет одну из самых интересных частей его личного фонда. Среди многочисленных писем можно найти и те, что являлись черновиками, копиями его собственных обращений. Корреспонденция, направленная М.С. Андрееву, содержит автографы таких выдающихся исследователей, как С. Ольденбург, И. Вавилов, В. Струве, Б. Гафуров, Е. Массон, Л. Штеренберг, О. Чехович, Л. Ремпель, О. Сухарева, В. Кисляков, писатель П. Лукницкий и др. Сам В. Бартольд поздравил его с избранием в члены-корреспонденты АН СССР в 1923 г.⁴¹. Переписка М. С. Андреева с дочерью полна достаточно нежных признаний⁴².

Личный фонд М. С. Андреева в этнографическом архиве Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан чрезвычайно богат и хранит еще много интересных фактических материалов. Основная часть его документов остается в виде необработанных полевых записей и ценных первоисточников, которые, несомненно, заслуживают детального изучения и опубликования.

Примечания:

1. Михаил Степанович Андреев (род. 24 октября 1873 г. в Ташкенте – ум. 10 ноября 1948 г. в Душанбе).

2. Этнографический архив Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан (ИИАЭ). Оп. 1. Ед. хр. 22.
3. Писарчик А. К. Этнографическая наука в Таджикистане (1920–1990 гг.) / Подготовка к печати Н. Бабаева. – Душанбе, 2002. – С. 24, 45–57.
4. Андреев М. С. Таджики долины Хуф (верховья Аму Дарьи) / Подготовка к печати, примечания, дополнения А. К. Писарчик; под ред. А. К. Писарчик, отв. ред. А. А. Семенов. – Вып. 1. – Сталинабад: Изд-во АН ТаджССР, 1953. – 250 с.; Вып. 2. – Сталинабад: Изд-во АН ТаджССР, 1958. – Вып. 2. – 521 с.; Андреев М. С. Материалы по этнографии Ягноба (записи 1927–1928гг.) / Подготовка к печати А. К. Писарчик; под ред. А. К. Писарчик. – Душанбе: Дониш, 1970. – 191 с.; Андреев М. С., Чехович О. Д. Арк (кремль) Бухары в XIX – начале XX в. / Отв. ред. А. К. Писарчик, О. Д. Чехович. – Душанбе: Дониш, 1972. – 163 с. Подробно о работе А. К. Писарчик над архивными материалами М. С. Андреева см.: Литвинский Б. А. Страницы из истории этнографического изучения Средней Азии // Этнография Таджикистана. – Душанбе: Дониш, 1985. – С. 138.
5. Писарчик А. К. Список опубликованных научных работ М. С. Андреева / Памяти Михаила Степановича Андреева: Сб. ст. по истории и филологии народов Ср. Азии. – Сталинабад: Изд-во АН ТаджССР, 1960. – С. 20–23; Она же. Описание научного архива М. С. Андреева // Там же. – С. 23–29.
6. Писарчик А. К. Этнографическая наука в Таджикистане... – С. 45–46.
7. Там же. – С. 45–46.
8. ИИАЭ. Оп. 1. Ед. хр. 1.
9. ИИАЭ. Оп. 1. Ед. хр. 32.
10. ИИАЭ. Оп. 1. Ед. хр. 4.
11. ИИАЭ. Оп. 1. Ед. хр. 1–3.
12. ИИАЭ. Фотоколлекция № 2 (бывш. № 27) и ее негативы.
13. Станюкович Т. В. Л. Я. Штеренберг и музей антропологии и этнографии. (К 125-летию со дня рождения ученого) // Советская этнография. – 1986. – № 5. – С. 88.
14. ИИАЭ. Оп. 1. Ед. хр. 15-7.
15. ИИАЭ. Оп. 1. Ед. хр. 15-8.
16. Писарчик А. К. Этнографическая наука в Таджикистане... – С. 56.
17. ИИАЭ. Оп. 1. Ед. хр. 96.
18. Дом был куплен у ташкентского купца Иванова.
19. ИИАЭ. Оп. 1. Ед. хр. 11, 15.
20. ИИАЭ. Оп. 1. Ед. хр. 5.
21. ИИАЭ. Оп. 1. Ед. хр.
22. ИИАЭ. Фотоколлекция № 1.
23. Обращение М. С. Андреева в Чрезвычайную Следственную комиссию Ходжентского уезда // ИИАЭ. Опись 1. Ед. хр. 22. С. 1.
24. ИИАЭ. Оп. 1. Ед. хр. 22.
25. ИИАЭ. Оп. 1. Ед. хр. 11.
26. ИИАЭ. Фотоколлекции №№ 1, 99, стеклянные негативы.
27. Фотоколлекция № 99, инв. № 9, 46.
28. ИИАЭ. Оп. 1. Ед. хр. 17, 28, 29, 45, 46, 58, 100, 101 и др.
29. ИИАЭ. Оп. 1. Ед. хр. 14, 27, 70, 71.
30. ИИАЭ. Оп. 1. Ед. хр. 28-2.

31. ИИАЭ. Оп. 1. Ед. хр. 18, 19, 21, 36, 63, 66, 81 и др.

32. ИИАЭ. Оп. 1. Ед. хр. 42-2.

33. Обращение М. С. Андреева к директору ИЯЛИ УзФАН СССР // ИИАЭ.

Оп. 1. Ед. хр. 22. С. 5.

34. Подробно см. Писарчик А.К. Этнографическая наука в Таджикистане...
– С. 24.

35. ИИАЭ. Оп. 1. Ед. хр. 14.

36. ИИАЭ. Оп. 1. Ед. хр. 75.

37. ИИАЭ. Оп. 1. Ед. хр. 99.

38. ИИАЭ. Оп. 1. Ед. хр. 81.

39. ИИАЭ. Оп. 1. Ед. хр. 22.

40. ИИАЭ. Оп. 1. Ед. хр. 25, 83, 84.

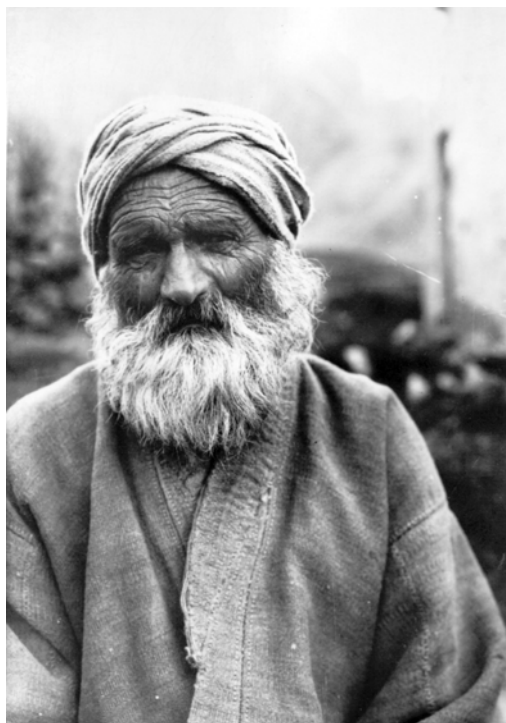
41. ИИАЭ. Оп. 1. Ед. хр. 22.

Нурата. Узбеки перед Загсом. 1937 г. Инв. № 1-304.

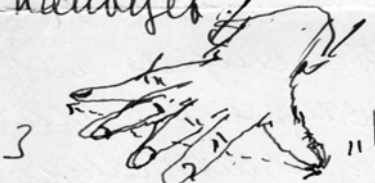
Ходжент. М. С. Андреев среди учеников Приходского училища. 1914–1918 гг.
Ед. хр. № 1-313.

Потомственный пир Ёр-байк из кишлака Банай. Памир. Хуф. 1929 г.

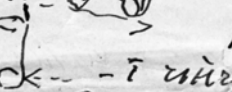
Меры в Ягнобе. I. Дипни ^{الديني}
 1) — "Дипни"
 Итог ассимиляции между
 караванщидами башки и узбеками
 памирами.

2) — "Чор ангит"
 Редкий. между крайними пам.
 узлами еще редкими
 памирами

3) — "W aráb" (وآراب)
 Море - между крайними радн.
 узлами и памирами. Наши / узбеки

а) — "gū ilik"
 Россия. между 2 радн. памирами
 (узб. и средн.)

б) — море - между
 узлами

в) — "se ilik"
 — море - между узлами

Самый типичный русский в Кавказе.
 Не имеет смешения с узбеками. Кроме?

См. караван

ВКЛАД СРЕДНЕАЗИАТСКИХ НАРОДОВ В ПОБЕДУ НАД ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ

Великая Отечественная война является и героической, и трагической страницей в истории нашего многонационального государства, на территории которого проживали представители около 200 наций и народностей. Дружбу народов, единство, патриотизм большинство историков называют среди главных истоков исторической победы СССР в войне против фашистской Германии. Вместе с тем, встречающиеся в литературе утверждения о многонациональности как факторе силы государства нуждаются в серьезной оговорке. Межнациональные отношения входят в число самых сложных из социальных отношений. Это обстоятельство почти всегда используется завоевателями для быстрее подавления противника. Это наблюдалось, в частности, во времена монгольского нашествия на Русь, польской интервенции начала XVII века, в Отечественной войне 1812 г., в Первой мировой войне, а также в войнах и вооруженных конфликтах других стран и народов. Не составляла исключения и Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Сплотить на патриотической основе разноязычных людей в боеспособные воинские коллективы и превратить тыл за короткий срок в единый боевой лагерь под лозунгом «Все для фронта, все для победы!» – эту задачу решить в многонациональном СССР было очень трудно, но крайне необходимо – иначе верх мог взять агрессор.

Исторический опыт Великой Отечественной войны как раз доказывает, что Советское государство сумело сплотить на патриотической основе своих разноязычных граждан, проживающих на разных уголках страны, которые восприняли ожесточенную борьбу СССР против фашистской Германии как священный долг и обязанность защитить свой родной дом, родную землю.

В годы Великой Отечественной войны главным объектом патриотической деятельности стал фронт, через который за 1941–1945 годы прошли 34,5 млн. человек (призваны 30 млн. военнообязанных и более 4,5 млн. находились на службе к моменту нападения фашистов), военнообязанные 150 наций и народностей¹.

Среди более 11600 Героев Советского Союза, получивших это высокое звание в Великую Отечественную войну, были представите-

ли более 60 национальностей и народностей СССР, в т. ч. народов Средней Азии: 69 узбеков, 18 туркмен, 14 таджиков, 12 киргизов².

Более месяца бойцы и командиры Брестского гарнизона, представители 30 наций и народностей страны, вели ожесточенные оборонительные бои, сковав значительные силы противника. Среди них также воевали представители народов Средней Азии. Оборона Брестской крепости продемонстрировала всему миру несгибаемую стойкость, мужество и силу советских воинов. В ходе Сталинградской битвы советские солдаты и офицеры разных национальностей проявили массовый героизм. В составе группы сержанта Павлова, которая 58 дней удерживала стратегически важный объект, названный домом Павлова, были представители разных национальностей: русские Афанасьев, Воронов, Александров, украинцы Сабгайда и Глущенко, грузин Мосиашвили, узбек Турганов, казах Мурзаев, таджик Турдыев, татарин Рамазанов. В ходе Сталинградской битвы чудеса храбрости и меткости показали снайперы части подполковника И. Ф. Батюка. Примеру знатного снайпера фронта Василия Зайцева, уничтожившего около 300 немцев, последовали и другие защитники город, в т. ч. узбек Загир Насыров, на счету которого был 101 противник. Под Сталинградом сражалась 61-я кавалерийская дивизия, сформированная в Таджикистане³.

Независимо от способа мобилизации массовый приток в армию и на флот представителей многих этносов (а значительная часть граждан из их среды плохо знала, а то и вовсе не знала русского языка) обусловил создание национальных воинских формирований.

С началом Великой Отечественной войны национальные формирования начали создаваться в союзных республиках Закавказья, Средней Азии, Казахстана, в Башкирской, Кабардино-Балкарской, Татарской, Чечено-Ингушской и других автономных республиках. Чаще всего это были кавалерийские, стрелковые и горнострелковые дивизии. Всего за период войны в республиках было сформировано более 80 таких дивизий и отдельных бригад.

Главное Политическое Управление РККА требовало, чтобы в каждом подразделении были представлены несколько национальностей. Поэтому на деле «национальные формирования» были многонациональными, но с численным доминированием «титульного» этноса. Такой порядок способствовал культивированию доверия и взаимопонимания воинов, дружбы и взаимопомощи наций и народностей, советского патриотизма. Основная же часть мобилизованных воевала в составе общих, «смешанных» воинских формирований.

Наряду с русскими, украинцами, белорусами и другими народами, на земли которых пришли оккупанты, большой вклад в пополнение рядов Красной Армии внесли и другие народы: в начале 1942 г. в действующей армии находилось 1,2 млн. грузин, армян, азербайджанцев, узбеков, киргизов, казахов и башкир⁴. Полных данных о национальном составе Красной Армии еще нет. Но о нем можно судить по данным 200 стрелковых дивизий, насчитывавших в 1944 г. более 1 млн. человек: русские – 58,3 %; украинцы – 22,27 %; белорусы – 2,66 %; узбеки – 2,02 %; казахи – 1,57 %; армяне – 1,36 %; эстонцы – 1,01 %; таджики – 0,46 %; туркмены – 0,4 %; киргизы – 0,36 %; латыши – 0,29 %; литовцы – 0,14 %⁵. Что бы ни писали об отношениях между воинами разных национальностей сейчас, в ту пору в них господствовал дух дружбы и взаимоподдержки, который был свойствен всему советскому обществу. Дружба народов СССР явилась одним из важнейших факторов прочности и силы государства, благодаря которым мы выстояли и победили в тяжелейшей войне. «Мы жили и воевали одной боевой семьей, мы ходили в атаки, рукопашные бои..., – все мы были братья по оружию. Любили, выручали, поддерживали друг друга. Вместе нас и хоронили в могилах, которые справедливо называют братскими. И лежат в них без гробов, завернутые в плащи-накидки, русские, киргизы, белорусы, молдаване, туркмены», – писал Герой Советского Союза писатель-фронтовик В. В. Карпов, который родился в Оренбурге, окончил 61-ю среднюю школу в Ташкенте, в 1939 г. поступил в Ташкентское военное училище им. В. И. Ленина, в период учебы стал чемпионом Среднеазиатского военного округа и Средней Азии по боксу, перед выпуском из училища (4 февраля 1941 г.) был арестован и осужден по ст. 58-10 за антисоветскую агитацию по доносу за безобидную болтовню про Сталина и Ленина, до октября 1942 г. отбывал срок в исправительно-трудовом лагере в Свердловской области, с октября 1942 г. добился права «кровью смыть» судимость в штрафной роте на Калининском фронте, став одним из самых известных фронтовых разведчиков, на счету которого 79 «языков»⁶.

Военное командование столкнулось с серьезной проблемой – владения воинами русским языком. Особенно остро она проявилась потому, что 66 процентов населения СССР 40-х годов составляли сельские жители, а значительная часть их, особенно в республиках Средней Азии и Кавказа, не знала русского языка.

Дело осложнялось тем, что русский язык в правовом отношении не фигурировал в Конституции СССР 1936 г. в качестве государствен-

ного языка Советского Союза, а лишь «по жизни» стал языком межнационального общения. Без знания русского языка всеми гражданами практически невозможно было создать единое информационное пространство, опасно и практически невозможно было воевать на фронте.

Невозможной была и продуктивная информационная и массово-политическая работа с населением в тылу. Словом, потребность в изучении русского языка в условиях войны стала ощущаться в стране особенно остро. Резко усилилась внутренняя миграция населения. Она осуществлялась сообразно ходу боевых действий: из всех республик – на фронт (мобилизация); из зоны боевых действий – в глубокий тыл (эвакуация, транспортировка раненых и т. д.); а после изгнания противника – из глубокого тыла в освобожденные районы (резэвакуация населения, устройство сирот из всех республик, всенародная помощь освобожденным районам); трудовая мобилизация из многих республик, в т. ч. из республик Средней Азии на Урал и в другие крупные промышленные центры, а из них – на село (шефская помощь) и так далее. То есть, вся огромная страна пришла в движение: мобилизовывала, принимала, кого-то направляла, перемещала, устраивала, спасала. Во всем этом движении участвовали и перемешивались этносы, народы, сближались и взаимообогащались их духовные ценности и культуры.

Особую актуальность проблемы знания русского языка хорошо донес до нового поколения известный советский киргизский писатель Чингиз Айтматов. С началом Великой Отечественной войны в его далеком горном аиле Киргизской ССР грамотные колхозники-мужчины ушли на фронт. Председатель аилсовета вызвал 14-летнего Чингиза и приказал: «Будешь работать секретарем». «В мои обязанности, – вспоминает писатель, – входило носить в дома похоронные письма (они были написаны на русском языке), называемые по-киргизски «кара-кагаз» (черная бумага). – Было очень непросто вручить «похоронку», а нужно было еще и поговорить, успокоить убитых горем женщин. ...Приехал ветеринарный врач, русский, который ни слова по-киргизски не понимал, а наши – по-русски. А я знал. Меня привели к нему, ... Мои первые произведения «Лицом к лицу», «Джамиля», «Прощай, Гульсары», «Материнское поле» проистекают из этого периода»⁷. Словом, война способствовала еще более широкому распространению русского языка на фронте и в тылу, укоренению чувства единства советского народа.

На фронте повсеместно развернулось обучение русскому языку воинов, не владевших им. В частях и соединениях действующей армии широкое распространение получили вечера боевой дружбы воинов-представителей братских народов СССР, встречи военных советов армий и командования соединений с отличившимися в боях красноармейцами и командирами нерусской национальности, встречи новобранцев с бывалыми воинами-земляками, торжественная передача оружия героев, павших смертью храбрых, их боевым товарищам.

В работе по укреплению дружбы воинов различных национальностей использовались также печать, произведения искусства и другие средства. В 1943 г. на 14 фронтах и в двух военных округах на нерусских языках издавалось 50 газет, в том числе на узбекском языке – 11, казахском – 10, таджикском – 2, туркменском, киргизском, башкирском – по 1 газете⁸.

Результативным методом патриотики стала в те годы переписка фронта и тыла. Характерно опубликованное в газете «Правда» письмо-наказ узбекского народа воинам-узбекам. В нем говорилось: «Вольный сын и свободная дочь узбекского народа! Твой народ является детищем Советского Союза. Русский, украинец, белорус, азербайджанец, грузин, армянин, таджик, туркмен, казах, киргиз совместно с тобою ... днем и ночью строили наш большой дом, страну, нашу культуру. ... Теперь же в дом твоих братьев – русского, белоруса и украинца – ворвался германский басмач... Но если разбойник отнял дом у твоего брата, верни ему дом – это твой долг, узбекский боец! Это ваш долг, все советские бойцы»⁹.

Такие письма на фронт летели из Казахстана, Армении, Киргизии (январь 1943 г.), Туркменистана (апрель 1943 г.), Таджикистана (март 1943 г., письмо подписали свыше 300 тыс. человек), Азербайджана, Грузии, Татарской АССР и других союзных и автономных республик. Бойцы воспринимали эти письма как требования своих отцов и матерей, как наказ жен, невест, сестер, народа. Патриотическое воспитание личного состава целеустремленно и конкретно проводилось на протяжении всей войны. Так, в одном из жестоких боев в конце января 1943 г. врагами был захвачен в плен тяжелораненый старший сержант туркмен Айдогды Тахиров. Гитлеровцы пытались заставить его выступить по радио с призывом к землякам сдаться в плен. Но вместо этого призыва герой крикнул в микрофон: «Воины-туркмены, не верьте немцам, бейте гадов...». Озверевшие захватчики замучили героя. Изуродованный труп его был найден бойцами 87-й Турк-

менской бригады, дерзким ударом захватившими позиции противника. Айдогды Тахирову, его землякам А. Атаеву и В. Грецкому было присвоено высокое звание Героя Советского Союза¹⁰.

А Бюро ЦК ЛКСМ Узбекистана приняло специальное постановление о пропаганде подвигов фронтовиков, в частности земляков Героев Советского Союза Ахмеджана Шакурова, Гитауллы Салихова, Шарифа Иргашева, Турчи Эрджигитова, Василия Суркова¹¹. Была применена целая система увековечения памяти Героев Советского Союза – земляков во всех республиках СССР.

Во избежание случайностей, конфликтов, недоверия на национальной почве Советская власть уделяла пристальное внимание учету этнического фактора в кадровой политике. ЦК ВКП (б), компартии союзных республик, другие структуры ВКП (б) следили за тем, чтобы персональный состав партийных организаций, органов партийного, государственного и общественного руководства был обязательно многонациональным, особенно в регионах, прежде всего, за счет представителей этносов, проживающих в данном регионе. Характерной является информация ЦК Компартии Киргизии по этому вопросу: за годы войны было принято кандидатами в члены партии и членами партии всего 25199 человек, в т. ч. 10118 киргизов (40,2 %), 7441 русских (29,5 %), 2873 украинцев (11,4 %), 1649 узбеков (6,5 %), 368 казахов (1,5 %), 2750 представителей других национальностей (10,9 %). В партийной организации Таджикистана в 1942–1945 годах таджики составляли 42,2 процента, узбеки – 16,3 процента, русские – 23,4 процента, представители других этносов – 18,1 процента¹².

В формировании у граждан национального самосознания, гордости за свое Отечество, в укреплении доверия и дружбы народов трудно переоценить значение культуры. В эти годы, несмотря на тяжелейшее финансовое положение воюющей страны, был сделан еще один крупный шаг в развитии многонациональной науки и культуры. В 1942 г. Президиум Академии Наук СССР принял решение об организации Института славяноведения. В 1944 г. на историческом факультете Московского государственного университета было образовано отделение Востока, а в Ленинградском и Среднеазиатском государственных университетах – восточные факультеты. В годы войны Правительством СССР создаются (или укрепляются) также республиканские академии наук – Грузии и Литвы, Армении и Узбекистана, Азербайджана, Казахстана, Латвии и Эстонии. Эти меры заметно повлияли на активизацию ряда актуальных направлений советской науки, на раз-

витие национального самосознания и культуры народов и одновременно способствовали реализации интеллектуального потенциала ученых для решения общенародных задач.

Нельзя не вспомнить, как в блокадном Ленинграде 10–12 декабря 1941 г. в Эрмитаже отмечали 500-летний юбилей великого поэта и просветителя узбекского народа Алишера Навои. Открывая торжественное заседание директор Эрмитажа академик И. А. Орбели сказал: «Уже один этот факт чествования поэта в Ленинграде, осажденном, обреченном на страдания голода и стужи, в городе, который враги считают уже мертвым и обескровленным, еще раз свидетельствует о мужественном духе нашего народа, о его несломленной воле, о вечно живом гуманном сердце советской науки!...». «Читались доклады, стихи Навои, переведенные поэтами и востоковедами, звучали они и в оригинале – древние, вновь ожившие слова, говорящие о мире, о радости жизни, о торжестве человеческого разума над темой жестокости и угнетения» – писал в своих воспоминаниях старейший ленинградский поэт Всеволод Александрович Рождественский, которого с передовой направили на это торжество, чтобы он мог прочитать свои стихотворные переводы. Один из главных участников торжества, молодой ученый Николай Лебедев, специалист по многим восточным литературам, находясь в состоянии крайнего истощения, не мог подняться, он сидя читал стихи Навои в оригинале, на староузбекском языке и свои переводы. У него была последняя стадия дистрофии. 12 декабря, в последний день конференции, он слег и не мог уже подняться. «Но когда он медленно умирал на своей койке в бомбоубежище, то, несмотря на физическую слабость, делился планами своих будущих работ и без конца декларировал свои переводы и стихи. И когда он уже лежал мертвый, покрытый цветным туркменским паласом, то казалось, что он все еще шепчет свои стихи» – вспоминает Б. Б. Пиотровский¹³.

Главным выражением патриотизма и дружбы народов СССР стала высокая социальная активность их, массовые подвиги на фронте и самоотверженный труд, единство фронта и тыла, общества в целом. Надежды гитлеровцев на острые межнациональные конфликты, на выступление мусульманских народов против Советской власти и против русских не оправдались, хотя и не были полностью бесплодными, как пишут некоторые авторы. Советская власть всеми мерами, вплоть до драконовских, стремилась не допускать разлома страны по цивилизационному и формационному признакам.

Когда в ходе ожесточенных боев в суровые осень и зиму 1941–1942 годов, а затем и позднее возникла острая нехватка теплого обмундирования для военнослужащих и партизан – на помощь им пришли все республики, о чем свидетельствуют названия постановлений их руководящих структур. Так, Приморский крайком партии принимает постановление «Об организации изготовления и ремонта теплых вещей для Красной Армии» от 12 сентября 1941 г. Бюро ЦК КП (б) Таджикистана – «О сборе теплых вещей» 5 января 1942 г., Якутский обком партии – «О сборе средств в Фонд обороны и теплых вещей для Красной Армии» в январе 1942 г. Бюро ЦК КП (б) Казахстана приняло постановление «О выделении ленинградским партизанам кожаной и валяной обуви» от 2 августа 1943 г. Не было ни одного субъекта СССР, где не постарались бы оказать всестороннюю помощь Вооруженным Силам.

По масштабности и оперативности беспримерным мероприятием стала эвакуация из зоны боевых действий и других опасных районов, тысяч предприятий и десятков миллионов трудящихся с семьями на восток страны: на Урал, в Сибирь, Поволжье, Среднюю Азию и т. д. И здесь массу сложнейших и неотложных дел добросовестно, с любовью к своему народу, с полной отдачей сил совершали все народы, региональные и местные власти самых дальних уголков огромной страны. На основе постановлений ГКО, ЦК ВКП (б) партийные комитеты различных уровней рассматривали и решали, в частности, вопросы: «Об организации на станциях Красноводск, Ашхабад и Чарджоу пунктов по питанию эвакуированных граждан» (ЦК КП (б) Туркменистана совместно с СНК ТССР, 4 ноября 1941 г.), «О работе с эвакуированными» (ЦК КП (б) Киргизии, 27 ноября 1941 г.), «Об обеспечении жилой площадью рабочих, прибывших в Томск с эвакуированными предприятиями» (бюро Томского горкома ВКП (б), 3 декабря 1941 г.). На восток были перемещены тысячи предприятий и десятки миллионов людей. Целая страна!

В декабре 1941 г. 5-й пленум ЦК компартии Узбекистана наметил конкретные мероприятия по увеличению производства продукции, необходимой фронту. В Узбекистан в соответствии с планом эвакуации 1941–1942 гг. прибыло до 100 крупных предприятий (заводы «Ростсельмаш», «Красный Аксай», московские заводы «Электрокабель» и «Подъемник», киевский завод «Трансигнал» и др.). Завод «Ростсельмаш» введен в действие через 2 месяца, завод «Электрокабель» – через 5 месяцев, а завод «Красный Аксай» – через 29 дней

после прибытия в Ташкент. С эвакуированными предприятиями прибыло лишь 30 % рабочих и служащих. Проблема обеспечения промышленных предприятий квалифицированной рабочей силой решалась путем подготовки кадров в школах ФЗО, ремесленных училищах, на курсах при вузах и техникумах. В годы войны число вузов и средних специальных учебных заведений увеличилось за счет эвакуированных из прифронтовых районов и открытия новых. За 1941–1945 гг. в школах механизации и на курсах подготовлено 80 тыс. человек, непосредственно на производстве – свыше 100 тыс. человек. В производство вовлекались женщины и молодежь. В Ташкенте в первые месяцы войны на заводы и фабрики пришло свыше 20 тыс. женщин. В январе 1943 г. в промышленности Узбекистана женщины составляли 63,5 % общего числа рабочих, (в январе 1941 г. – 40,7 %), в сельском хозяйстве – свыше 65 %. В 1941–1943 гг. Узбекистан принял свыше 1 млн. эвакуированных, в т. ч. 200 тыс. детей. В 1941–1943 гг. только в Ташкенте было размещено и обеспечено работой около 240 тыс. человек. По решению ЦК компартии и СНК Узбекистана Наркомат просвещения Узбекистана создал центральный детский эвакуопункт, затем республиканскую, областные, городские и районные комиссии для устройства эвакуированных детей. Развернулось движение за усыновление детей-сирот. Их брали на воспитание трудовые коллективы и отдельные семьи. Семья кузнеца Ш. Шамахмудова воспитала 15 детей разных национальностей.

В результате пуска эвакуированных промышленных предприятий, перестройки действовавших и ввода 280 новых заводов и фабрик удельный вес тяжелой промышленности вырос в 1944 г. до 52,4 % (в 1940 г. – 16 %); добыча угля в 1945 г. достигла 103 тыс. т (в 1942 г. – 30,8 тыс. т); за 1941–1943 гг. добыча нефти, включая газовый конденсат, возросла в 2,4 раза; производство бензина – в 2,5 раза и т.д. За 1941–1945 гг. Узбекистан дал фронту свыше 2 тыс. самолетов, свыше 17 тыс. авиамоторов, свыше 2,3 млн. авиабомб, миллионы мин, снарядов, гранат и т. д.¹⁴.

Предприятия легкой промышленности и артели промкооперации наготовили обмундирования, обуви различных деталей боеприпасов на сумму 443,2 млн. руб. Около 1 млн. воинов из Узбекистана сражались с немецко-фашистскими захватчиками. По решению ЦК КП (б) Узбекистана от 18 ноября 1941 г. начато формирование национальных частей и соединений, куда были направлены 5 тыс. коммунистов и 15 тыс. комсомольцев. В 1941–1942 гг. было сформировано

14 соединений. В рядах Красной Армии находилось свыше 6 тыс. женщин из Узбекистана. За мужество и отвагу 120 тыс. воинов из Узбекистана награждены орденами и медалями, 280 из них удостоены звания Героя Советского Союза, 32 стали кавалерами ордена Славы трех степеней¹⁵.

В годы войны в рядах Красной Армии сражалось свыше 200 тыс. воинов из Таджикистана, среди них свыше 7 тыс. коммунистов (свыше 50 % состава коммунистической партии Таджикистана и 40 тыс. комсомольцев (свыше 60 % состава ЛКСМ). За мужество и отвагу свыше 55 тыс. воинов из Таджикистана награждены орденами и медалями. 51 из них удостоен звания Героя Советского Союза, 15 стали кавалерами ордена Славы 3-х степеней. Из республики отправлен 151 вагон подарков, собрано 532 тыс. теплых вещей, 123,8 тыс. овчин и т. д.¹⁶.

В соответствии с планом эвакуации в Киргизию к 1 января 1942 г. перебазировано оборудование 30 заводов, фабрик, в т. ч. Никитовского ртутного комбината (Донбасс), Харьковского завода, многих сахарных заводов с Украины и т. д. К ноябрю 1942 г. в Киргизию эвакуировано 139,3 тыс. человек, в т. ч. 3,5 тыс. детей. Доля женщин в народном хозяйстве увеличилась с 29,6 % в 1941 г. до 56 % в 1944 г., в т. ч. в промышленности с 32,9 % до 51,9 %. В 1943–1945 гг. ФЗО, РУ и ЖУ окончили 13,9 тыс. человек. За годы войны в Киргизии введено в строй 38 новых промышленных предприятий, из них свыше 20 во Фрунзе и Фрунзенской области.

В июле 1941 – сентябре 1944 г. в армию мобилизовано из Киргизии свыше 300 тыс. человек, в т. ч. свыше 12 тыс. коммунистов и 80 тыс. комсомольцев. На территории Киргизии сформированы 2 стрелковые дивизии, 107-я, 108-я и 109-я национальные кавалерийские дивизии и несколько отдельных батальонов. За мужество и отвагу свыше 150 тыс. воинов из Киргизии награждены орденами и медалями, 72 из них присвоено звание Героя Советского Союза, 34 – кавалера ордена Славы трех степеней¹⁷.

Из Туркмении ушли на фронт в 1941–1945 гг. свыше 180 тыс. человек, среди них 10 тыс. коммунистов и около 40 тыс. комсомольцев. Формировались национальные воинские соединения. Осенью 1942 г. на фронт отправились 87-я и 88-я Туркменские отдельные образования и 97-я и 98-я кавалерийские дивизии. В битве за Кавказ участвовала 83-я Туркестанская горнострелковая дивизия, ранее дислоцировавшаяся в Туркмении. За мужество и героизм 19 тыс. воинов

из Туркмении награждены орденами и медалями, 70 из них удостоены звания Героя Советского Союза, 8 стали кавалерами ордена Славы трех степеней¹⁸.

Сотни тысяч теплых вещей были собраны в республиках Средней Азии для воинов РККА. За годы войны выезжали 22 делегации трудящихся Киргизии, которые доставили бойцам 196 вагонов с подарками. Из Туркмении на фронт отправлено 202 вагона с подарками¹⁹.

В годы войны практиковались внутрирегиональные и межрегиональные трудовые мобилизации, когда рабочие силы перебрасывались из одного региона в другие, хотя сами эти регионы нуждались в рабочей силе и к ним же завозились из других областей и республик дополнительные трудовые резервы, поэтому межрегиональная трудовая мобилизация вызывала наибольшее непонимание среди населения. Аналогичная ситуация с перераспределением рабочей силы имело место в ТАССР, БАССР, Удмуртской АССР, уральских областях и многих других территориях. Эффективность такого рода шагов представляется сомнительной, так как далеко не всегда оправдывала усилия властей по передислокации людей на новое место жительства и работы. Например, явным просчетом со стороны руководящих органов страны обернулась мобилизация в среднюю полосу России среднеазиатских рабочих. В Татарскую АССР в связи с выполнением планов по межрегиональной мобилизации в феврале 1943 г. было завезено 1112 рабочих из Средней Азии (узбеков, таджиков, казахов и др.).

Уже через месяц после пребывания среднеазиатских рабочих на заводе им. В. И. Ленина, куда они были изначально определены, осталось 924 человека, 188 из них выбыли по различным причинам, в т. ч. переданы другим заводам – 14 человек, дезертировали с предприятия – 53, отправлены на родину по болезни – 54, мобилизованы в РККА – 36 и умерли – 31 человек. Обращает на себя внимание особенно большой процент заболевших и умерших рабочих, совершенно непривычных к суровым климатическим условиям. К тому же, при отправке мобилизованных к ним не было проявлено элементарного участия: рабочие направлялись в ТАССР без нательного белья, большинство ехало в летнем обмундировании, без хлеба и денег. Некоторые из них получили обморожение еще по дороге из Ташкента в Казань.

По прибытии ответственность за организацию размещения мобилизованных рабочих, их материально-бытовое обеспечение возла-

галась на руководство предприятий, к которым они были прикреплены. Однако с сожалением приходится констатировать, что в большинстве случаев местная номенклатура оказалась не готова ни к трудовому, ни к социальному обустройству специфического рабочего пополнения. Поэтому в массе своей неквалифицированные рабочие были задействованы главным образом на подсобных и транспортных работах (чернорабочими на заводах, на погрузке и выгрузке лесоматериалов и т. п.).

Условия проживания и питания рабочих также были неподобающими. Приезжие жили в полуподвальных бараках с двухъярусными нарами, иногда – без них, так что спать приходилось на голом полу. Питание было организовано плохо и однообразно, в малом количестве. Отсутствие воспитательной работы, неудовлетворительные бытовые условия порождали среди рабочих нездоровые настроения. Производительность труда была крайне низкой. Большинство работало только по принуждению. Многие откровенно сообщали о своем желании сбежать с предприятия и вернуться на родину. Но поскольку к дезертирам применялись жесткие меры, отдельные граждане использовали разного рода хитрости: применяли голодовки, симулировали болезни, распродалли обмундирование и постельное белье, скапливали деньги на дорогу.

Местные партийные и государственные органы пытались изменить ситуацию. Факты отвратительного материально-бытового обслуживания среднеазиатских рабочих обсуждались на общих собраниях, предлагались конкретные мероприятия по нормализации условий их труда с учетом национальной специфики, по организации агитационно-массовой и культурной деятельности. Но эта работа продвигалась крайне медленно, активизируясь лишь после вмешательства вышестоящих структур.

Однако даже определенное улучшение в материальных условиях и бытовом укладе мобилизованных рабочих не вызывало у них желания жить и работать на чужбине. Наконец, в 1944 г. по указанию СНК СССР была объявлена общая демобилизация рабочих из Средней Азии и организована их отправка на родину²⁰.

В годы войны и на Урал для работы в промышленных предприятиях были мобилизованы народы Средней Азии, поэтому в 1942–1944 гг. на Южном Урале сложилась специфическая ветвь общепита – для национальных рабочих, мобилизованных из Среднеазиатского военного округа. Вырванные из привычной среды обитания с устой-

чивыми традициями питания, эти рабочие столкнулись с катастрофическими для себя обстоятельствами. Они не могли принимать в пищу многие местные продукты и быстрее других входили в состояние авитаминоза и дистрофии. 20 июля 1943 г. вышел приказ НКТ СССР об организации отдельных столовых и чайных для таких рабочих²¹.

Когда ситуация стала известна в правительстве, то по его требованию Наркомату черной металлургии пришлось обеспечить доставку на Урал зеленого чая в расчете 300 г на человека в месяц, крупу наполовину заменить рисом, свинину – говядиной, либо бараниной, привлечь национальных поваров и открыть чайханы. Вместе с представителями руководства среднеазиатских республик южноуральские власти принимали меры по открытию особых точек питания для национальных рабочих и снабжению их привычными продуктами: рисом, зеленым чаем, сухофруктами. Кроме этого, Челябинский металлургстрой организовал киргизскую заготовительную контору. Наркомат путей сообщения разрешил начальникам Южно-Уральской и Ташкентской железных дорог организовать поезда-«вертушки», которые курсировали между Челябинском и Ташкентом. Они обслуживали как отдельные предприятия, так и область. В годы войны почтовые посылки были запрещены. Но с организацией поездов-«вертушек» их можно было получить. Рабочие-узбеки стройуправления № 24 получили таким путем более 300 индивидуальных посылок из Средней Азии²². В отдельных случаях достигался положительный результат, но проблема в целом не разрешалась. Чкаловский обком партии в августе 1943 г. докладывал в ЦК о том, что особые столовые в области – редкость и основная масса национальных рабочих питается в общих столовых. В Орске на 7 тыс. человек открыто 10 чайхан, но вместо зеленого чая подается фруктовый напиток. Среди рабочих наблюдается истощение, цинга²³. Аналогичной была ситуация и в других местах, где работали среднеазиатские рабочие. По свидетельству врача медсанчасти треста «Южтяжстрой» Н. В. Зверева: «Дистрофией болели в основном узбеки и таджики, несмотря на то, что им еще помимо основных карточек выдавали «узбекские обеды», что русские не имели, и все же (они) оказались более выносливыми, дистрофии среди русских было мало». В 1944 г. все выходцы из Средней Азии были отправлены на Родину²⁴.

Таким образом, Победа над фашистской Германией доказала жизнеспособность многонационального государства. И память о боевом и трудовом братстве как одном из истоков великой Победы в Оте-

чественной войне, и страшный опыт теперь уже далекой войны говорят о том, что мы действительно непобедимы, пока народы России и Средней Азии, других союзных республик, входивших в состав Советского Союза, живут в мире, согласии и уважении друг к другу, пока помнят и чтут имена героев – общих для всей страны, как и та Победа 1945 года.

Примечания:

1. Военная энциклопедия: В 8 т / Пред. гл. ред. комиссии П. С. Грачев. – Т. 2: Вавилон – Гойс. – М.: Воениздат, 1994. – С. 399.
2. Великая Отечественная война. Вопросы и ответы / П. Н. Бобылев, С. В. Липицкий, М. Е. Манин, Н. Р. Панкратов. – М.: Политиздат, 1984. – С. 406–407.
3. Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия / Гл. ред. М. М. Козлов. – М.: Советская энциклопедия, 1985. – С. 700–701.
4. Великая Отечественная война. Вопросы и ответы / П. Н. Бобылев, С. В. Липицкий, М. Е. Манин, Н. Р. Панкратов. – М.: Политиздат, 1984. – С. 390.
5. Советская военная энциклопедия: В 8 т. / Под ред. А. А. Гречко. – Т. 3: Гражданская – Йокота. – М.: Воениздат, 1977. – С. 565.
6. Карпов В. Генералиссимус. Книга первая. – Калининград: Янтарный сказ, 2002. – С. 296; Золотые звезды Оренбуржья. – Оренбург: Оренбургское литературное агентство, 2010. – С. 23.
7. Труд. – 2006. – 16 июня.
8. Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 395. Оп. 9153. Д. 13. Л. 127.
9. Правда. – 1942. – 31 октября.
10. Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия / Гл. ред. М. М. Козлов. – М.: Советская энциклопедия, 1985. – С. 701, 339, 736; Герои Советского Союза – туркменистанцы. Архивный отдел МВД ТССР. – Ашхабад: Туркменгиз, 1948. – С. 15–16.
11. Коммунистическая партия Узбекистана в годы Великой Отечественной войны. Летопись событий. – Ташкент: Узбекистан, 1980. – С. 144.
12. Подсчитано автором: Коммунистическая партия Киргизии (1918–1973). Рост и регулирование состава. – Фрунзе: Кыргызстан, 1973. – С. 113; Коммунистическая партия Таджикистана в документах и цифрах (1924–1963). – Душанбе: Ирфон, 1965. – С. 121.
13. Варшавский С., Рест Б. Подвиг Эрмитажа. – СПб.: Славия, 1995. – С. 154–156.
14. Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия / Гл. ред. М. М. Козлов. – М.: Советская энциклопедия, 1985. – С. 739.
15. Там же. – С. 740.
16. Там же. – С. 700, 701.
17. Там же. – С. 339.
18. Там же. – С. 734.
19. Там же. – С. 339, 734.
20. Кабирова А. Ш. Татарская АССР в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: социально-экономические и культурно-идеологические процессы в тыловом регионе. Дис. ...д-ра ист. наук. – Казань, 2012. – С. 86, 87.

21. Бритвин Л. Забота Коммунистической партии о снабжении населения в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Научные труды Московского института народного хозяйства им. Г. В. Плеханова. – М., 1967. – Вып. 47. Кафедра философии и истории. – С. 102–108.

22. Павленко В. Д. Трудмобилизованные Средней Азии и Казахстана на предприятиях и стройках Урала. 1941–1945 годы // Вестник Челябинского университета. Серия 10. – 2002. – № 1. – С. 198–199.

23. Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДНПО). Ф. 371. Оп. 7. Д. 153. Л. 1–2.

24. Яблонский Ф. Н. Фронтовая вахта Златоуста 1941–1945 // Златоуст – фронту / сост. А. В. Козлов, Ф. Н. Яблонский. – Златоуст: ООО «ФотоМир», 2010. – С. 84.

Люкшина И. В. (Оренбург)

ПРИВЛЕЧЕНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ КАДРОВ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЧКАЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1942–1943 ГГ. ПО ДОКУМЕНТАМ ГБУ «ЦДНПО»

В отечественной историографии достаточно много внимания уделено проблеме использования трудовых ресурсов в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Исследователи в полном объёме показали использование труда кадровых рабочих, подростков, женщин и людей пожилого возраста, мобилизованных для работы в промышленности и строительстве. Тем не менее, эти вопросы продолжают вызывать определенный интерес. Одним из таких вопросов является мобилизация рабочей силы из сопредельных территорий в промышленность Чкаловской области.

По объективным причинам в промышленности и в строительстве в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. не хватало рабочих рук. Заводы и фабрики, строительные площадки нуждались не только в квалифицированных специалистах, но и в разнорабочих. Осенью 1942 г. советское руководство провело дополнительные мобилизации различных категорий трудящихся страны для работы на объектах народного хозяйства. Проведена была мобилизация и в республиках Средней Азии и в Казахстане. Государственный Комитет Обороны принял постановление № 2414с от 14 октября 1942 г. «О мобилизации в Узбекской, Казахской, Киргизской, Таджикской и Туркменской ССР военнообязанных для работы в промышленности и строительстве жел. дорог и пром. предприятий», положившее нача-

ло этому процессу. В соответствии с постановлением предполагалось: «1. Мобилизовать в пределах Средне-Азиатского, Уральского и Южно-Уральского военных округов 350 тысяч человек из числа военнообязанных в возрасте от 19 до 50 лет... Из мобилизованных сформировать рабочие колонны по 1000 человек в каждой колонне и направить для работы в промышленности и на строительстве... Мобилизацию провести в течение октября и ноября 1942 года; 2. Обязать мобилизованных явиться на сборные пункты в исправной зимней одежде, с запасом белья, постельными принадлежностями, кружкой, ложкой и десятидневным запасом продовольствия; 3. Установить уголовную ответственность всех мобилизованных в рабочие колонны как за неявку по мобилизации на призывной или сборный пункт, так за самовольное оставление работы или дезертирство из рабочих колонн по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 года «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий»¹.

Мобилизованное население из республик Средней Азии и Казахстана стало прибывать на работу в Чкаловскую область в февралемарте 1943 г. (свидетельств о прибытии рабочих в конце 1942 г. в архивных документах ГБУ «ЦДН ИОО» в настоящее время не обнаружено). Основная часть прибывших отправлялась на строительные площадки предприятий городов Медногорска, Орска, Новотроицка на востоке области. После прибытия рабочих выяснилось, что подавляющая масса уроженцев Средней Азии не знает русского языка, следовательно, общение с ними было крайне затруднено. Кроме того, мобилизованные практически не имели квалификации и могли быть использованы только как разнорабочие. В докладной записке секретаря Чкаловского обкома ВКП(б) по пропаганде и агитации И. П. Сафронова от 21 августа 1943 г. указывалось: «На предприятия и стройки нашей области в нынешнем году прибыло большое количество рабочих нерусской национальности. По неполным данным имеется в г. Орске узбеков, таджиков, туркменов около 8 тыс. человек, в г. Чкалове около 700 человек и в г. Медногорске 200 человек. С прибытием крупных партий рабочих нерусской национальности партийные организации встретились с большими трудностями. Основная трудность – незнание языка. Среди узбеков ещё можно найти людей знающих язык, очень трудно таких обнаружить среди таджиков и туркменов. При отправке это обстоятельство совершенно не учитывалось. Среди прибывших рабочих подавляющее большинство неграмотные преклонного возраста»².

Встречи рабочих происходили по-разному. Были как положительные, так и отрицательные примеры. Так, хорошо была организована встреча партии узбеков в 500 человек на нефтезаводстрое г. Орска. «К эшелону вышли представители завода с музыкой. Здесь же состоялось знакомство и чай. Затем их сводили в баню, парикмахерскую. На следующий день устроили концерт силами актёров Ташкентского узбекского театра. К их прибытию было отстроено 16 саманных домиков, сделаны топчаны с чистой постелью». В то же время администрация ОСМЧ-23 (особой строительно-монтажной части) не сумела должным образом организовать встречу и прибытие на строительные участки трудмобилизованных из Средней Азии³.

Следует отметить, что большинство прибывших в ходе мобилизации медицинского осмотра не проходили, и значительную часть их отправляли обратно в связи с нетрудоспособностью. Эту ситуацию хорошо иллюстрирует архивный документ. В справке секретаря Медногорского горкома ВКП(б) о материально-бытовых условиях рабочих киргизов и узбеков, работающих на Блявинском руднике и медно-серном заводе г. Медногорска от 14 марта 1943 г. указывалось, что в феврале 1943 г. на рудник прибыло рабочих киргиз 155 человек. В день прибытия была создана специальная медицинская комиссия, которая провела осмотр всех рабочих с участием администрации Блявинского рудника, признавшая из осмотренных годными для работы в шахте 108 человек, остальных ограниченно годными. При этом 11 отправлено обратно по заключению медицинской комиссии. Кроме того, 9 человек из прибывших умерло от «воспаления лёгких, острого авитаминоза, порока сердца, туберкулёза легких». В результате на руднике осталось 111 человек, из которых 52 работало в шахтах, остальные на поверхности в цехах. Аналогичная ситуация была на медно-серном заводе г. Медногорска, куда прибыли рабочие киргизы и узбеки в количестве 199 человек. При этом 4 человека отпущено по болезни, 7 человек умерло. В результате осталось работать 172 человека, из которых 118 работало в погрузочном бюро, остальные на разных работах по цехам. Рабочие были обеспечены спецодеждой и бельём: сапогами резиновыми, чунами фабричными и местных умельцев, валенками, брезентовыми комбинезонами, куртками, брюками, носками, шапками, нательным бельём и другими вещами. Судя по выделенному количеству вещей, куртки, брюки и обувь получили практически все рабочие. Однако тёплой одежды и спецодежды для работы на время производственного процесса явно не хватало. Примечатель-

но, что в этом же документе отмечено, что «есть случаи продажи одежды на рынке и отдельные рабочие нуждаются в одежде и обуви»⁴.

Отмечались неоднократные случаи дезертирства, хотя люди знали об уголовной ответственности, но, видимо, это было меньшим злом, чем материально-бытовые условия, в которых находились рабочие. В одном из обзоров о работе правоохранительных органов указывалось, что самое большое количество совершающих дезертирство относится к строительным рабочим: «...В мае месяце 1943 г. в ОСМЧ-23 было прислано мобилизованных 4000 человек по национальности казахов и узбеков, которые прибыли в г. Орск 04.06.1943 г. Администрацией ОСМЧ-23 не было принято соответствующих мер к упорядочению материально-бытовых условий к прибывшим, а также не была достаточно проведена полит-воспитательная работа, вследствие чего прибывшие мобилизованные казахи и узбеки стали продавать продуктовые карточки и сами дезертировать как одиночками, так и группами, и в течение с 02.05 по 11.07.1943 г. дезертировало около 300 человек»⁵.

Не менее важным оказался вопрос питания, к которому прибывшее мобилизованное население из Средней Азии было не готово. Исследователь Б. Д. Шмыров в своей статье отметил: «При адаптации в регионе серьезной проблемой стала структура продовольственного рациона... Это выразилось в замене привычных для прибывших из Средней Азии рабочих риса, домашних лепёшек, хлопкового масла, баранины и бараньего жира на картофель, крупы, ржаной хлеб, говядину, говяжий и свиной жир при полном отсутствии зелёного чая, сушёных сухофруктов и национального жевательного табака типа «на-свай»⁶. Питание мобилизованных обеспечивалось продовольственными фондами по нормам для рабочих предприятий оборонной промышленности через сеть общественного питания. «На большинстве предприятий городов рабочих нерусской национальности кормят в общих столовых, общей пищей, куда входят щи, селедка, колбаса, те продукты, какие узбеки не едят, и хотя на ряде предприятий для рабочих установлено 3-х разовое питание, всё же оно не дает положительных результатов. Самой массовой жалобой остается жалоба на недостаточное питание»⁶. Местные власти, администрации предприятий пытались урегулировать этот вопрос доступными им способами. Так в г. Орске были предприняты некоторые меры, в частности, по городу открылись до десятка чайхан, большинство которых использовали фруктовый напиток; с таких предприятий как ТЭЦ, ПРЗ выехали

бригады за продуктами в Узбекистан; на комбинате Южуралникель организовали отдельную столовую для узбеков, где готовилась пища с учётом национальных особенностей, но этого оказалось недостаточно.

Своеобразным подведением итогов пребывания трудмобилизованных в области с февраля по август 1943 г. стало постановление Чкаловского обкома ВКП(б) от 28 августа 1943 г. «О культурно-бытовом обслуживании и политической работе среди рабочих нерусской национальности», где отмечалось: «...а) производственно-техническое обучение развёртывается крайне слабо и организация труда страдает серьезными недостатками (неподготовленность рабочего места, опоздания с выпиской нарядов и т. д.); ...в) значительная часть общежитий пригодна только для летних условий (ОСМЧ-23), землянки же (энергокомбинат) не благоустроены, не оштукатурены и грязные; г) питание поставлено без достаточного учёта национальных вкусов прибывших рабочих, несмотря на некоторые попытки в этом направлении (ОСМЧ-23, никелькомбинат и др.); ...е) многие рабочие нерусской национальности не подготовлены для работы в осенне-зимних условиях из-за необеспеченности одеждой, обувью, бельём. Недостаточная забота об удовлетворении материально-бытовых и культурных нужд рабочих нерусской национальности вызвала случаи дезертирства с производства среди рабочих (ОСМЧ-23, трест Южуралтяжстрой) и факты заболеваемости»⁷. Это же постановление наметило ряд комплексных мер (полноценное медицинское, культурное обслуживание, снабжение продуктами и одеждой и т. д.), обязательных для исполнения всем предприятиям и стройкам, в особенности городов Орска и Медногорска.

По оценке Б. Д. Шмырова, основанной также на документах ГБУ «ЦДНННО», в Чкаловской области трудмобилизованные Среднеазиатского военного округа до первой декады мая 1943 г. были представлены уроженцами Узбекистана, количество которых в первой декаде мая 1943 г. составляло 1296 человек, в т. ч. в строительных организациях, таких как ОСМЧ-23 и медно-серный завод – 831 человек, промышленных предприятиях – 125 человек, предприятиях железнодорожного транспорта – 340 человек. К середине июня 1943 г. численность трудмобилизованных из Средней Азии в Чкаловской области значительно увеличилась и достигла 10600 человек. Причём преобладали лица узбекской национальности. По его подсчётам, количество трудмобилизованных из Средней Азии на Южном Урале к концу

первого полугодия 1943 г. составило 30274 человека. Однако уже к 1 января 1944 г. оно уменьшилось более чем на 33 % и составило 20251 человек⁸.

Таким образом, проанализировав лишь небольшую часть архивных документов, мы приходим к следующему: основная часть прибывших отправлялась на промышленное производство на восток области, где они трудились в качестве черно- и разнорабочих на Блявинском руднике и медно-серном заводе г. Медногорска; ТЭЦ, паровозоремонтном заводе, нефтезаводстрое, комбинате Южуралникель, в ОСМЧ-23 треста Южуралтяжстрой г. Орска и других промышленных объектах. Трудомобилизованное население из Средней Азии оказалось не приспособленным к бытовым условиям в местах проживания, ускоренному темпу трудовой деятельности на производстве и в строительстве, что приводило к снижению морального и физического состояния, следствием чего становилось дезертирство, заболевания. В свою очередь, местные власти и руководители хозяйственных организаций, несмотря на некоторые мероприятия, оказались не готовы к созданию надлежащих условий для проживания и трудовой деятельности среднеазиатского рабочего контингента.

Примечания:

1. Постановление Государственного Комитета Обороны № 2414с от 14 октября 1942 г. «О мобилизации в Узбекской, Казахской, Киргизской, Таджикской и Туркменской ССР военнообязанных для работы в промышленности и строительстве жел. дорог и пром. предприятий» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.soldat.ru/doc/gko/text/2414.html> (дата обращения: 07.06.2013).

2. Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДННОО). Ф. 371. Оп. 7. Д. 50. Л. 19–20.

3. Там же.

4. ЦДННОО. Ф. 1666. Оп. 1. Д. 295. Л. 28 об. – 29; Д. 296. Л. 21.

5. ЦДННОО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 151. Л. 41.

6. Шмыров Б. Д. Численность «трудомобилизованных Среднеазиатского военного округа» на промышленных предприятиях Южного Урала в 1943–1945 годах / Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 16 (270). – История. Вып. 51. – С. 70.

7. ЦДННОО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 50. Л. 19–20.

8. ЦДННОО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 25. Л. 37–38.

9. Шмыров Б. Д. Указ. соч. – С. 70.

**ТРУДМОБИЛИЗОВАННЫЕ
СРЕДНЕ-АЗИАТСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА
НА ОБЪЕКТАХ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И СТРОИТЕЛЬСТВА
ЧКАЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1943–1944 ГГ.***

В советской и постсоветской историографии проблема участия трудмобилизованных Средне-Азиатского военного округа (далее по тексту т/м САВО) получило ограниченное освещение¹. В последнее время ряд историков посвятили свои исследования изучению таких аспектов, как месторасположение т/м САВО в уральском регионе, их трудовая деятельность, вещевое и продовольственное обеспечение². В данной статье автор делает краткий обзор о нахождении т/м САВО в Чкаловской области, их размещении на объектах промышленности и строительства, санитарно-бытовых условиях проживания в 1943–1944 гг.

С началом войны против нацистской Германии в Советском Союзе обострилась проблема трудовых ресурсов. Для принятия эффективных мер по привлечению рабочей силы и её распределению по отраслям народного хозяйства и регионам страны 30 июня 1941 г. решением Политбюро ЦК ВКП (б) при Совете Народных комиссаров Союза ССР был создан Комитет по распределению рабочей силы (затем Комитет по учёту и распределению рабочей силы). За период работы с 1942 г. по июль 1945 г. Комитетом и его рабочими органами на местах было привлечено на постоянную работу в промышленность, строительство и на транспорт 3 010 400 человек городского и сельского населения страны³. Другим источником рабочей силы для военного производства в Советском Союзе стал перевод местными властями, получившими на это право, рабочих и служащих, освободившихся в связи с закрытием учреждений или сокращением штатной численности. Практика перевода служащих для работы в промышленности была закреплена законодательно 4 ноября 1942 г. Постановлением Совета Народных Комиссаров Союза ССР № 1768 «О переводе части служащих на производство»⁴. Кроме указанных мероприятий по увеличению численности рабочей силы, на действующих предпри-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009-2013». Государственное отношение № 14. В 37. 21. 0001.

ятях изыскивались внутренние резервы для увеличения работников в цехах. Так в г. Чкалов из заводоуправления «Глававтотрактордеталь» для работы в цехах производства были переведены копировальщик, товаровед, заведующий отделом, работники бухгалтерии, уборщица, служащие⁵.

Осенью 1942 г. советское руководство начинает проводить в стране дополнительные мобилизации различных категорий трудящихся для работы на объектах народного хозяйства. 14 октября 1942 г. было принято постановление Государственного Комитета Обороны № 2414с «О мобилизации в Узбекской, Казахской, Киргизской, Таджикской и Туркменской ССР военнообязанных для работы в промышленности и строительстве жел[езных] дорог и пром[ышленных] предприятий» (далее по тексту – *Постановление ГОКО**)⁶. Мобилизация была проведена и в САВО, который, как военно-территориальная структура НКО Союза ССР, располагался на территории советских республик Средней Азии – Киргизской, Таджикской, Туркменской, Узбекской и части областей Казахской ССР. Указанным Постановлением ГОКО было запланировано мобилизовать в пределах Средне-Азиатского, Уральского и Южно-Уральского военных округов 350 тысяч человек из числа военнообязанных в возрасте от 19 до 50 лет. Согласно данному Постановлению ГОКО мобилизованных планировалось призвать из республик Средней Азии и тех областей Казахской ССР, которые территориально входили в состав САВО. Проведение мобилизации возлагалось на Народный комиссариат обороны/НКО Союза ССР через местные военные комиссариаты начиная с периода октября-ноября 1942 года. Предполагалось из мобилизованных сформировать рабочие колонны по 1000 человек в каждой и направить для работы в промышленности и на строительстве. Разрешалось призывникам выдать продовольствие из расчета на 10 дней за наличный расчет⁷. Как показал опыт отправки т/м САВО в европейскую часть страны, на Урал и в Сибирь, этого количества выданного продовольствия оказалось недостаточно, так как часть железнодорожных эшелонов с уроженцами республик Средней Азии и Казахской ССР находились в пути около месяца, иногда и больше⁸. При ГОКО была создана комиссия для наблюдения за подготовкой народных комиссариатов к приёму, распределению мобилизованных по предприятиям и выдачу нарядов на рабочую силу. В Комиссию ГОКО входили представители Всесоюзного Центрального Совета Профессиональ-

* ГОКО (ГКО) – Государственный комитет Обороны.

ных Союзов, НКО, НКВД и Госплана. На первом заседании Комиссии ГОКО, которое прошло 02.11.1942 г., было выдано нарядов на мобилизацию 250 000 человек⁹.

После проверки полученных от Народных комиссариатов расчётов на рабочую силу в конкретный месяц/квартал рабочего года и подтверждённую Госпланом Союза ССР, Комитет выдавал наряд на мобилизацию необходимого количества военнообязанных среднеазиатской республики/республик и/или Казахской ССР. Мобилизационный отдел НКО, на основании данного наряда, посылал директиву в мобилизационный отдел САВО, где конкретно указывались дата и республика проведения данного этапа мобилизации, количество мобилизуемых. Так, мобилизация военнообязанных для работы на строительство теплоэлектростанции в городе Орск, Чкаловская область, проводилась в Узбекской ССР и Киргизской ССР в первом квартале 1943 г. по директиве НКО № м/5/4824/ и к первому апреля 1943 г. на Южном Урале уже работали 500 т/м САВО¹⁰. Основанием для проведения данного этапа мобилизации в союзных республиках был наряд, выданный на заседании Комиссии ГОКО 22.12.1942 года¹¹.

Из республик Средней Азии и Казахской ССР т/м САВО были направлены и стали прибывать в железнодорожных эшелонах в Чкаловскую область в начале 1943 года. Несмотря на принимаемые меры со стороны НКО и Народного комиссариата путей сообщения по ускорению продвижения эшелонов с т/м САВО, в январе 1943 г. 12 эшелонов с 15 000 среднеазиатских рабочих находились в пути более месяца. Отдельные эшелоны с т/м САВО простаивали на промежуточных железнодорожных станциях по 4–8 суток¹². В 1943 г. на железной дороге Чкаловской области скорость движения вагонов при норме 17,8 км/ч снизилась до 12,7 км/ч¹³. Причина медленного продвижения эшелонов с т/м САВО отчасти объяснялась износом рельс ввиду ветхого состояния пути на территории области, через которую проходила железнодорожная магистраль, связывающая районы Южного Казахстана и республики Средней Азии с Уралом и европейской частью страны¹⁴. Из-за плохого состояния железнодорожного пути в первом квартале 1943 г. на территории Чкаловской области произошло 23 крушения поездов и 1019 случаев брака¹⁵.

В начале апреля 1943 г. 95 313 уроженцев Средней Азии и Казахстана во исполнение Постановления ГОКО № 2414с от 14.10.1942 г. работали на 113 промышленных предприятиях и объектах 12 союзных народных комиссариатов, находящихся в европейской части стра-

ны, на Урале, в Сибири, на Алтае и в Средней Азии¹⁶. К маю 1943 г. т/м САВО работали на 33 промышленных предприятиях и хозяйственных объектах Челябинской области, а их численность там достигла 20 599 человек¹⁷. Т/м САВО на Южном Урале представляли 13 национальностей, проживавших в Средней Азии: евреи, иранцы, казахи, каракалпаки, киргизы, корейцы, русские, таджики, татары, туркмены, узбеки, украинцы, уйгуры¹⁸. Не исключено, что вместе с ними в Челябинской и Чкаловской области были представители и других национальностей из Средней Азии. В Чкаловской области трудмобилизованные САВО до первой декады мая 1943 г. были представлены уроженцами Узбекской ССР. К 10.05.1943 г. их количество составляло 1 296 человек¹⁹. К середине июня 1943 г. численность трудмобилизованных САВО в Чкаловской области значительно увеличилась и достигла 10 600 человек²⁰. В их число входили уроженцы Казахской, Киргизской, Таджикской и Узбекской ССР. Таким образом, на Южном Урале к концу первого полугодия 1943 г. количество уроженцев Средней Азии и Казахской ССР, мобилизованных в САВО, можно оценить в 31 399 человек²¹.

Необходимо отметить, что, несмотря на прибытие летом 1943 г. новых контингентов т/м САВО, их численность не оставалась на указанном уровне, но уменьшалась. Этому было несколько причин. Некоторые военкоматы для выполнения нарядов по мобилизации отправляли по мобилизации мужчин 1886–1887 года рождения, т. е. которым к моменту призыва исполнилось 55–56 лет²². И это при том, что согласно Постановлению ГОКО № 2414с мобилизации подлежали лица в возрасте 18–50 лет. Среди прибывших уроженцев республик Средней Азии и Казахской ССР были инвалиды, не пригодные к физическому труду²³. Часть приехавших при отправлении из мест проживания медицинского осмотра не проходили, имели стойкие формы различных заболеваний, и значительная часть рабочих была отправлена обратно, в связи с их нетрудоспособностью²⁴. При адаптации т/м САВО в южноуральском регионе серьезной проблемой стала структура продовольственного рациона, на который они были переведены по прибытию в трудовые коллективы Челябинской и Чкаловской областей. Это выразилось в замене привычных для прибывших т/м САВО риса, домашних лепёшек, хлопкового масла, баранины и бараньего жира на картофель, крупы, ржаной хлеб, говядину, говяжий и свиной жир при полном отсутствии зелёного чая, сушёных сухофруктов и национального жевательного табака типа «насвай». Необходимо

отметить не свойственный для бывших жителей сельской местности республик Средней Азии и Казахстана их образ жизни на Южном Урале – скученность, минимальные санитарно-гигиенические и бытовые условия в местах проживания, ускоренный темп трудовой деятельности на производстве и в строительстве, практическое отсутствие возможности нормального отдыха после напряжённой работы. Возникли значительные проблемы при использовании т/м САВО на производстве, так как выяснилось, что подавляющая масса уроженцев республик Средней Азии и Казахстана не знала русского языка, ввиду чего общение с ними крайне затруднено. Кроме того, т/м САВО практически не имели квалификации и рабочих специальностей. Вследствие этого среднеазиатские рабочие могли быть использованы на промышленных предприятиях и в строительстве только как черно- или разнорабочие. Для рационального использования на производстве необходимо было проводить для данного контингента производственно-техническое обучение на рабочих местах, что было связано с трудностями и в первую очередь языкового характера. Всё вместе взятое привело к снижению как морально-психологического, так и физического состояния контингента т/м САВО. Причины сокращения численности уроженцев республик Средней Азии и Казахской ССР на Южном Урале можно проследить по данным таблицы 1.

Таблица 1.

Причины сокращения численности т/м САВО на Южном Урале на 31.12.1943 г.²⁵.

Показатели Причина убытия	Челябинская область		Чкаловская область		Южный Урал	
	Т/м, чел.	% к общ.	Т/м, чел.	% к общ.	Т/м, чел.	% к общ.
Болезнь	4 275	47,30	—	—	4 275	40,07
Дезертирство	2 878	31,84	708	43,46	3 586	33,61
Смерть	1 105	12,22	452	27,75	1 557	14,60
Отправлено в Среднюю Азию	609	6,74	457	28,05	1 066	9,99
Призыв в РККА	54	0,6	—	—	54	0,51
Уголовная ответственность	24	0,27	12	0,74	36	0,34
Причина не указана	94	1,03	—	—	94	0,88
Всего:	9 039	100,00	1 629	100,00	10 668	100,00

Примечание. — данных нет.

Из приведённых выше данных видно, что основной причиной сокращения численности трудмобилизованных на Южном Урале были различные заболевания (40,07 %), дезертирство (33,61 %), смерть (14,6 %). Общая численность т/м САВО на Южном Урале за период апрель-декабрь 1943 г. с 31 399 человек уменьшилась на 10 668 человек или на 33,98 %. Прекращение восполнения убыли числа уроженцев республик Средней Азии и Казахской ССР на Южном Урале во второй половине 1943 г. было вызвано свёртыванием на территории САВО масштабов массовой мобилизации незанятого на производстве населения для работы за пределами среднеазиатских республик в связи с выполнением основных показателей по данному мероприятию – к 16.09.1943 г. Комиссией ГОКО в свете исполнения Постановления ГОКО № 2414с от 14.10.1942 г. было всего выдано нарядов на мобилизацию 351 750 человек²⁶.

В Чкаловской области т/м САВО распределялись по промышленным и хозяйственным объектам, согласно нарядам, которые выдавал Комитет по учёту и распределению рабочей силы при СНК СССР Народным комиссариатам/Наркоматам. Данные о нахождении т/м САВО на промышленных предприятиях и стройках Чкаловской области приведены в таблице 2.

Таблица 2.
Объекты Чкаловской области, на которых работали т/м САВО
в 1943–1944 гг.²⁷.

Место нахождения	Наименование объекта	Народный комиссариат
г. Чкалов	Завод «Автозапчасть» Паровозоремонтный завод Управление строительства № 256	Автомобилестроения Путей сообщения По строительству
г. Орск	Нефтеперегонный завод имени Чкалова Орско-Халиловский металлургический комбинат Орская ТЭЦ Рудоуправление № 1, Южно-Уральский никелевый комбинат	Нефтяной промышленности По строительству и НКВД Строительства электростанций
п. Домбаровка	Управление «Домбаршахто- строй»	Угольной промышленности
г. Медногорск г. Новотроицк	Медно-серный завод Шамотный завод	Цветной металлургии Чёрной металлургии

Т/м САВО работали в четырёх городах и в одном рабочем посёлке Чкаловской области на объектах промышленности и строительства девяти народных комиссариатов Союза ССР. Из десяти объектов четыре находились в г. Орск и три в областном центре.

После прибытия т/м САВО на Южный Урал многое для физического состояния, здоровья и успешной работы зависело от условий проживания уроженцев Средней Азии на местах. А это, в свою очередь, зависело от усилий руководителей промышленных предприятий, местных советских и партийных властей. На предприятиях области к размещению т/м САВО подошли ответственно, создав необходимые жилищно-бытовые условия. Для уроженцев Средней Азии в г. Новотроицк руководство ОСМЧ-23 приготовило для трудмобилизованных САВО чистые и светлые общежития, всего 16 домов, в которых были установлены койки с постельными принадлежностями. В г. Орск к эшелону с уроженцами Средней Азии вышли представители нефтеперегонного завода им. Чкалова. Прибывших т/м САВО встречали с музыкой, был подготовлен чай, здесь же состоялось знакомство трудмобилизованных с рабочими завода. После этого уроженцев Средней Азии отправили на дезинфекцию, в парикмахерскую и в баню²⁸. Для т/м САВО – строителей Южно-Уральского никелевого комбината администрацией в общежитиях были установлены койки с чистым постельным бельём²⁹. Необходимо отметить, что вопросы вещевого снабжения т/м САВО на предприятиях Чкаловской области в 1943 г. полностью не были решены. Весной 1943 г., когда количество рабочих из республик Средней Азии и Казахской ССР, работающих на промышленных объектах, не превышало 1500 чел., для них были созданы нормальные бытовые условия. Все прибывшие т/м САВО были размещены в отдельных общежитиях и обеспечены постельными принадлежностями. Только в общежитиях НКПС среднеазиатские рабочие не были в полной мере обеспечены постельным бельём, не хватало 240 комплектов постельного белья³⁰. К июню 1943 г., когда количество т/м САВО на промышленных и хозяйственных объектах области увеличилось, положение с вещевым снабжением для них ухудшилось. На всех предприятиях ощущался острый недостаток постельного белья, верхней одежды и обуви для т/м САВО³¹. На Чкаловском паровозо-ремонтном заводе многие среднеазиатские рабочие в общежитии не имели постельных принадлежностей, постели были грязны³². Имелись случаи, когда каменщики-строители из числа т/м САВО, износив обувь, в которой они прибыли на Южный Урал вес-

ной 1943 г., и не получив на производстве замены, через несколько месяцев ходили на строительные площадки босаяком³³.

В течение лета 1943 г. часть руководства строительства и промышленных предприятий Чкаловской области не контролировали выполнение заявок на получение тёплой одежды и обуви, постельных принадлежностей в необходимом количестве. В частности, в отношении прибывших в мае из Узбекской и Казахской ССР т/м САВО администрацией ОСМЧ-23 не было принято в течение лета 1943 г. соответствующих мер к упорядочению материально-бытовых условий данной категории работников³⁴. Партийное руководство Чкаловской области было хорошо информировано о положении дел с т/м САВО, работавших на многочисленных промышленных объектах области. На одном из пленумов Чкаловского областного комитета ВКП (б) в августе 1943 г. по этому поводу говорилось, что «многие рабочие не русской национальности не подготовлены для работы в осенне-зимних условиях из-за необеспеченности одеждой, обувью, бельём»³⁵. Было отмечено и неудовлетворительное положение с организацией санитарно-бытовых условий проживания и продовольственного обеспечения т/м САВО: «Недостаточная забота об удовлетворении материально-бытовых и культурных нужд рабочих не русской национальности вызвала случаи дезертирства с производства среди рабочих (ОСМЧ-23, трест Южуралтяжстрой) и факты заболеваемости»³⁶. Подтверждением сложившейся ситуации может служить и тот факт, что за первые двадцать дней ноября 1943 г. в ОСМЧ-23 на строительстве Орско-Халиловского металлургического комбината умерли 26 человек. Причиной смерти, как отмечали медики, «стала резкая недостача тёплой одежды и обуви, недостаточное питание для людей тяжёлого физического труда»³⁷.

При всех указанных недостатках, которые сложились с созданием бытовых условий и вещевым обеспечением, значительная часть среднеазиатских рабочих продолжала свою трудовую деятельность в рабочих коллективах области. Таким образом, т/м САВО из Казахстана и республик Средней Азии, добросовестно работавшие на промышленных объектах и строительстве Чкаловской области в 1943–1944 гг., внесли свой вклад в победу Советского Союза над нацистской Германией.

Примечания:

1. САВО, Средне-Азиатский военный округ к осени 1942 г. располагался на территории Киргизской, Таджикской, Туркменской, Узбекской и большей части Казахской ССР. Васильев А. Ф. Промышленность Урала в годы Великой Отечественной

войны 1941–1945. – М.: Наука, 1982. – 279 с.; Никель – Родине! Сборник о двадцатилетии Южно-Уральского никелевого комбината. – Орск: Орский рабочий, 1958. – С.4–6; Южный Урал в годы Великой Отечественной войны / под редакцией А. В. Фёдоровой. – Оренбург: ИПК ОГУ. – 2005. – 329 с.; Место эвакуации – Чкаловская область / под общ. ред. С. М. Муромцевой. – Оренбург: Печатный дом «Димур», 2010. – 312 с.; Павленко В. Д. Трудмобилизованные Средней Азии и Казахстана на предприятиях и стройках Урала. 1941–1945 годы // Вестник Челябинского университета. Серия 10. – 2002. – № 1. – С. 198–199; Промышленность Оренбуржья – фронту! / под общ. ред. С. И. Грачёва – Оренбург: ГУ Оренбургский ЦНТИ, 2005. – С. 82.

2. Гончаров Г. А. Режим содержания, организация труда и быта трудармейцев Урала в годы Великой Отечественной войны // Урал в контексте российской модернизации. Сборник статей. – Челябинск: Каменный пояс, 2005. – С. 116–146; Он же. «Трудовая армия» на Урале в годы Великой Отечественной войны: Монография – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2006. – 222 с.; Павленко В. Д. Трудмобилизованные Средней Азии и Казахстана на предприятиях и стройках Урала. 1941–1945 годы // Вестник Челябинского университета. Серия 10. – 2002. – № 1. – С. 198–199; Шмыров, Б. Д. Вещевое обеспечение трудмобилизованных Средне-Азиатского военного округа на промышленных предприятиях Южного Урала (1943–1945 гг.) // Труды кафедры новейшей истории России Челябинского государственного университета. Том 6 / под ред. С. А. Баканова, Г. А. Гончарова. – Челябинск: РЕКПОЛ, 2012. – С. 48–55; Шмыров Б. Д. Численность «трудмобилизованных Среднеазиатского военного округа» на промышленных предприятиях Южного Урала в 1943–1945 годах // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 16 (270). – История. Вып. 51. – С. 69–72.

3. Великая Отечественная война. – С. 729.

4. Объединённый государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-220. Оп. 13. Д. 14. Л. 1.

5. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 1455 Оп. 4. Д. 4. Л. 47.

6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 64. Л. 37–39.

7. Там же. Л. 37.

8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9517. Оп. 1. Д. 26. Л. 2.

9. Там же. Ф. 9301 с. Оп. 1а. Д. 127. Л. 66; Ф. Р-9414. Оп. 1с. Д. 1157. Л. 160.

10. Там же. Ф. Р-9517. Оп. 1. Д. 26. Л. 31.

11. Там же. Д. 6. Л. 46.

12. Там же. Д. 26. Л. 2.

13. Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДННАО). Ф. 371. Оп. 7. Д. 154. Л. 21.

14. Там же. Л. 2.

15. Там же.

16. Подсчитано по данным: ГАРФ. Ф. Р-9517. Оп. 1. Д. 26. Л. 28–31.

17. Подсчитано по данным: ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 8. Д. 125. Л. 80; Д. 261. Л. 3–8, 35, 38, 39, 41, 43, 45, 48–50, 53, 57, 59, 60, 66, 68, 72, 73; Ф. П-234. Оп. 17. Д. 60. Л. 49 об.; Оп. 18. Д. 43. Л. 30; Ф. Р-1283. Оп. 1. Д. 11. Л. 40; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 50. Л. 43.

18. Там же.
19. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 50. Л. 9.
20. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 25. Л. 35; Д. 50. Л. 20 об.
21. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 8. Д. 261. Л. 3–5, 7, 8, 11, 41, 43, 45, 49, 50, 53, 59, 60; Ф. Р-1283. Оп. 1. Д. 11. Л. 40; ЦДНИОО Ф. 371. Оп. 7. Д. 50. Л. 20 об.; Д. 151. Л. 41; Д. 154. Л. 51; Д. 526. Л. 83, 85, 86; Д. 540. Л. 76, 80–83.
22. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 256. Л. 89; Д. 25. Л. 35.
23. ОГАЧО. Ф. 234. Оп. 18. Д. 51. Л. 59.
24. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 256. Л. 88.
25. Таблица составлена по данным: ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 8. Д. 261. Л. 3–5, 7, 8, 11, 41, 43, 45, 49, 50, 53, 59, 60; ЦДНИОО Ф. 371. Оп. 7. Д. 50. Л. 20 об.; Д. 151. Л. 41; Д. 154. Л. 51; Д. 526. Л. 83, 85, 86; Д. 540. Л. 76, 80–83.
26. ГАРФ. Ф. Р-9517. Оп. 1. Д. 26. Л. 4.
27. Таблица составлена по данным: ГАРФ. Ф. Р-9517. Оп. 1. Д. 26. Л. 30; ЦДНИОО Ф. 371. Оп. 7. Д. 25. Л. 35, 36; Д. 421. Л. 38; Д. 467. Л. 35; Д. 498. Л. 81; Ф. 1455. Оп. 5. Д. 5. Л. 32; Оп. 7. 50. Л. 20 об., 61.
28. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 25. Л. 35, 36.
29. Там же. Л. 35.
30. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 50. Л. 9.
31. Там же.
32. Там же.
33. Там же. Л. 36.
34. Там же. Л. 41.
35. Там же. Д. 25. Л. 33.
36. Там же.
37. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 526. Л. 83.

Лутцев М. В. (Оренбург)

РОССИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ЦИВИЛИЗАТОР ИЛИ КОЛОНИЗАТОР?

Прошло уже более 20 лет после распада великой евроазиатской империи – СССР, а споры о том, чем же он был: «тюрьмой народов» либо «союзом нерушимым республик свободных» не утихают до сих пор. Столь же остро стоит вопрос и о роли в нем России, а именно: кем же она была? Осуществляла ли она полноценную колониальную экспансию, подобно западным странам, или разрасталась «вширь», защищаясь и обороняясь от агрессивных соседей. Была сама узником собственной империи или тюремщиком других народов? Иными словами, была она колонизатором, поработавшим другие народы, или цивилизатором, приобретавшим народы менее развитые к благам современной цивилизации.

Одним из направлений, по которому Россия разрасталась вширь, стало направление на юго-восток в сторону Казахстана и Центральной Азии.

Исследуя колониальную политику России, Г. П. Федотов писал: «Ценой эксплуатации и угнетения Россия несла в дикий или варварский мир семена высшей культуры. Издеваться над ним смеет только тот, кто исключает сам себя из наследия эллинистического мира. ... На Востоке, при всей грубости русского управления, культурная миссия России бесспорна. ... В странах ислама, привыкших к деспотизму местных эмиров и ханов, русские самодуры и взяточники были не страшны. В России никого не сажали на кол, как сажали в Хиве и Бухаре. В самих приемах русской власти, в ее патриархальном деспотизме, было нечто родственное государственной школе Востока, но смягченное, гуманизированное. И у русских не было того высокомерного сознания высшей расы, которое губило плоды просвещенной и гуманной английской администрации в Индии, русские не только легко общались, но и сливались кровью со своими подданными, открывая их аристократии доступ к военной и административной карьере»¹.

Действительно, на Востоке, в т. ч. и Средней Азии (геополитически к ней можно отнести и Казахстан) русская колонизация действительно проходила по иному сценарию, чем на Западе. Военная сила при подчинении Казахстана и Туркестана применялась чаще и в более жестокой форме. М. П. Черняев, К. П. Кауфман и особенно М. Д. Скобелев в войнах с «туземцами» особенно не миндальничали. После завершения завоевания было безжалостно подавлено сопротивление местного туземного населения. Все должны были видеть силу новой власти, ни у кого не должно было возникнуть сомнений в том, кто есть хозяин. Покоренный как мирным путем, так и силой, Туркестан так и не был замирен окончательно и восставал часто, вплоть до Первой мировой войны. Это были обычные колониальные войны, аналогичные колониальным войнам, которые вели Испания, Португалия, Англия, Франция, Голландия, Германия, США в т. н. «период первоначального накопления капитала», с XVI по XX век.

Вместе с тем, завоевательная политика России, в отличие от аналогичной политики западных держав имела некоторые особенности. Особенности это проявились, во-первых – в масштабах жестокости русских «колонизаторов» по отношению к «туземцам», во-вторых – в том, что сила применялась ими лишь в случае необходимости, как ответная мера на насилие со стороны этих самых «туземцев». Подчи-

нение и «замирение» Туркестана Кауфманом, Черняевым, Скобелевым, Веревкиным, при всей своей жестокости, было отнюдь не более жестоким, чем действия англичан в Индии, французов в Алжире или американцев на «Диком Западе».

Да и могла ли Россия вести себя иначе?

Покорение Туркестана, так же как присоединение Поволжья, Сибири, Кавказскую войну ее недоброжелатели (на Западе, в самих центральноазиатских республиках, да и «либералы» в самой России) часто ставят в упрек России, обвиняя ее в жестокости и колониальной экспансии. Но при более тщательном рассмотрении это утверждение выглядит весьма сомнительно.

Вхождение Среднеазиатского региона в состав России началось еще в XVIII в., когда о намерении принять русское подданство заявили ханы Младшего и Среднего Казахских жузов. Причины для этого у них были весьма серьезные.

Во-первых, военно-политическая. Она была вызвана реальной угрозой со стороны монголоязычных ойратов (джунгар), которые нападали на казахов, угоняли скот, грабили и убивали при малейшем сопротивлении. Физическое уничтожение проводилось, чтобы не дать врагу восполнить понесенные потери. Это был качественно иной тип войны – степной, резко отличный по своей сути от тех войн, которые велись между странами Запада. В европейской (и средневековой и Новой) истории, при всей ее жестокости, целенаправленные массовые истребления мирного населения действительно отсутствуют. Резня и массовые убийства мирного населения во время многочисленных войн в Европе (и феодальной, и эпохи первоначального накопления капитала) конечно, имели место, но европейские правители даже в минуты сильнейшего военного гнева прекрасно понимали, что мирное население – это потенциальная зависимая рабочая сила, а ее физическое истребление есть ненужная, немотивированная жестокость, способная нанести невосполнимый урон, прежде всего, самому себе. Этим «европейская» война качественно отличается от войн на Востоке, особенно кочевом, где завоеватели уже после победы и захвата территории вырезали своих противников подчистую.

Причина здесь в следующем. Обычай и навыки войны на Востоке, особенно кочевом, где широкое распространение имел обычай кровной мести, войны, прежде всего, за территории пастбищ, предусматривали тотальное, до последнего человека (чтобы не осталось мстителя) истребление племени или народа-соперника. И кочевые феода-

лы, воспитанные в этих традициях, выжившие и пришедшие к власти, переносили эти традиции истребительной войны на уничтожение на всех своих противников. Был в этом и определенный элемент психологической войны: любое сопротивление карается неминуемой смертью, лучше покориться сразу и безропотно. Неудивительно, что принятие русского подданства казахскими ханами было мерой вынужденной или, по меньшей мере, меньшим из зол.

Были для этого также и экономические причины. В страшные годы бескормицы и массового падежа скота русское зерно и мука становились серьезным подспорьем в жизни казахов-кочевников. В благополучные же годы казахи-скотоводы имели в России гарантированный рынок сбыта животноводческой продукции. Так что выгода была очевидной и обоюдной.

Вхождение казахских жузов в состав России было действительно добровольным. Добровольность вхождения во многом определялось тем, что подданство это было чисто формальным: казахи жили по своим законам (вернее обычаям), в их внутреннюю жизнь русская администрация до поры до времени не вмешивалась.

Вмешательства начались позже, когда Россия вновь впрямую столкнулась с реалиями кочевого мира, подобными тому, что было в предшествующие века, на своих юго-восточных, степных границах. Основным типом экономики для кочевников было экстенсивное скотоводство, а оно не всегда могло обеспечить их всем необходимым. Отсюда с давних времен выработался и другой, весьма специфический для кочевых регионов «тип экономики» – набеги. Этот «тип экономики» породил и особенности кочевого общества, никем не контролируемого, живущего не по закону, а по родовым обычаям, военизированного, в котором каждый мужчина был воином: жестоким, агрессивным, равнодушным к страданиям и своим и чужим. Набеги с последствиями – разбоем и грабежом соседей, угоном скота, похищением и продажей в рабство людей стали реальной обыденностью жизни некоторых кочевых сообществ. Объектом же набегов, как правило, становились те, кто вел более эффективное хозяйство, был богаче, с кого можно было «получить» побольше, т. е. с русских поселенцев, успешно осваивавших плодородные земли Поволжья, Приуралья и Южной Сибири. Нападения на русские поселения никем не контролируемых шаек степных разбойников, людокрадов-работорговцев с целью похищения людей и продажи их в рабство в среднеазиатские ханства вновь, как и раньше, стали обыденностью русского юго-вос-

точного пограничья. Примешивался и религиозный фактор – для мусульман-неофитов, каковыми были кочевники, грабеж и насилие в отношении «неверных» не только не считались чем-то предосудительным, но напротив, делом весьма достойным мужчины и воина. И примечательно, что многие «официальные» казахские власти – султаны и прочие не только не сдерживали этих действий, но и негласно поддерживали их, покровительствуя разбойникам, давая им на своей территории убежище (и получая от них свою долю прибыли от работорговли). Выступить против «своих», поддержать «неверных» – значило навлечь на себя неприятности со стороны своих соотечественников. Принцип «кто прав – кто виноват» подменялся на принцип «свой – чужой».

Защитить от смерти, грабежа, пленения и продажи в рабство своих «старых» и «новых» подданных есть дело чести любого уважающего себя государства. Ответ насилием на насилие, кровью на кровь – только такой язык понимали кочевники. У России не осталось никакого выхода, кроме как начать действовать силой, громя и подавляя агрессивные кочевые сообщества, а заодно и «цивилизуя» казахскую территорию путем строительства крепостей, привлечения к сотрудничеству «лояльных» казахов, упразднения работорговли, упорядочения сбора налогов, а заодно и ограничивая власть султанов и родовых вождей в пользу русской администрации. Вот это властителям степи уже не понравилось. Мятежи против Империи Срыма Датова, Кенесары Касымова и других менее известных степных владык были явлением закономерным. Столь же закономерным было и их поражение, вызванное не только техническим превосходством Империи, но и тем, что большая часть казахов их не поддержала, оставшись в стороне. Вслед за подавлением мятежей, Россия идет в глубь степи, присоединяя к своим владениям и Старший жуз. Впрочем, даже после силового подавления мятежа Империя сохранила за казахскими территориями значительную часть прежних прав и привилегий, заодно предоставив желающим казахам возможность интегрироваться в русское общество. И таковые желающие нашлись: казахи-добровольцы на равных с другими нерусскими подразделениями участвовали в войне с Наполеоном, офицер и ученый Чокан Валиханов, поэт Абай Кунанбаев оставаясь казахами, внесли вклад в развитие не только казахской, но и русской имперской культуры. Таковых примеров немало.

Присоединение Казахстана и «замирение» непокорных позволили задуматься и о присоединении Средней Азии. Здесь, в отличие

от Казахстана причины были иными. Под покровительство России различные племена и феодальные образования «туземцев» Центральной Азии (Хива, Бухара, Коканд) не просились. Экономических причин для колониальной экспансии также не было: хлопок – главный товар, который могли бы предложить среднеазиатские ханства для растущей русской текстильной промышленности, в необходимых количествах еще не выращивался, да и главным поставщиком его в Россию были южные штаты США.

Причины были следующими: именно среднеазиатские ханства, феодальные государства с богатейшей древней культурой, но при этом крайне отсталые и примитивные, были главными заказчиками и потребителями рабов, захватываемых казахами и туркменами на русских территориях. Отношения же к работорговцам и рабовладельцам в России со времен Ивана Грозного было известным: разговор с ними был коротким. Их следовало только подавлять силой. Кроме того, в Средней Азии активизировалась деятельность и главного конкурента России в колониальных делах на Востоке – Англии. Увидеть же английские гарнизоны под Оренбургом, Уральском, Омском – это уж слишком. Поэтому Россия и вынуждена была начать наступление. Причем, как военное, так и мирное.

При покорении некоторых наиболее агрессивных племен, они опирались на поддержку других племен и родов, более лояльных к России. Скобелев, например, в борьбе с самыми воинственным туркменским племенем – текинцами, опирался на поддержку не только казахских, но и ряда туркменских племен. И причины этой поддержки со стороны местного населения были. Американский журналист Мак-Гахан, сопровождавший отряд Скобелева при штурме Геок-тепе, обвинял русских в чрезмерной жестокости. Но вместе с тем, сколь бы жестко не поступала российская власть в отношении «туземцев», она не допускала против них действий, подобных действиям, например американских генералов и офицеров. Ее колониальные «подвиги» не идут ни в какое сравнение, например с действиями американских генералов Э. Джексона, истребившего во Флориде треть многочисленного племени семинолов², Чайвингтона и Армстронга, практически полностью уничтоживших племя чейеннов³, да и других, более мелких и не столь известных «пионеров» т. н. «Дикого Запада», истреблявших американских аборигенов целыми племенами. Большинство городов Средней Азии были взяты либо после коротких осад и штурмов, либо вообще без боя. Так что сопротивление русской колониаль-

ной экспансии со стороны местного населения Средней Азии было незначительным, а ее военные потери – весьма скромными (более даже от непривычного климата, чем военные).

Характерной чертой российского колониального правления являлось еще и то, что российская власть в глазах нерусского населения на Востоке, после присоединения (мирного или военного) их территории к России, стремилась выглядеть как можно более привлекательной. Революционер С. М. Степняк-Кравчинский писал: «Сразу после завоевания или мирного присоединения края русское управление представляется в самом выгодном свете. Устанавливается порядок, исчезает рабство и расовая дискриминация, вводятся равные законы для всех, и уважение к ним достигается строгостью, умеряемой справедливостью. Управлять вновь приобретенными краями были посланы лучшие люди империи, такие, как граф Перовский, Черняев, Кауфман, у которых честолюбие сильнее, чем алчность»⁴.

Действительно, русская администрация, после присоединения к России новых регионов, полностью сохраняет местное самоуправление, упраздняя лишь чуждое, враждебное, то, что враждебно мешает ее эффективной работе. Центральноазиатские регионы управляются на основе ранее действовавших местных обычаев и даже шариатского права. Государства же ставшие вассалами России – Хива и Бухара вообще сохранили все атрибуты государственности, кроме права на самостоятельное ведение внешней политики. Все регионы, вошедшие в состав России, продолжали обычную жизнь, сложившуюся задолго до этого присоединения. Иными словами, в нерусском населении России власть видела таких же подданных, как и коренных русских, наделяла их правами и накладывала на них обязанности (последние, причем были намного меньшими, чем обязанности «коренных» русских). Представители местной элиты привлекались к сотрудничеству. Лорд Керзон, вице-король Индии, посетив Среднюю Азию в 80-е годы XIX века, писал: «Россия, бесспорно, обладает замечательным даром добиваться верности и службы тех, кого она подчинила силой. Я вспоминаю церемонию встречи царя в Баку, на которой присутствовали четыре хана из Мерва в русской военной форме. Это всего лишь случайная иллюстрация последовательно проводимой Россией линии. Хань были посланы в Петербург, чтобы их удивить и восхитить, и покрыты орденами и медалями, чтобы удовлетворить их тщеславие. По возвращении их восстановили в прежних правах, даже расширив их. Англичане никогда не были способны так использовать своих не-

давних врагов»⁵. При этом на территории Туркестанского генерал-губернаторства появились «блага цивилизации» – атрибуты современной на тот период жизни: железные дороги, промышленные предприятия, учреждения образования и здравоохранения, пользоваться которыми могли и «туземцы». Отсюда и восстания против русских властей в нерусских регионах были достаточно редки.

Разумеется, представить Российскую империю в идиллическом виде, как общий дом для всех ее народов было бы неверным. Нельзя отрицать, что пресловутый «национальный вопрос» в России возникал не раз и далеко не всегда он разрешался мирным путем. В 1922 г. основатель Советского государства, первый председатель Советского Правительства В. И. Ленин, говоря о взаимоотношениях «большой» (русской) нации с нациями «меньшими» писал: «Мы, националы большой нации, оказываемся виноватыми в бесконечном количестве насилий, и даже больше того – незаметно для себя совершаем бесконечное количество насилия и оскорблений»⁶. Он имел в виду войны, которые вели русские войска в XIX в на Кавказе, однако это частично справедливо и для Центральной Азии.

Частично Ленин был прав. Когда рвавшиеся к власти большевики для завоевания авторитета среди нерусских народностей России провозгласили «право наций на самоопределение», элиты многих народов России восприняли это как сигнал к действию. Центробежные тенденции взяли верх, и некоторые национальные окраины объявили о выходе из состава России (в т. ч. и Центральная Азия). Именно поддержка национальностей в немалой степени помогла победе большевиков над белыми, многие из которых выступали с лозунгом «Единой и неделимой России». Однако, достаточно окрепнув, большевики, подавив национальный сепаратизм («алашистов» в Казахстане, басмачество в Средней Азии), вновь объединили (в том числе и силой) большинство частей бывшей Российской империи.

Созданное большевиками новое государство объявило о полном разрыве с прежней политикой Российской империи. В первые годы советской власти Российская империя объявлялась агрессором и колонизатором, силой подчинявшей «свободолюбивые народы» Казахстана и Средней Азии. Силы же противостоявшие ей (в т. ч. мятежники-феодалы, боровшиеся за свои старые привилегии и обычные разбойники) объявлялись «прогрессивными борцами с царизмом». Правда, в сталинский период отношение к колонизационной политике царской России меняется: она по-прежнему считается злом, но те-

перь уже злом относительным. Наряду с «порабощением» народов Центральной Азии говорится также и о прогрессивном значении их вхождения в состав России.

Своей идеологией советское руководство провозгласило «пролетарский интернационализм» и «дружбу народов». За ширмой красивых деклараций о «союзе нерушимом республик свободных», сплоченных «великой Русью», происходило то, что из России и двух других восточнославянских республик – Белоруссии и Украины, самых развитых в СССР, бывших становым экономическим и политическим хребтом государства, изымались средства на дотации для развития других национальных «братских» республик. В результате, в СССР одновременно наблюдались две противоречивые тенденции. С одной стороны, великолепно восстановленные после землетрясений Ташкент и Ашхабад, товарное изобилие на национальных окраинах. С другой – существовали пустеющие и вымирающие села российского Нечерноземья, товарный голод и дефицит всего и вся в Поволжье, Урале, Центральном регионе. Особенно это стало заметно в т. н. «брежневский» период существования СССР. Все это порождало закономерное недовольство населения «коренной», «русской» России.

Этим проблемы не ограничивались. В советский период, особенно с 30–40-х гг. начала складываться практика репрессий по отношению к некоторым народам, в том числе и их насильственного переселения. В годы Великой Отечественной войны в Казахстан и Среднюю Азию из родных мест было выселены чеченцы, ингуши, карачаевцы, калмыки, балкарцы, крымские татары, поволжские немцы и другие. Жестокость этих действий преподносилась отечественной пропагандой как ответ на сотрудничество депортированных народов с немецкими войсками. Все это отнюдь не способствовало укреплению дружбы между народами СССР, что, впрочем, заглушалось демагогическими декларациями советского руководства о СССР как «семье братских народов», живущих в мире и согласии.

Распад СССР кардинально изменил ситуацию на всем постсоветском пространстве. К власти в национальных республиках пришли национальные элиты. Образованные ими этнократические кланы объявили о разрыве прежних отношений с Россией и намерении строить национальные государства с привилегированным положением т. н. «титульной» нации или вообще «этнически чистых». Русские же и т. н. «русскоязычные» в ряде этих молодых государств из «старшего брата» сразу превратились в изгоев, людей второго сорта, «неграж-

дан», оккупантов и т. д. Их сразу стали выдавливать из этих стран в Россию, причем формы этого давления были самыми различными: от ущемления русской культуры, образования на русском языке, запрета русского языка как языка национального общения, блокирования поступления русских и «русскоязычных» на некоторые должности в государственной службе в пользу граждан т. н. «коренной» национальности (Казахстан, Узбекистан, Туркменистан) до прямой физической расправы (как это было в охваченном гражданской войной Таджикистане).

Началось и переписывание общей истории. В Туркмении, например, генерала М. Д. Скобелева, которого в России считают героем и выдающимся полководцем, объявили «царским сатрапом и палачом». В Казахстане национальными героями были объявлены «борцы с русским колониализмом» С. Датов и К. Касымов, им поставлены памятники. В Киргизии и «историки», и экс-президент Киргизии А. Акаев пели дифирамбы киргизской датке (царице) Курманджан, которая благодаря своему дипломатическому искусству якобы, спасла киргизский народ от массового истребления со стороны Скобелева⁷.

Распад СССР повлек за собой и возникновение на «постсоветском пространстве» разнообразных этнополитических конфликтов, обусловленных стремлением пришедших к власти в некоторых странах этнических элит укрепить свое политическое положение в стране за счет притеснения других народов и ущемления их прав, как это происходит, в том числе, и в центральноазиатских государствах.

Между тем, построение т. н. «этнически чистых» государств, роста благосостояния его гражданам (кроме, разумеется, элиты) отнюдь не дало. Напротив, ряд этих стран, под предлогом «укрепления национальной независимости» и «поиска идентичности» по многим параметрам (политическим, экономическим, социальным) скатились на уровень средневековья. В результате выдавливания русского (и русскоязычного) населения, как правило, самого образованного и экономически активного, и разрыва отношений с Россией в ряде их экономическая и социальная ситуация значительно ухудшилась. Бедность и безработица толкали и толкают жителей государств Центральной Азии на заработки в другие страны, среди которых основное место занимает, разумеется, Россия, всегда испытывавшая недостаток рабочих рук, прежде всего, в мегаполисах и крупных городах. Трудовые мигранты работают, как правило, в сферах, которые «коренные» рос-

сияне в силу ряда экономических и социальных причин занимать не спешат. В некоторой степени это позволяет решить проблему рабочих рук. Но вместе с тем, этнические «трудовые мигранты» наряду с несомненной пользой для российской экономики создали немало негативных явлений: отсутствие налоговых поступлений с доходов мигрантов, неконтролируемый вывод за рубеж денежных средств, этническую преступность, распространение инфекционных заболеваний и целый комплекс других проблем. Наибольшую же опасность для России со стороны ее бывших центральноазиатских соседей по СССР представляют наркотрафик из Афганистана, провоз антироссийской экстремистской литературы, оружия, а также терроризм, религиозный экстремизм, разведывательная и подрывная деятельность граждан Средней Азии в ряде российских (прежде всего – мусульманских) регионов. Нередко, трудовые мигранты, приезжающие в Россию, не желают подчиняться устоявшимся условиям существования, требуют от российского общества особого положения и возможности жить по своим правилам, вызывающим у россиян в лучшем случае недоумение. Сколько сегодня в России мигрантов из Центральной Азии не знают даже самые компетентные органы – ФМС, ФСБ, МВД. Все это не может не раздражать коренное население, что находит выражение, в том числе и в актах насилия по отношению к мигрантам, которых уже не воспринимают как «своих», т. е. вышедших из советской системы.

Неудивительно, что миграционная политика российских властей в последнее время начала меняться. Желание навести в этой сфере порядок и если не полностью прекратить поток мигрантов, то хотя бы поставить его под контроль, разрешив въезд в Россию только тем, кто действительно будет востребован, вызывает ее поддержку со стороны населения (явление, заметим, нечасто встречающееся в реалиях российской действительности). К этому толкает и негативный пример Европы, в которой провалилась ранее широко пропагандируемая политика «мультикультурализма», а отношения между «коренными» европейцами и мигрантами, и без того не идеальные, все более обостряются.

Сегодня хочется надеяться, что самое худшее уже позади. Центробежные тенденции постепенно сменяются сближением позиций постсоветских республик по многим позициям, прежде всего, в сфере создания единого экономического пространства, Таможенного и Евразийского союзов. Россия в этом интеграционном процессе самой

историей определено играть определяющую роль. В связи с этим чрезвычайно полезно не отбрасывать опыт прошлого, а опираться на него, объективно оценивая его негативные и позитивные стороны. Опыт сравнительно мирного сосуществования различных народов в составе Российского государства на различных этапах его истории при строительстве новой России может быть бесценен. Очевидно, что СССР не вернуть, но цивилизованные и взаимовыгодные отношения между его бывшими союзными республиками вполне возможны. Но в первую очередь, России следует думать о защите собственных национальных интересов, заботиться жизни и безопасности своих граждан.

Примечания:

1. Федотов Г. П. Судьба и грехи России... Т. 2. – М.: Мысль, 1991. – С. 319.
2. Стингл М. Индейцы без томагавков. – М.: Прогресс, 1978. – С. 332.
3. Там же. – С. 337.
4. Степняк-Кравчинский С. М. В Лондонской эмиграции. – М.: Политиздат, 1968. – С. 137.
5. Цит. по: Нестеров Ф. Ф. Связь времен. Опыт исторической публицистики. – М.: Молодая гвардия, 1984. – С. 108.
6. Ленин В. И. Полное собрание сочинений (5-е изд.). Т. 45. – М.: Политиздат, 1970. – С. 359.
7. Акаев А. Чудесный оазис древнего шелкового пути // Независимая газета. – 2000. – 30 сентября.

Смирнова А. Б. (Оренбург)

**СРЕДНЯЯ АЗИЯ И РОССИЯ:
К ВОПРОСУ О ВЗАИМОВЛИЯНИИ**

Народы Средней Азии имеют богатое культурное наследие, уходящее своими корнями в далекое прошлое. Получили всемирную известность памятники материальной и духовной культуры, архитектурные сооружения, древние рукописи, скульптурные изображения, стенные росписи, найденные на территории Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана.

Большое влияние на социально-экономическую жизнь народов Средней Азии оказало присоединение к России. Этот регион стал сырьевой базой для развития российской промышленности, а народы Средней Азии получили доступ к ценностям европейской культуры и, прежде всего, русским традициям.

Не стоит забывать и о туризме. Большая часть туристских мероприятий двадцатого века содержала элементы экологических туров. «Это и кратковременные, приуроченные к выходным дням, поездки относительно небольших групп отдыхающих на территории, расположенные в непосредственной близости от больших городов, и многодневные путешествия по территории страны»¹. Граждане не только знакомились с природой, но и с культурой и бытом народов России.

Новые независимые государства Средней Азии возникли «на развалинах» бывшего СССР, унаследовав как его достижения, так и проблемы. Примером служит Республика Узбекистан. После распада СССР возникла потребность возрождения культурного наследия, созданного предками-узбеками в течение многих веков. Можно выделить некоторые особенности формирования узбекской культуры:

1. Дифференцированный подход к возрождаемому наследию;
2. Необходимость возвращения к духовным истокам народа, его корням;
3. Выбор наиболее важных, культурологически и этически значимых достижений национальной культуры, обогащающих общечеловеческие ценности, отвечающих требованиям гуманизма и обновления нашего общества;
4. Широкие международные связи, приобщение к общечеловеческим ценностям, национальной и современной культуре².

Обратим внимание на высказывание президента Узбекистана И. Каримова: «Особое внимание должно быть уделено возрождению самобытности национальной культуры. Причем, возрождение национального самосознания не может быть оторвано от идеалов мировой гуманистической культуры и общего возрождения общества»³.

Развитие духовной культуры народов Средней Азии, прогресс в общественной жизни оказали влияние на изменения в экономической, политической и социальной сферах, произошедших после присоединения огромного региона к России. В литературе конца XIX – начала XX вв. наблюдались демократические и материалистические мотивы. На первое место в устном народном творчестве выдвинулись такие ценности, как ум, трудолюбие, вежливость и доброта. Кроме того, как и в любом фольклоре, преобладали оптимистические отношения к любви, жизни, прекрасному⁴.

Образование народов Средней Азии тесно связано с народными традициями и обычаями. Уровень грамотности был довольно низким. Чтобы найти человека, умеющего читать элементарный текст,

необходимо было обойти 5–6 аулов. Образование в регионе зародилось фактически на рубеже XIX–XX вв., когда здесь появились первые русско-туземные школы с новыми методами обучения, в которых наряду с изучением основ религии преподавались светские науки. До возникновения этих школ единственным видом учебных заведений были профессиональные школы, которые разделялись на мактабы и медресе⁵.

Центрами общественной и политической жизни в Средней Азии являлись города, в которых проживало как местное, так и русское население. Например, город Ташкент был административным центром Туркестанского края и краевым центром просвещения и культуры.

Испокон веков местное население в случае болезни пользовалось услугами лекарей «табибов». Средствами профилактики являлись различные амулеты «тумары», которым приписывались определенные свойства. После присоединения Средней Азии к России началось развитие медицины.

В процессе исторического развития Средней Азии под влиянием русской культуры ослабевало влияние религиозных фанатиков. Отмечался неуклонный рост влияния русского языка, особенно в связи с увеличением притока переселенцев из центральных районов страны.

С присоединением Средней Азии к России началось интенсивное изучение края, затронувшее все отрасли знаний. Особенно развивалась наука в таких областях, как история, этнография, география. В это время на территории Средней Азии исследовались ледники и водные ресурсы, природные богатства, флора и фауна, собирались археологические и этнографические данные. Глубокому изучению были подвергнуты письменные, исторические и культурные памятники народов Средней Азии.

Таким образом, присоединение Средней Азии к России оказало влияние на развитие региона. Началось изучение края, становление образования и медицины.

Примечания:

1. Перспективы развития экологического туризма [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-59831.html?page=6>

2. Раздел III. История отечественной культуры. Лекция 17. Культурно-историческое наследие народов Средней Азии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://library.tuit.uz/skanir_knigi/book/Kulturologiya/Glava4.htm

2. Там же.

4. Айтбаев М. Т. Историко-культурные связи киргизского и русского народов. – Ф.: АН Киргизской ССР, 1957 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dony.ru/book/160301-istoriko-kulturnye-svyazi-kirgizskogo-i-russkogo-narodov.html>

5. Развитие культуры народов Центральной Азии во второй половине XIX – начале XX века [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://referatwork.ru/refs/source/ref-53877.html>

Дубовицкий В. В. (Душанбе, Таджикистан)

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТАДЖИКСКОЙ ДИАСПОРЫ В ПОВОЛЖЬЕ И НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

Реалии современного мира неразрывно связаны с небывалой до сих пор мобильностью населения нашей планеты. Глобальные политические процессы, а также огромные технические возможности человечества, появившиеся у него в XX–XXI вв., сделали обыденными интенсивные миграционные процессы, по сравнению с которыми бледнеют «великие переселения народов» на рубеже Новой эры. На просторах СНГ миграция населения приобрела наиболее массовый характер после распада СССР: практически во всех странах Содружества оказались многочисленные этнические группы, проживающие здесь наряду с титульной нацией. Во всех них, благодаря национальной и культурной самоидентификации, происходит интенсивный процесс создания общественных организаций, представляющих их права в стране проживания. Другими словами идет интенсивный процесс формирования диаспор.

На наш взгляд, наиболее точной и всеобъемлющей из всех ныне существующих характеристик этой социальной структуры является следующая: «диаспора определяется как часть народа (этнической общности), проживающая вне страны его происхождения, имеющая общие этнические корни и духовные ценности». Таким образом, диаспора – это этнокультурный и этнополитический феномен, обладающий рядом признаков. Это совокупность этнических групп, проживающих за пределами «титульного» государства, для которых характерны: а) множественная этническая самоидентификация, предполагающая наличие этнокультурной связи и со страной проживания и с этнической родиной; б) существование институтов, призванных обеспе-

чить сохранение и развитие диаспоры, в т. ч. международного характера; в) наличие стратегии взаимодействия с государственными институтами, как страны проживания, так и т. н. «титulyного государства».

Возникновение так называемых новых диаспор в XX в. было обусловлено распадом государственных образований, переделом границ, ростом миграционных потоков. Необходимо отметить глобальный характер этих процессов, получивших распространение практически во всех странах мира.

Специфическими чертами в формировании диаспор нового зарубежья в СНГ являются следующие аспекты:

Первое. Диаспоры состоят из нескольких волн, каждая из которых имеет свои особенности и существует практически изолированно от другой. К *первой* относятся представители титульных наций бывших республик СССР, проживавших на территории РСФСР в «доперестроечный» период. Большая часть их и их потомков, относя себя к категории коренных жителей, адаптирована в правовом и социально-экономическом плане, нередко занимает влиятельные позиции в деловой и культурной сферах. Далеко не все представители данной категории отождествляют себя с народом, к которому их можно отнести по признаку этнического происхождения.

Спецификой *второй волны* миграции представителей республик бывшего СССР является крайняя пестрота их социально-экономических, правовых характеристик, политических ориентаций, мотивов миграции. Большинство представителей второй волны составляют люди с неопределенным гражданским статусом, не имеющие определенного занятия, а нередко и жительства. Создаваемые ими объединения носят, как правило, характер адаптационных центров, национальный признак нередко играет номинальную роль. Нередко, не входя в зарегистрированные национально-культурные объединения, представители второй волны активно участвуют в лоббировании экономических и политических интересов исторической родины, либо отдельных этнотерриториальных, племенных или родовых (клановых) групп.

Второе. Отмечается сращивание организаций, объединенных по этническому признаку, с преступными группами, которые становятся источником финансирования деятельности национально-культурных формирований. Этот процесс часто приводит к политизации организаций.

Третье. Политика лоббирования со стороны национально-культурных объединений осуществляется как в пользу создания оптимальных условий для сохранения этнической и культурной самобытности, так и в пользу укрепления политических, экономических позиций тех кругов с их исторической родиной, на взаимодействие с которыми ориентируются представители диаспоры. Последний аспект наиболее характерен для казахской, украинской и закавказских диаспор¹.

Таджикский этнос сформировался на территории Среднего Востока² в период раннего Средневековья из ираноязычных этнических компонентов, проживавших на этой территории (согдийцы, бактрийцы, хорезмийцы, саки). Впервые упоминание этнонима «таджик» относится к IX в. н. э. К этому же времени относится и возникновение первого феодального государства с правящей таджикской династией Саманидов (819–1005 г. н. э). Точные границы расселения таджиков в Средневековье до сих пор точно не выяснены, но можно с уверенностью утверждать, что таджикское население является автохтонным населением регионов, известным арабам как Мавераннахр и Хорасан, проживавшим на большей части территории современных Таджикистана, Узбекистана, Туркменистана, Кыргызстана, Южного Казахстана, Афганистана, Ирана, северо-западного Китая (Кашгарии или Синьцзяна)³.

До распада СССР в декабре 1991 г. число таджиков, проживающих на территории РСФСР, было крайне незначительно и объяснялось, в основном, смешанными браками. Интенсивный процесс формирования таджикской диаспоры в РФ начался летом – осенью 1992 г. в связи с началом гражданской войны в РТ (1992–1997 гг.). Именно в этот период начинается интенсивный выезд из страны таджиков, проживавших в районах боевых действий: Вахшской и Гиссарской долинах; Каратегинской зоне (ныне – Рашт), а также в столице страны – г. Душанбе.

Выезд таджиков в Россию приобретает массовый характер в октябре-ноябре 1992 г. по мере поражений незаконных военных формирований (НВФ) Партии исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ), Демократической партии Таджикистана (ДПТ), движения «Растохез» и «Лали Бадахшон».

Таким образом, складываются три первоначальных центра таджикской миграции, носящей в этот период политический характер: Москва, Санкт-Петербург и Новосибирск. С названными городами в эти годы существовала регулярная авиационная связь из Таджики-

стана, в том числе, самолетами ИЛ-76 транспортной авиации МО РФ и Погранвойск России (перевозившими и гражданских пассажиров за меньшие, чем самолеты гражданской авиации, суммы и не подверженных контролю со стороны таджикских властей). Выезд из страны для гражданского населения иными видами транспорта, в том числе и железнодорожным, был невозможен из-за блокады ж/д и автодорог в районе Гиссара и Регара (ныне – г. Турсунзаде) силами Народного фронта и властями Узбекистана.

Большинство таджикских мигрантов этого периода имели случайные заработки и испытывали большие трудности в социальной адаптации в российских городах. Данный фактор способствовал национальной, а точнее – этнотерриториальной консолидации в местах проживания.

На формирование таджикской миграции в РФ большое влияние оказывает институт двойного гражданства, принятый между двумя странами⁴.

На территории Российской Федерации с начала 1990-х гг. сформировались следующие основные центры проживания диаспоры: Москва и Московская область, Петербург, Екатеринбург, Новосибирск, Волгоград, Тольятти, Казань. Первичными среди них стали города с облегченным для мигрантов транспортным сообщением. В частности, г. Волгоград стал доступен с начала 1993 г. в связи с открытием железной дороги, ранее блокированной в районе Гиссара, и ослаблением контроля за составом отъезжающих со стороны новых таджикских, а также узбекских властей на границе.

Что касается численности таджикской трудовой миграции, то она только в период 2005–2008 гг. выросла в 7,4 раза (с 52,6 тыс. до 391,4 тыс.).

Азиатским банком развития (АБР) в 2007 г. объем трудовой эмиграции из Таджикистана оценивается в 700 тыс. человек. По данным Миграционной службы МВД Таджикистана, в том же году только на территории Российской Федерации находилось более 500 тыс. таджикских трудовых мигрантов. По сообщению Федеральной миграционной службы РФ в 2008 г. в России находился 1 млн. граждан Таджикистана. Вместе с тем, численность таджиков в Российской Федерации по переписи населения в 2010 г. составила всего 200303 человека⁵.

По оценке 2011 г., Таджикистан по объему денежных переводов среди стран СНГ занимал второе место, вслед за Узбекистаном⁶.

По данным официальных органов Республики Таджикистан, сумма банковских переводов в 2012 г. составила 3,5 млрд. долларов США; однако, по оценкам независимых экспертов, эта сумма может быть увеличена примерно в три раза из-за ввоза наличных денег при возвращении мигранта на родину, купленных с собой товаров, а также за счет неучтенных переводов системы «хавала», действующих в мусульманском мире.

По данным посольства РТ в РФ, генеральных консульств Таджикистана на территории Российской Федерации, а также исследовательских и социологических центров России и Таджикистана, наиболее привлекательной территорией для таджикских мигрантов в Российской Федерации является Московская агломерация (49 %). Сибирский Федеральный округ – вторая (после Москвы) по значимости территория приема мигрантов из Таджикистана (14 %). Несколько меньше мигрантов притягивает Урал (11 %) и Приволжский федеральный округ (10 %).

Таджикская диаспора в областях Приволжского и Уральского федеральных округов распределяется следующим образом:

Оренбургская область. Упоминание о постоянно проживающих в Оренбуржье выходцах из Средней Азии встречаются у русских авторов XIX в. По их сведениям, на территории Южного Урала к моменту ее вхождения в состав Оренбургского края в первой трети XVIII в. уже проживала значительная среднеазиатская диаспора: «Бежали сюда крестьяне, солдаты, церковники; бегали школьники, не выносившие суровой дисциплины; бегали раскольники, не желавшие платить двойного подушного оклада и боявшиеся преследования за свои убеждения, – словом бегали все которым становилось жутко и тесно на родине... Здесь же находили себе приют и выходцы из киргизского плена, Туркестана, Бухары, Хивы и других мест, чему служат подтверждением и некоторые башкирские предания. Эти выходцы – пленники представляли собой самую разнообразную смесь национальностей. То были: персияне, аравитяне, турки, каракалпаки, армяне, бухарцы, хивинцы, кубанцы, узбеки и Бадахшанцы некоторые из них приняли крещение и составили несколько родов или волостей... Выходцы из Бухары и Хивы, называвшиеся в 1730 г. «служилыми тазиками», впоследствии слились с башкирами»⁷.

Документы Оренбургской пограничной комиссии, относящиеся к XVII – первой половине XIX в., также содержат богатый материал о постоянно проживавших в Оренбургском генерал-губернатор-

стве бухарцах, хивинцах, выходцах их других государств Средней Азии, в том числе и принятии их в подданство России, их активном участии в общественной жизни края⁸.

По данным переписи населения 2010 г., численность таджиков в Оренбургской области составила 4093 чел. (0,2 % от общей численности населения)⁹. Это указывает на почти двукратное увеличение численности таджиков с момента предыдущей переписи 2002 г. (2455 чел.)¹⁰.

Проживающие в Оренбургской области таджики заняты в основном торговлей, строительством и в меньшей степени в других областях. Контакты области с Республикой Таджикистан, как на уровне диаспоры, так и трудовой миграции, существенно облегчаются из-за статуса «городов-побратимов» между Оренбургом и вторым по размеру городом Таджикистана – Ходжентом.

Челябинская область. Численность таджикской диаспоры в области составляет 28000 чел., из них – 6000 граждане РФ. Основными сферами деятельности (по убывающей численности занятых) являются: торговля; строительство зданий и сооружений; дорожное строительство; работа на промышленных предприятиях. Большая часть занята в частном секторе.

Единственной общественной организацией таджикской диаспоры является «Таджикский национально-культурный центр (ТНК) «Самониён», организованный в октябре 2002 г. (зарегистрирован властями области в феврале 2003 г.). Главной целью Организации заявлено «содействие сохранению и развитию культурных традиций таджикского народа, таджикского языка на территории Челябинской области, а также защита национальных прав и интересов таджикского населения Челябинской области в органах местного самоуправления и государственной власти».

В организации существуют отделы по экономике; взаимодействию с государственными органами власти; оказанию юридической помощи и правовой поддержки соотечественников.

Организация поддерживает постоянные связи с Посольством Республики Таджикистан в Москве и Консульством РТ в Екатеринбурге. Через них организовано и получение газет и журналов из РТ для соотечественников в области. «Самониён» нерегулярно выпускает и свою газету «Таджики Южного Урала».

ТНК организуются фестивали народного творчества, фестивали искусств, спортивные соревнования по футболу, дзюдо и нацио-

нальной таджикской борьбе гуштингири. Ежегодно проводится праздник встречи Нового Года по солнечному календарю – «Навруз». ТНК, при поддержке администрации области ежегодно участвует в проведении Дня защиты детей, Дня Победы, дней воинской славы России, участвует в общегородском вернисаже¹¹.

В Поволжье направлена сезонная сельскохозяйственная миграция из Таджикистана, генетически связанная с потоками беженцев, вынужденных покинуть РТ в ходе гражданской войны 1992 г. Беженцы, среди которых было много крестьян, выгружаясь на станциях по ходу железнодорожной линии Душанбе-Москва в южных областях России, оседали там, занимаясь сельскохозяйственным трудом. По мере ухудшения ситуации на рынке труда в РТ все больше крестьян приезжает в освоенные таджиками местности юга России на сельскохозяйственный сезон, арендует землю и выращивает сельхозпродукцию, в том числе хлопок. Почти половина таджикских мигрантов, которые работали в 2003 г. в сельском хозяйстве России, арендовали земельные участки под выращивание овощей, бахчи. Одна треть работала сельскими механизаторами и чабанами. Остальные занимались сбором урожая сельхозкультур.

В Нижегородской области, по данным таджикских общественных организаций, проживает в настоящее время до 10 тыс. таджикстанцев, 70 % из которых являются таджиками. Те же источники указывают, что истинное число таджикской диаспоры здесь назвать невозможно, так как большинство приехавших из РТ проживают нелегально. Таджикская диаспора Нижегородской области имеет свою общественную организацию «Таджикский культурный центр «Дусти-Дружба»»¹².

Что касается миграционных ресурсов для поволжской диаспоры таджиков, то исследования показали, что в Астрахани и Астраханской области, хотели бы остаться на постоянное жительство в России 31 % трудовых мигрантов-таджиков, а опросы в Самаре дали величину, в 2 раза большую – 67 %¹³.

Этнополитические аспекты анализа диаспоры связаны со спецификой ее положения в государстве проживания, с ее местом в системе международных связей. Отсутствие правового определения диаспор создает парадоксальную ситуацию: как показывает практика, фактически все государства, имеющие зарубежные диаспоры, разработали и реализуют на практике концепции и программы взаимодействия с ними. Все это происходит в условиях отсутствия правового

поля по данному вопросу. Существуют правовые нормы, регулирующие защиту прав и свобод диаспор, обозначенных в многосторонних и двусторонних соглашениях и внутреннем законодательстве как национальных меньшинств.

В связи с близостью Уральского и Поволжского регионов к Таджикистану, а также их сравнительной малонаселенностью, трудовая миграция из Республики Таджикистан сюда в ближайшее время будет расти. Этот факт требует более тщательного подхода к мониторингу национальных и конфессиональных проблем, возможных в связи с ростом таджикского (и вообще – среднеазиатского) населения в регионах. В частности, вызывает озабоченность все более активная деятельность в среде мигрантов из Таджикистана таких организаций, как Хизб-ут-Тахрир, ИДУ (Фронт освобождения Туркестана), а также ряда других исламистских организаций, способных дестабилизировать обстановку в Южной России. Одним из направлений противодействия названной тенденции можно предложить взаимодействие с официальными правительственными и политическими структурами Республики Таджикистан, по роду своей деятельности работающими с соотечественниками за рубежом. В частности, перспективным направлением можно считать координацию работы с активистами единственной в Средней Азии легальной религиозной политической партии – Партии Исламского Возрождения Таджикистана (ПИВТ), регулярно проводящей активную работу среди таджиков России – потенциального своего электората.

Примечания:

1. Полоскова Т. Современные диаспоры (внутриполитические и международные аспекты). – М.: Научная книга, 2002. – С. 113.
2. Снесарев А. Е. Афганистан. – М.: Гос. изд., 1921. – С. 35.
3. История таджикского народа. В 6-и томах. – Т. II. – 1994. – С. 37–38.
4. Договор между Республикой Таджикистан Российской Федерацией об урегулировании вопросов двойного гражданства (Москва, 7 сентября 1995 г.) цит. по кн.: Дубовицкий В. В., Назриев Д. Х. Таджики и таджикстанцы за рубежом. – Душанбе, 2012. – С. 250–252.
5. Демоскоп Weekly. Приложение. Справочник статистических показателей. Всероссийская перепись населения 2010 года. Национальный состав населения Российской Федерации // <http://ru.wikipedia.org/w/>.
6. За полгода таджикские трудовые мигранты перевели из России почти \$1,2 миллиарда. Демоскоп Weekly, цит. по: <http://ru.wikipedia.org/w/>.
7. Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года. – Казань: Типо-лит. В. М. Ключникова, 1897. – Т. 1. – С. 134–135.
8. См: Прощение о принятии в российское подданство бухарца Фет Уллы

Махмутова. 1808 г. // Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 10. Д. 461. Л. 1; Список именной жительствовавших в крепости Орской бухарско-го владения бухарцах с показанием кто из них имеет дома и прочем. Августа 6 дня 1816 г. // ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1058. Л. 9–10; О содержании воинских постоев бухарцами в Орской крепости. Августа 11 дня 1816 г. // Там же. Л. 8; О принятии в вечное подданство и казачье звание Уральского войска по Илецкой станице бухарцев Хасана Али Назарова и Нурзуллу Мурза Шарипова. 1819 г. // ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1825. Л. 1–2; Ведомость о проживающих в Оренбургской губернии азиатцах, выехавших из-за границы. 1808–1809 гг. // Там же. Д. 443. Л. 26–32; Письмо генерал-адъютанта Катенина исправляющему должность Оренбургского гражданского губернатора. 1858 г. // Там же. Д. 7367. Л. 28.

9. Население Оренбургской области [Электронный ресурс]. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Оренбургской_области (дата обращения: 07.06.2013)

10. Там же.

11. Дубовицкий В. В., Назриев Д. Х. Таджики и таджикстанцы за рубежом. – Душанбе, 2012. – С. 108.

12. Там же. – С. 104.

13. Там же.

Гришакова Л. В., Ушкевич К. И. (Оренбург)

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ ИЗ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОГО РЕГИОНА В ОРЕНБУРГСКУЮ ОБЛАСТЬ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ

Актуальность исследования определяется тем, что оно посвящено одной из острейших проблемных сфер современной России. Речь идет о проблемах формирования эффективной миграционной политики, которые выдвинулись на одно из важнейших мест в политических и социально-экономических процессах нашей страны. Миграция – это территориальное перемещение населения, сопровождающееся изменением места жительства¹. Миграцию различают по целям: трудовая, учебная и прочие.

В данной статье мы рассмотрим трудовую миграцию в Оренбургскую область из стран Центрально-азиатского региона и проблемы, с нею связанные.

Трудовая миграция – вид миграции, представляющий собой совокупность территориальных перемещений людей, связанных с занятостью и поисками работы. По данным миграционной службы РФ, в 2012 году на территории страны находилось 10 085 049 иностранных

граждан. И только 6 477 674 были поставлены на миграционный учет. Легально трудилось в России порядка 2 миллионов иностранцев, именно такая квота на привлечение трудовых мигрантов установлена в РФ. По данным миграционной службы число приезжих, вовремя не покинувших страну и, следовательно, нелегально работающих в РФ, колеблется от 3 до 5 миллионов².

По данным Федеральной миграционной службы (ФМС) РФ, на начало 2013 года в России находятся 10 235 296 иностранных граждан. По сравнению с прошлым годом поток мигрантов увеличился на 100 000 человек. Эксперты и в дальнейшем прогнозируют рост числа иностранных граждан на территории РФ. Так, по сообщению главы думского комитета по международным делам К. Косачева, «к 2050 году доля мигрантов, по некоторым данным, может превысить треть населения России»³.

На миграционную ситуацию в Оренбургской области неоспоримое влияние оказывает ее географическое положение как приграничного региона. Область находится на основных транспортных магистралях, связывающих государства Средней Азии, Казахстана и центральные регионы Российской Федерации. Такое местоположение предопределяет объемы и основные направления миграционных потоков, как в Российскую Федерацию, так и на территорию Оренбуржья.

На Оренбуржье приходится самый протяжённый участок российско-казахстанской государственной границы – 1876 км. На Оренбургском участке российско-казахстанской государственной границы располагается 12 действующих пунктов пропуска пограничного контроля. В соответствии с Соглашением между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан (РК) о порядке пересечения российско-казахстанской Государственной границы жителями приграничных территорий РФ и РК открыто 17 упрощенных переходов государственной границы для жителей приграничных территорий.

Главным направлением иммиграционных потоков из республик Средней Азии на территорию России остается железнодорожная станция «Илецк-1» (ЖДПП «Илецк-1» – Соль-Илецкий район), многосторонние автомобильные пункты пропуска – «Маштаково» (Первомайский район), «Илек» (Илекский район), «Сагарчин» (Акбулакский район).

По данным Управления Федеральной миграционной службы по Оренбургской области, в 2012 году через пункты пропуска на Орен-

бургском участке российско-казахстанской границы по миграционным картам проследовало 2 352 703 иностранных граждан и лиц без гражданства, что на 21,4 % больше, чем за аналогичный период прошлого года. Из них: въехало на территорию Российской Федерации 1 338 115 иностранных граждан. Среди въезжающих наибольший удельный вес, около 90 %, составляют граждане стран Центральной Азии – участниц Содружества Независимых Государств, с которыми Российской Федерацией заключены соглашения о безвизовых поездках граждан. Это Узбекистан, Таджикистан, Киргизия и Казахстан.

Оренбуржье для выходцев с востока служит своеобразной перевалочной базой. Как правило, конечными пунктами следования иммигрантов являются города: Москва, Санкт-Петербург, Саратов, Самара, Нижний Новгород, Казань, Екатеринбург, Уфа, Московская и Ленинградская области. Если же не удается устроиться в крупных городах, то ищут работу здесь. Наиболее привлекательны для мигрантов стали такие города области как Оренбург, Орск, Бузулук, а также Бузулукский, Соль-Илецкий и Оренбургский районы⁴.

Численность трудовых мигрантов в Оренбургской области с каждым годом растет. Так, в 2011 году трудовую деятельность осуществляли около 15 767 иностранных граждан, в 2012 году – около 20 000, в 2013 году – уже 21 200.

Наибольшее количество иностранных работников – это граждане Узбекистана – 74,5 %, Таджикистана – 8,9 %, Украины – 4,7 %, Армении – 4,1 %⁵.

Иностранные граждане осуществляют трудовую деятельность в следующих отраслях народного хозяйства: строительство – 2424 чел. (52 %); сельское хозяйство – 1105 чел. (24 %); торговля – 411 чел. (8 %); промышленное производство – 316 чел. (6 %); транспорт и связь – 109 чел. (2 %); сфера услуг – 92 чел. (2 %); иных отраслях – 164 (3 %).

Несокращающаяся интенсивность миграционных потоков из Центрально-азиатских государств может привести к социально-экономической и политической нестабильности в регионе. С одной стороны, иммигранты восполняют нехватку рабочих рук, когда речь идет о малоквалифицированных, низкооплачиваемых и непрестижных профессиях, с другой стороны, они вытесняют коренное население из рабочих секторов экономики. Из-за дешевизны рабочей силы и непритязательности к условиям труда, они стали составлять конкуренцию местному населению. У оренбуржцев сегодня высока степень эт-

нической терпимости, однако нередко поднимается вопрос: «самим работы нет, а тут «понаехали»»⁶.

Другой проблемой являются правонарушения. Нарушение закона этими людьми начинается еще с момента пересечения границы. Многие из них пытаются ее пересечь по поддельным документам. Только лишь в начале 2012 года выявлено более восьмидесяти фактов использования фальшивых документов, чаще всего подделывают миграционные карты. Данные случаи отмечаются в связи с тем, что по-прежнему продолжают действовать каналы нелегальной миграции из стран Центральной Азии. Всего на территории Оренбургской области в 2011 году иностранными гражданами и лицами без гражданства совершено 546 преступлений, что на 1,5 процента больше чем за аналогичный период прошлого года (в 2010 году – 538)⁷.

Неконтролируемая миграция может стать причиной антисанитарии, эпидемий, появления экстремистских образований.

Наблюдается тенденция естественной убыли коренного населения и заселения приграничных территорий выходцами из стран Центрально-азиатского региона, не ассимилирующихся с российским этносом. Мигранты геттоизируются, живут сами по себе. А самое главное, что миграция накладывается на более слабый этнос. То есть мы получаем замещение нашего слабого населения, которое не способно даже к воспроизводству, пассионарными приезжими со своими обычаями, которые они ставят выше законов. И, к сожалению, здесь есть еще одна проблема: миграция закрывает собой реальную демографическую картину⁸.

В соответствии с распоряжением Губернатора Оренбургской области был разработан проект областной миграционной программы на 2011–2015 годы, находящийся в настоящее время в процессе согласования. Данной программой предусмотрено создание областного миграционного центра, который будет являться одним из инструментов обеспечения стабильной миграционной ситуации в области.

Для пресечения каналов нелегальной миграции, а также в целях надлежащего исполнения процедуры выдворения издан указ Губернатора Оренбургской области № 105-ук от 17.10.2005 г., предусматривающий выделение помещений в специальных учреждениях в городах Оренбурге, Орске, Бузулуке для содержания иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих по решению суда выдворению за пределы РФ.

Кроме того, вопросы координации совместных усилий органов исполнительной власти, направленные на противодействие незакон-

ной миграции, рассматриваются в рамках координационных совещаний руководителей правоохранительных органов и Общественной палаты Оренбургской области, межведомственной рабочей группы по противодействию незаконной миграции при прокуратуре и областной комиссии по профилактике правонарушений.

В 2013 году снижения миграционной активности в Оренбуржье не ожидается. По словам начальника Управления Федеральной миграционной службы по Оренбургской области Константина Духанова, уже сегодня отмечается рост миграционного потока через территорию региона на 11,3 %, пребывающих в регионе иностранных граждан – на 3,7 %, количество трудовых мигрантов выросло на 6 %⁹.

С целью обеспечения стабильности миграционной ситуации принято решение об отмене действия внутренних паспортов для жителей СНГ при пересечении российских границ. По заявлению М. Старшинова, первого заместителя председателя Комитета Государственной Думы по делам национальностей: «Вскоре, для того чтобы въехать на территорию России, мигрантам из стран Центральной Азии потребуются заграничные паспорта, куда будет ставиться отметка при пересечении границы. Следующим шагом логично было бы ввести наличие заключенного по всем правилам договора на трудовую деятельность»¹⁰. Данное решение позволило бы поставить заслон на пути незаконной миграции, когда сегодня до 70 % приезжих в Россию из республик СНГ становятся нелегалами.

С учетом приграничного статуса Оренбургской области, когда значительный поток мигрантов проходит через наш регион, и неконтролируемая миграция может стать причиной дестабилизации социально-экономической и политической ситуации в обществе, данное решение представляется вполне оправданным. Однако лозунги: «Закрываем границы. Россия только для русских», – в корне неверны. Необходимо понимать, кто важен и полезен для области, и как создавать условия для успешного включения мигрантов в жизнь сообщества, иначе возникает угроза появления мест компактного проживания иностранцев, которые отличаются низким уровнем культуры и образования, незнанием русского языка и полукриминальной сплоченностью.

Примечания:

1. Овсянко Д. М. Административное право: учебное пособие. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2000. – 468 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bibliotekar.ru/administrativnoe-pravo-1/83.htm> (дата обращения: 07.06.2013).

2. Сведения по миграционной ситуации в Российской Федерации за 2 месяца 2013 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.fms.gov.ru/upload/iblock/b29/sts_1302.xls (дата обращения: 07.06.2013).

3. Титульная нация – мигранты // Вечерний Оренбург. – 2011. – 8 июля. – № 27 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vecherniyorenburg.ru/cat809/show15268/> (дата обращения: 07.06.2013).

4. Оренбуржье как санитарный кордон на пути нелегалов: интервью с главой УФМС области [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regnum.ru/news/economy/1594582.html> (дата обращения: 07.06.2013).

5. О состоянии миграционных процессов в Оренбургской области за 2012 год [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mininform.orb.ru/ves/migr.html> (дата обращения: 07.06.2013).

6. Николаева Н. Мигранты – ресурс или угроза для Оренбуржья? // Аргументы и факты в Оренбуржье. – 2012. – 13 августа [Электронный ресурс]. URL: http://www.oren.aif.ru/society/society_details/581269 (дата обращения: 07.06.2013).

7. Копылов К. Рай для мигрантов // Московский комсомолец в Оренбурге. – 2011. – 27 января [Электронный ресурс]. URL: <http://oren.mk.ru/article/2012/01/27/665223-ray-dlya-migrantov.html> (дата обращения: 07.06.2013).

8. Титульная нация – мигранты // Вечерний Оренбург. – 2011. – 8 июля. – № 27 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vecherniyorenburg.ru/cat809/show15268/> (дата обращения: 07.06.2013).

9. Вершинина А. В Оренбургской области растет число мигрантов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ural56.ru/news/67/260059/> (дата обращения: 07.06.2013).

10. Как остановить нелегалов? // Аргументы и факты. – 2013. – 17–23 апреля. – № 16. – С. 4.

Байгулова А. К. (Оренбург)

ХАРАКТЕРИСТИКА ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ ИЗ СРЕДНЕЙ АЗИИ В РОССИЮ

Нелегальная миграция в настоящее время является важной проблемой, все больше волнующей общество и государство. Серьезные споры вызывает вопрос о реальной потребности в трудовой миграции. В 2008 г., по официальным данным, в России было около 10 млн. легальных и нелегальных мигрантов¹. По сообщению Министерства труда и социальной защиты РФ, в 2012 г. потребность в привлечении в Россию мигрантов, заявленная органами исполнительной власти субъектов Федерации, составила 1,267 млн. человек. На 2013 год было заявлена потребность в трудовых мигрантах в 1226 тыс. человек и резерв объема квоты в размере 30 % от общего объема²; в на-

чале 2013 г. запрос увеличился до 20 млн.³. Это звучит особенно актуально на фоне замедления темпов экономического роста, сокращения рабочих мест и нарастающей напряженности из-за конкуренции за рабочие места.

Рост преступности в среде мигрантов вызывает не меньшее беспокойство в российском обществе. По замечанию главы Федеральной миграционной службы К. Ромодановского, на мигрантов приходится более 3 % совершаемых преступлений⁴. В 2008 г. среди криминальных гастарбайтеров лидировали узбеки – на них приходилось порядка трети всех совершаемых преступлений. На втором месте оказались азербайджанцы, на третьем – таджики⁵.

В условиях увеличения числа мигрантов необходимо определить причины роста потока приезжающих из Средней Азии. Политическая ситуация в среднеазиатском регионе отличается нестабильностью, в экономике существуют большие проблемы, нарастает бедность. Одним из наиболее важных выталкивающих факторов, способствующих миграции трудовых ресурсов, является безработица. Так, с 1997 по 2002 г. уровень официальной безработицы в Таджикистане колебался от 2,3 до 3,2 %, составляя в 2002 г. 2,5 % населения страны (47 тыс. человек). При этом большинство безработных не регистрируются, поэтому реальный масштаб безработицы, по подсчетам специалистов Всемирного Банка, равен 30 %⁶. По последним подсчетам, 90 % таджикских трудовых мигрантов работает в России⁷.

В ряде стран наблюдается «демографический взрыв». К примеру, по результатам переписи, проведенной в Таджикистане в июне 2012 г., выяснилось, что за 10 лет население республики увеличилось на 1,4 млн. человек (на 23 %). К концу 2010 г. население Таджикистана достигло 7,5 млн. против 6,1 млн. в 2000 г.⁸. Это создало проблему с продовольственным обеспечением растущего населения страны. Аналогичная ситуация, по наблюдениям исследователей, складывается и в Узбекистане.

Интересным представляется возраст мигрантов из Средней Азии и уровень их образования. Возраст трудящихся из Узбекистана составляет преимущественно 20–35 лет, причем это в основном мужчины. Не лучше складывается ситуация с образованием. Только 7 % местных работодателей заявили, что готовы платить работнику дефицитной профессии 400 долларов и выше⁹. В силу этих причин уровень образованности приезжающих остается низким.

Мигранты из Средней Азии оказываются в разных субъектах РФ. Так, казахи стремятся попасть в Центральный федеральный округ, включая Московскую, Белгородскую и Воронежскую области и Москву. В Северо-Западном федеральном округе они приезжают в Калининградскую и Ленинградскую области, Санкт-Петербург, в Южном федеральном округе – в Краснодарский край, Волгоградскую и Ростовскую области. Восточнее они заселяют Уральский федеральный округ – Свердловскую, Челябинскую и Тюменскую области¹⁰.

Выходцы из Узбекистана приезжают в Москву, Московскую, Челябинскую, Тюменскую, Калининградскую, Ленинградскую, Волгоградскую, Ростовскую области, Дагестан, Башкирию и Татарстан; туркмены – в Центральный федеральный округ и Поволжье¹¹.

Приток трудовой миграции из Средней Азии в Россию не случаен. Сказывается большая возможность трудоустройства. По мнению востоковеда и политолога Т. Юлдашева, в России «бизнес пользуется относительной самостоятельностью и свободой, платит меньше налогов и пошлин, чем у нас (в Узбекистане – прим. авт.), и что важно, установлен безвизовый режим въезда и выезда граждан СНГ. Существенную роль в выборе страны, где можно неплохо заработать, играют отсутствие языкового барьера, схожесть менталитета, жизненного уклада народов, а также вековые торгово-экономические и гуманитарные связи»¹². Кроме того, по утверждению исследователя, «в России либерализовано миграционное законодательство, разработана государственная программа, нацеленная на стимулирование добровольного переселения на свою этническую родину русских и бывших граждан Российской Федерации»¹³.

Таким образом, трудовая миграция жителей Средней Азии в Россию сопряжена с определенными трудностями, регулирование которых требует международного взаимодействия.

Примечания:

1. Трудовая миграция из Средней Азии в Россию: мифы и реальность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://maxpark.com/user/3965372039/content/1826944>

2. В 2013 году России потребуется более 1,7 млн. рабочих мигрантов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sodrujestvo.ru/plus/?page_id=1122

3. Труд и занятость в России 2009: стат. сб. – М.: Статистика России, 2009. – С. 302.

4. Трудовая миграция из Средней Азии в Россию: мифы и реальность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://maxpark.com/user/3965372039/content/1826944>

5. Там же.
6. Трудовая миграция из Таджикистана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.jobsmarket.ru/?content_id=1206294&get_page=239
7. Трудовая миграция из Таджикистана усиливается [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iarex.ru/news/34877.html>
8. Трудовая миграция из Средней Азии в Россию: мифы и реальность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://maxpark.com/user/3965372039/content/1826944>
9. Там же.
10. Пальников М. Иммиграция в Россию из постсоветских республик. Часть вторая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/оукумепна/кргу/immigracija_v_rossiju_iz_postsovetskih_respublik_chast_vtoraja_2009-10-06.htm
11. Там же.
12. Юлдашев Т. Трудовые мигранты из Узбекистана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.proza.ru/2009/06/03/933>
13. Там же.

Герфанова Э. Ш. (Оренбург)

МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ ИЗ ТАДЖИКИСТАНА В СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ

Миграционные процессы в настоящее время осуществляются достаточно интенсивно. Каждый мигрант – это как «рабочие руки», так и носитель определенной культуры, религии, системы взглядов.

Рост миграционных потоков из Средней Азии в Россию начался в 1970–1980-е гг. и был вызван отъездом русскоязычного населения. При этом социальный статус большей части переселенцев на новом месте заметно снизился, многие русскоязычные жители крупных среднеазиатских городов и промышленных центров были вынуждены переехать в сельскую местность¹. Кроме того, в основном приехавшие люди лишились части имущества, прежде всего, недвижимости.

После образования Российской Федерации приток беженцев из Таджикистана усилился. Чаще всего это были трудоспособные мужчины, стремившиеся по возможности перевезти свои семьи после того, как обоснуются сами. Их пребывание в России было также сопряжено с резким падением прежнего статуса и жизненного уровня². У большинства из них отсутствовало российское гражданство.

Следующая волна эмиграции из Таджикистана пришлась на 1995–1998 гг. Основу миграционного потока составила интеллиген-

ция, в том числе медицинские работники, учителя, военные. Аналогичный процесс наблюдался и в 1998–2002 гг. Миграции способствовали безработица, низкий уровень жизни, аграрное перенаселение.

По различным оценкам, численность внешних трудовых мигрантов в 2006 г. составила от 500000 до 800000 человек. Во внешнюю трудовую миграцию вовлечены 17 % экономически активного населения. Среди мигрантов преобладают сезонники: 86 % из них работают за рубежом с весны до осени³. Многие приезжие отличаются низким уровнем образования и правового сознания, не имеют специальности и практически не владеют русским языком.

Миграции из Средней Азии способствует сама обстановка в странах. Так, три среднеазиатских государства делают в своей экономической политике ставку на хлопководство. Как и в советский период, в Таджикистане, Узбекистане и Туркменистане хлопок продолжает оставаться монокультурой.

Хлопководство играет решающую роль в экономике, во многом определяя направление социально-политического развития новых государств, общественно-политический строй и миграционное поведение граждан⁴. Хлопчатник занимает огромные земельные площади, способствуя сокращению посевов тех культур, которые местное население употребляет в пищу, что приводит к постоянному дефициту продуктов питания. Кроме того, производство основано преимущественно на женском труде. Так, в Таджикистане в отрасли женщины составляют до 85–90 % сельскохозяйственной рабочей силы⁵.

В настоящее время Российская Федерация продолжает осуществлять регулирование миграционных потоков из Средней Азии. Политика государства проводится на основе действующей Конституции РФ, в которой «запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности»⁶. При этом одной из важных задач, стоящих перед государством, является «регулирование и защита прав национальных меньшинств»⁷. В июне 2012 г. президент России В. В. Путин утвердил Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. Документ предполагает создание центров содействия миграции в РФ и медицинского освидетельствования мигрантов, в том числе за рубежом, создание инфраструктуры для проживания трудовых мигрантов на основе государственно-частного партнерства, создание инфраструктуры для интеграции и адаптации трудовых мигрантов, включая центры информа-

ционной и правовой поддержки, курсы изучения языка, истории и культуры России, проведение выборочных исследований, включающих вопросы внутренней и международной миграции⁸.

Таким образом, в настоящее время продолжает осуществляться миграция из Таджикистана в Россию. Государство уделяет этому вопросу пристальное внимание, прежде всего, в части регулирования трудовой деятельности, а также норм пребывания на территории Российской Федерации.

Примечания:

1. Брусина О. Мигранты из Средней Азии в России: этапы и причины приезда, социальные типы, организации диаспор // Демоскоп. – 2008. – 1–14 декабря [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2008/0355/analit06.php>

2. Там же.

3. Олимов М. А. Таджикистан: какие грядут перемены? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://analitika.org/tj-tk/tt-politics/172-20071219093443665.html>

4. Брусина О. Указ. соч.

5. Олимов М. А. Указ. соч.

6. Конституция Российской Федерации. Глава 2. Права и свободы человека и гражданина. Ст. 19 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-4.htm>

7. Конституция Российской Федерации. Глава 3. Федеративное устройство. Ст. 71 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-5.htm>

8. ФМС выступает за ужесточение санкций в отношении нелегальных мигрантов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://azerros.ru/news/7691-fms-vystupaet-za-uzhestochenie-sankciy-v-otnoshenii-nelegalnyh-migrantov.html>

Джамбаулова Г. (Атырау, Казахстан)

ПРОБЛЕМЫ ОРАЛМАНОВ КАЗАХСТАНА И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ИХ АДАПТАЦИИ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ

С обретением независимости Казахстан начал проводить политику возвращения на свою историческую родину казахов, по тем или иным обстоятельствам проживавших в других странах. Уже сегодня в Казахстане оралманы представляют собой довольно значительную социальную группу – более чем 500000 человек или более чем 100000 семей.

Основная масса оралманов приехала в Казахстан в период с 1993 по 1998 годы по миграционной квоте этнических казахов из Афганистана, Ирана, Пакистана. Основными районами расселения первых оралманов стали г. Алматы, Карагандинская, Кустанайская, Жамбылская, Южно-Казахстанская и Алматинская области. За последние десять лет примерно 180 тыс. казахов приехали в Казахстан на постоянное местожительство¹.

Многие из вернувшихся на свою историческую родину оралманов сталкиваются с разнообразными проблемами. Наиболее острыми среди них являются вопросы социально-экономической и социокультурной адаптации, а также проблемы гражданско-правового характера. Решение этих вопросов является в первую очередь прерогативой государства. Проблемы адаптации оралманов в любой сфере при взаимодействии с местным населением, так или иначе, создают столкновение интересов. А это в результате, так или иначе, порождает различные конфликтные ситуации².

Ряд социологических организаций проводили среди населения опрос, для выявления отношения рядовых казахстанцев к этническим казахам, вернувшимся на свою историческую родину.

Как показали результаты данных опросов, несколько негативное отношение к оралманам со стороны определенной части местного населения проявляется не столько в полном неприятии, сколько в настороженности к переселившимся. По мнению социологов, это было связано с боязнью потери рабочих мест, а также с напряженной ситуацией на рынке жилья. И данный фактор является одним из определяющих на сегодняшний день.

Складывающаяся напряженность в большей степени вызвана тем, что материальный достаток большинства населения ниже среднего. Прибывающие оралманы вызывают, соответственно, недовольство населения, что ведет вследствие к эскалации напряженности.

Результат опроса показал, что лояльность по отношению к оралманам проявляют жители малых городов (4,2 %) и сел (10,6 %). Жители областных центров (11,5 %) и города Алматы (15,6 %) настроены несколько критично. Практика показывает, что большей частью переселившиеся в Казахстан из других государств казахи происходят в основном из сельских районов, что делает их близкими по духу с сельским населением республики. Негативное отношение жителей областных центров и г. Алматы связано в первую очередь с тем, что в данных населенных пунктах остро стоят вопросы трудоустройства и жилья.

Состояние напряженности вносят, в свою очередь, еще и сами оралманы, которые становятся конкурентами в процессе поиска работы и заработка.

Другой проблемой стали довольно натянутые отношения прибывающих оралманов с казахстанцами других национальностей. Связано это, в первую очередь, с различием в менталитете данных народов. Основной проблемой, возникающей в данной ситуации, является языковой барьер. Зачастую оралманы не могут найти общего языка не только с казахстанцами некоренной национальности, но и местными казахами. В местных казахих оралманов возмущает отсутствие присущей им самим религиозности и недостаточное, на их взгляд, соблюдение национальных традиций и знания государственного языка.

Объявив о государственной программе возвращения этнических казахов на историческую родину, государство взяло на себя ряд обязательств. Сфера обязательств касается создания соответствующих гражданско-правовых, экономических и социокультурных условий оралманам³.

Если бы государство эффективно использовало механизмы и инструменты продекларированной миграционной политики относительно репатриантов, к числу которых в первую очередь относятся оралманы, то многих проблем можно было бы избежать. Поэтому проблема экономической и социальной адаптации приехавших казахов на историческую родину не имела бы таких масштабов.

Одна из первоочередных проблем, с которой чаще всего сталкиваются оралманы, является трудоустройство (45,3 %), а также сложность распределения и получения жилья (31,1 %).

Другой не менее важной проблемой стал вопрос самостоятельного выбора места жительства, так как оралманов, как правило, распределяют в местах, запланированных квотой. А предлагаемые варианты зачастую их не устраивают, опять-таки из-за проблемы жилья и трудоустройства. Имеют место, помимо того, трудности при получении казахстанского гражданства (18 %).

Если провести анализ общественного мнения по регионам, то уровень эффективности реализации местными исполнительными органами программы государственной поддержки оралманов в части исполнения миграционной и демографической политики государства проблематичен в Западном и Центральном регионах, а также в г. Алматы.

Так для Западного Казахстана характерны: несовершенство нормативно-правовой базы (18,2 %), невозможность самостоятельно-

го выбора места жительства (размещение в местах запланированных квотой) (23,4 %), сложности распределения и получения жилья (33 %), прием в казахстанское гражданство (33,3 %), трудоустройство (58,1 %), оказание практической помощи в создании собственных производств, бизнес-инкубаторов, выделении микрокредитов (7,2 %), доступ к владению земельными участками, скотом (11,7 %), игнорирование права отсрочки молодым оралманам от призыва в армию сроком на три года (10 %), игнорирование права обеспечения льгот на получение образования (17,9 %), игнорирование права на бесплатную медицинскую помощь (17,2 %), игнорирование права на льготы при перевозе имущества через таможенную (2,4 %).

Для Северного Казахстана актуальной является проблема неоднозначного отношения населения к оралманам (13,4 %), что по существу является, скорее всего, следствием недостаточного внимания и эффективной работы государственных органов.

Оралманы Южного Казахстана чаще всего сталкиваются с проблемами несовершенства нормативно-правовой базы (15,7 %), задолженности по единовременным и транспортным пособиям прибывших по квоте (10,7 %), подготовки и переподготовки кадров в соответствии с рынком труда (12 %), игнорирования права на льготы при перевозе имущества через таможенную.

Государственным органам Восточного Казахстана, занимающимся решением проблем репатриантов, необходимо обратить внимание на следующие проблемы, с которыми сталкиваются оралманы на данной территории расселения: подготовка и переподготовка кадров в соответствии с рынком труда (11,5 %), доступ к владению земельными участками, скотом (13,1 %), сложные условия экономической адаптации (16,8 %).

Подобная классификация позволила выявить основные проблемные зоны, затрагивающие в настоящее время оралманов в различных регионах республики, а также очертить контуры первоочередных задач необходимых для решения государством проблем оралманов⁴.

Таким образом, результаты исследования показывают, что большая часть населения лояльно относится к этническим казахам, вернувшимся на историческую родину. Одновременно с этим в общественном сознании определенной части населения доминирует негативное отношение к оралманам. Неоднозначные эмоции в преобладающей мере сопряжены столкновением интересов в социально-экономической сфере.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что население проявляет некоторую обеспокоенность по отношению к оралманам, объясняемую не только боязнью конкуренции на рынках труда и жилья, но и более серьезными опасениями местного населения за будущее развитие казахстанского общества.

Преобладающее большинство опрошенных достаточно объективно представляет проблемы, которые в будущем возникнут перед государством из-за неспособности правительства регулировать процессы, связанные с репатриацией большого количества людей с отличающейся ментальностью, низким образовательным уровнем и с незначительным перечнем имеющихся профессий.

Данные предположения в меньшей мере относятся к переселенцам из стран СНГ, которые более приспособлены к казахстанским условиям жизни. Можно уверенно утверждать о том, что в настоящее время не наблюдается достаточных усилий государства по адаптации оралманов к местным условиям. Население является свидетелем того, что правительственные мероприятия большей частью носят нормативный характер, а исполнение обязательств носит лишь формальный характер.

Разница между казахстанцами и оралманами по существу огромна. На сегодняшний день большинство переселенцев в силу указанных причин неспособно обеспечить будущее своих детей на равных стартовых началах. Их традиционная многодетность, вселяющая надежду на увеличение численности населения страны, имеет и обратную сторону медали. Родителям сложно дать им хорошее образование или какую-либо специальность. Их слабый семейный бюджет недостаточен для самостоятельной организации этих процессов, а незнание русского языка само по себе будет серьезным тормозом в достижении этих целей.

Сегодня очевидно то, что единственно правильным выходом в складывающейся ситуации, является необходимость принятия практической и долговременной государственной программы по адаптации репатриантов к казахстанским условиям, решения проблем ежедневного характера.

Если будет упущено время, то через сравнительно короткий срок государство получит дополнительную армию малоприспособленных к жизни людей. Они будут вынуждены занимать нишу тяжелой, низкоквалифицированной, малооплачиваемой работы, что в свою очередь приведет к люмпенизации, сокращению продолжительности жизни, росту болезней и преступности.

Решение демографической проблемы государства в части увеличения числа населения за счет этнических казахов, возвращающихся на свою историческую родину, является одной из составных частей Стратегии обеспечения национальной безопасности республики. Только очевидно, что отсутствие видения и должного механизма эффективной реализации государственной поддержки оралманов вынуждает действующую власть искать более легкие пути возвращения казахов на родину.

Положение оралманов плачевно, несмотря на громкие заявления высокопоставленных лиц в Астане о проводимой государственной политике. Только поверят ли состоятельные казахи, проживающие на территории других стран, очередной пропагандистской шумихе, устроенной официальными властями республики, и призывам главы государства вернуться в Казахстан. Тем более что единственным обязательством государства по отношению к этим оралманам будет более упрощенный порядок получения гражданства...

Примечания:

1. Акимбеков С. Тема для размышления // *Континент*. – 2000. – № 16 (29). – 29 августа – 5 сентября. – С. 34.
2. Абсатаров Р. Б. Национальные процессы: особенности и проблемы. – Алматы: Гылым, 1995. – С. 67.
3. Оралманы: реалии, проблемы и перспективы // Интернет-газета «ZonaKZ» [Электронный ресурс]. URL: <http://zonakz.net/articles/9865> (дата обращения: 07.06.2013).
4. Там же.

Мотрич Е. Л. (Хабаровск)

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ В ХАБАРОВСКОМ КРАЕ*

Экономика как реальность находится в состоянии непрерывных изменений, адаптируясь к условиям рынка и реструктурируясь. После 1990-х гг. в условиях неудачно складывающихся демографических процессов перед Россией встала серьезная проблема замещения убывающего населения, в том числе его трудоспособной части.

* 12-1-ПЗ1-03 – «Взаимодействие экономических макрорегионов в процессе модернизации России: Дальний Восток»; 12-1-ПЗ5-01 – «Экономика науки и образования: Дальний Восток России»; 12-1-ООН-01 – «Модернизационный вектор стратегии экономической безопасности российского Дальнего Востока».

Страна и ее регионы включились в процесс международной трудовой миграции. Но как открытость местных рынков труда сказывается на их функционировании? Позитивные или негативные последствия имеет увеличение использования на внутреннем рынке иностранной рабочей силы? У местного населения появилась боязнь потерять работу, с одной стороны, в силу экономических преобразований в хозяйственной деятельности, с другой стороны, из-за привлечения иностранной рабочей силы? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо, прежде всего, проанализировать динамику экономически активного населения, его занятость и уровень безработицы, сложившуюся в Хабаровском крае (табл. 1).

Таблица 1. Экономически активное население и уровень безработицы в Хабаровском крае¹

Показатели	Годы							
	1992	1995	1998	1999	2000	2002	2005	2010
Среднегодовая численность экономически активного населения всего, тыс. чел.	811,6	760,4	744,4	752,9	765,2	738,5	760,6	776,3
в том числе занятые в экономике, тыс. чел.	764,9	676,8	653,2	643,5	671,1	686,6	717,2	706,0
Безработные, тыс. чел.	46,7	83,6	91,2	109,4	93,5	51,9	43,4	70,3
Мужчины	22,8	44,0	51,3	58,6	41,2	26,9	21,5	39,5
Женщины	23,9	39,6	39,9	50,8	52,3	25,9	21,9	30,8
Уровень общей безработицы (в % от экон. активного нас.)	5,8	11,0	12,3	14,4	12,2	7,0	5,7	9,1
Уровень зарегистрированной безработицы (в % от экон. активного нас.)	0,2	4,4	4,2	3,4	2,7	2,7	3,6	3,2

Из приведенных данных явствует, что реальная напряженность на рынке труда в Хабаровском крае, исходя из уровня общей безработицы, очень высока – 9,1 % от экономически активного населения. Правда, она ниже максимальной отметки, сложившейся в 1999 г. (14,4 % от экономически активного населения), но, сократившись к 2005 г. до 5,7 %, этот показатель вновь приобрел тенденцию к росту и превысил указанное минимальное значение в 2010 г. в полтора раза. Уровень общей безработицы в Хабаровском крае в 2010 г. превышал аналогичный показатель в целом по Дальнему Востоку и другим феде-

ральным округам, кроме Северо-Кавказского. Среди субъектов Дальневосточного региона этот показатель был выше в Приморском крае (9,7 %), на Сахалине (9,3 %) и Еврейской АО (9,4 %)². Аналогичная ситуация в Хабаровском крае и по показателю зарегистрированной безработицы. Позитивным результатом развития местного рынка труда для обеспечения экономической стабильности и безопасности края, как и региона в целом, должно стать снижение уровня как общей, так и регистрируемой безработицы до уровня естественной.

Тем не менее, Дальний Восток, оказавшись включенным в международную трудовую миграцию, активно использует иностранную рабочую силу. Так, в декабре 2010 г. в Хабаровском крае численность иностранных граждан и лиц без гражданства, получивших разрешение на трудовую деятельность, составила 18361 чел., в том числе из стран – участниц СНГ – 8453 чел. и 6663 – из КНР. Это, правда, меньше, чем установленная квота на 28 %. К началу 2011 г. численность иностранных граждан и лиц без гражданства, осуществляющих трудовую деятельность в крае, составляла 13091 чел., в том числе из КНР – 5515 чел. Заметим, что в 2005 г. иностранных граждан работало в Хабаровском крае 9918 чел., то есть на 24,2 % меньше, чем их работало на 01.01.2011 г., а граждан КНР – на 30,9 % меньше. Привлечение иностранной рабочей силы на наши рынки не только ведет к росту предложения рабочей силы, но и воздействует на динамику заработной платы, понижая ее, делая непривлекательными предлагаемые вакансии.

Для Хабаровского края, как и для других субъектов ДФО, миграционный отток населения в совокупности с естественной убылью играют существенную роль в сокращении общей численности населения и, как следствие, в деформации возрастной структуры, постарении населения, сокращении экономически активного населения, увеличении демографической нагрузки на занятое население.

В условиях сокращения населения и собственного трудового потенциала Дальнему Востоку при любом сценарии его развития нужны мигранты. Миграция стала фактором пополнения внутреннего рынка труда. В такой ситуации национальные и миграционные вопросы являются актуальными. Не случайно В. Путин в ходе предвыборной президентской кампании 2012 г. национальному вопросу посвятил одну из своих предвыборных статей.

Хабаровский край, как и Дальневосточный федеральный округ в целом, с начала 1990-х гг. включился в глобальный процесс меж-

дународного трудового обмена. Привлечение иностранной рабочей силы обусловлено результатом растущего внутреннего дефицита трудовых ресурсов.

Миграция до начала 1990-х годов принимала активное участие в формировании населения Хабаровского края. Только за период 1986–1990-х гг. миграция дала 26,9 % общего прироста населения в крае. С 1991 г. изменился тренд миграционных потоков, стал явным процесс стабильного сокращения численности населения за счет миграции. За 1991–2011 гг. Хабаровский край сократил численность своего населения на 277,2 тыс. чел., в том числе за счет миграции – на 177,8 тыс. чел. (64,1 %). Миграция из фактора прироста численности населения превратилась в фактор его сокращения.

Наиболее предпочтительным для выезжающих из ДФО центром притяжения в России является ЦФО, куда в 2010 г. выехало 30,9 % от общего числа дальневосточников, участвующих в миграционном обмене с другими регионами России, 15,2 % – в ЮФО. Эти же федеральные округа привлекают к себе и жителей, покидающих Хабаровский край: в 2010 г. в Центральный округ выехало 32,3 % от общего числа предпочитающих жить в другом регионе России, в ЮФО – 18,1 %. Если в обмене населением Дальневосточного округа в целом с субъектами Российской Федерации результативность миграции в 2010 г. составляла 26 чел. выбывших на 10 прибывших, то с ЦФО этот показатель составил 44 чел., с С-ЗФО – 39 чел. и ЮФО – 36 чел.³. Для Хабаровского края этот показатель составляет соответственно 25 чел., 42 чел., 34 чел. и 37 чел. Такая ситуация вызвана неравенством регионов страны в социально-экономических условиях и комфортности проживания.

Поскольку миграционное взаимодействие с регионами России для Дальневосточного региона и его субъекта – Хабаровского края имеет отрицательный эффект, то в роли замещающей может выступать только миграция из стран Ближнего зарубежья. Но, если говорить о ресурсах русскоязычного населения, то они почти исчерпаны – из 25 млн. русскоязычных в бывших республиках СССР, по экспертным оценкам, их численность в настоящее время не превышает 1,5–2 млн. человек, которые при переезде в Российскую Федерацию вряд ли выберут целью назначения субъекты Дальнего Востока⁴.

Тем не менее, миграционное взаимодействие с отдельными странами СНГ имеет для ДФО, пусть незначительное, но все же положительное значение и высокую результативность миграции благодаря

превышению числа прибывших над выбывшими.. В 2010 г. страны Ближнего зарубежья дали Дальнему Востоку 2888 чел., Хабаровскому краю – 429 чел. (табл. 2)

Таблица 2. Объемы и результативность миграционного взаимодействия Дальнего Востока со странами ближнего зарубежья в 2010 г, чел.⁵

Страны СНГ и Балтии	Прибывшие		Выбывшие		Результативность миграции*	
	Дальний Восток	Хабаровский край	Дальний Восток	Хабаровский край	Дальний Восток	Хабаровский край
ДФО	4740	1050	1852	621	3,9	5,9
Азербайджан	407	109	100	44	2,5	4,0
Армения	451	96	55	20	1,2	2,1
Белоруссия	142	26	370	108	26,1	41,5
Грузия	30	12	4	-	1,3	+**
Казахстан	322	78	174	39	5,4	5,0
Киргизия	778	114	74	25	1,0	2,2
Латвия	4	-	3	-	7,5	-
Литва	2	1	8	-	40,0	+
Молдавия	193	27	46	16	2,4	5,9
Таджикистан	447	151	36	10	0,8	0,7
Туркмения	17	8	-	-	0,0	+**
Узбекистан	895	204	81	67	0,9	3,3
Украина	1048	221	901	292	8,6	13,2
Эстония	4	3	-	-	0,0	+**

*соотношение на десять прибывших чел. выбывших; ** выбывших не зарегистрировано, миграционный прирост со знаком плюс

Результативность миграционных связей со странами СНГ и Балтии в 2010 г. в Хабаровском крае была ниже, чем в Дальневосточном регионе в целом. Но динамика миграционного партнерства неоднозначна по отдельным странам СНГ и Балтии. Миграционное взаимодействие с Белоруссией как в целом для Дальнего Востока, так и для Хабаровского края постоянно происходит в пользу этой бывшей союзной республики; незначительное, но все же отмечается положительное сальдо миграции во взаимодействии федерального округа с Украиной, а для Хабаровского края этот миграционный поток имеет отрицательную результативность. Положительная и достаточно высокая результативность миграционных связей у региона и Хабаровс-

кого края с Таджикистаном, Узбекистаном, Киргизией и Арменией. На 10 чел прибывших из них убывает в обратном направлении от 0,7 до 3,3 человек. Таким образом, миграция становится все более инкультурной: той славянской миграции, которая была прежде, уже нет и, как показывает практика, не будет. Однако заметим, что и среднеазиатские резервы не бесконечны. Так, миграционный прирост в 2010 г. по Дальнему Востоку составил 42,7 % от уровня 2008 г., в Хабаровском крае – 38,7 %. Происходит и снижение результативности миграции с указанными среднеазиатскими странами: в Хабаровском крае в 2008 г. она составляла 0,5 чел., в 2010 г. – 2,2 чел., хотя миграционное сальдо с названными среднеазиатскими странами составляло в 2010 г. 85,5 % от общего показателя миграционного взаимодействия со странами СНГ и Балтии. Национальных представителей Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана, по данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в Хабаровском крае стало в 2,4 раза больше, чем было их зарегистрировано по переписи 2002 г.: соответственно 2346 и 5586 человек. Доля лиц этих национальностей в общей численности населения края также увеличилась вдвое: 0,2 % и 0,4 %. При этом, если, по данным переписи 2002 г., не владело русским языком только 2,5 % от общего числа проживающих в Хабаровском крае киргизов, таджиков и узбеком, то перепись 2010 г. зарегистрировала 9,2 % лиц указанных национальностей, не владеющих русским языком. Кроме того, представляется немаловажным, что мигранты из бывших советских среднеазиатских республик (Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана), пребывая на территории Хабаровского края и указывая в период проведения переписи населения национальность, сохранили свою принадлежность к гражданству своей страны, по данным Всероссийской переписи населения 2010 г., 47,3 % против 33,2 %, по данным переписи 2002 г. При этом заметим, что в структуре населения русских стало между последними двумя переписями на 8,3 % меньше, что обусловлено их миграционным оттоком за пределы края, и их доля снизилась в общей численности населения с 89,8 % до 88,1 %⁶.

Таким образом, складывающаяся миграционная ситуация может способствовать существенному изменению национального состава в структуре перспективной численности населения, если к тому же учесть, что для Дальнего Востока и его субъекта – Хабаровского края имеет положительное значение и увеличивающее результативность миграционное взаимодействие с другими странами СНГ (Арменией, Азербайджаном) и Дальнего зарубежья (преимущественно с Китаем,

результативность обмена с которым в 2010 г. в сравнении с 2002 г увеличилась в 2,8 раза – на десять прибывших в 2010 г. 3,9 чел. выбывших). Поэтому сколько бы ни приходилось рассчитывать на миграцию для увеличения демографического потенциала региона и обеспечения трудовыми ресурсами рынка труда, важно сохранить местное население.

Примечания:

1. Паспорт Хабаровского края 1990–2001 годы / Госкомстат России. Хабаровский краевой комитет государственной статистики. – Хабаровск, 2002. – С. 60; Паспорт Хабаровского края. 1999–2010 годы. Стат. сб. / Хабаровскстат. – Хабаровск, 2011. – С. 57, 58.

2. Российский статистический ежегодник. 2011: Стат. сб. / Росстат. – М., 2011. – С. 118–123.

3. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2010 г. Стат. бюлл. ФСГС. – М., 2011. – С. 42.

4. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. В 14 т. / Федер. служба гос. статистики. Т. 4. Кн. 1. Национальный состав и владение языками, гражданство – М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. – 847 с.

5. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2010 г. Стат. бюлл. ФСГС. – М., 2011. – С. 48, 50; Миграция населения Хабаровского края в 2010 году. Статистический сборник: Стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю – Хабаровск, 2011. – С. 22.

6. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: В 14 т. / Федер. служба гос. статистики. Т. 4. Кн. 2. Национальный состав и владение языками, гражданство – М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. – С. 115; Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: В 14 т. / Федер. служба гос. статистики. Т. 4. Кн. 2. Национальный состав и владение языками, гражданство. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. – С. 2058; Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: В 11 т. / Федер. служба гос. статистики. Т. 4. Кн. 1. Национальный состав и владение языками. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. – С. 134, 135; Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: В 11 т. / Федер. служба гос. статистики. Т. 4. Кн. 2. Национальный состав и владение языками, гражданство. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. – С. 2088.

Баротов Т. М. (Оренбург)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТАДЖИКСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

По данным Всероссийской переписи населения 2002 г., официальная численность таджиков в Оренбургской области составила 2455 человек, а реальное количество превысило 4000 жителей. В этой свя-

зи несколько таджикистанцев собрались и подали идею о создании в регионе собственного национально-культурного объединения. В итоге в сентябре 2003 г. была зарегистрирована Оренбургская региональная общественная организация таджикистанцев «Вахдат» («Единство»). В апреле 2004 г. мы провели её презентацию в Областном краеведческом музее, где присутствовали активисты и представители государственных структур Таджикистана – начальник управления и председатель Хукмата (администрации) Горно-Бадахшанской автономной республики. В 2005 г. всех председателей региональных таджикских организаций России собрали в Самаре на совещание во главе с первым заместителем Посла Республики Таджикистан в РФ. Для создания федеральной таджикской национально-культурной автономии нас попросили максимально активизировать работу по организации наших низовых объединений в городах и районах. Поэтому в 2006 г. мы учредили в Оренбурге как областном центре городскую общественную организацию таджикистанцев «Национально-культурный центр «Хамшахриён» («Земляки»)). В 2007 г. численность таджиков во втором по величине городе региона, Орске превысила 500 человек. В связи с этим мы образовали там местную таджикскую национально-культурную автономию. На её презентации присутствовал и мэр города Орска Юрий Александрович Берг, который в настоящее время является Губернатором Оренбургской области. Следом, в том же 2007 г. была учреждена вторая местная автономия в Оренбурге, а к концу года создана региональная таджикская национально-культурная автономия.

Она защищает интересы всех таджиков и таджикистанцев, находящихся в Оренбуржье. Официально по переписи 2010 г., здесь было учтено 4093 человека таджикской национальности и 6 памирцев. Но по нашим оценкам, реально в Оренбургской области постоянно проживают от 12000 до 12500 выходцев из Таджикистана. От 5000 до 6000 человек ежегодно приезжают в регион на заработки в весенне-осенний сезон.

Основными целями деятельности их региональной автономии являются содействие сохранению самобытности, развитию языка, образования, национальной культуры таджикского народа, укрепление межнациональных связей и дружбы между народами.

Ежегодно на основе плана работы, утвержденного членами Правления, мы проводим в городах Оренбурге и Орске совместно с другими национальными организациями праздники «Иди Навруз» и

«Иди Курбан», участвуем в областном фестивале национальных культур «Венок дружбы», отмечаем День независимости Республики Таджикистан, откуда приглашаем на свои мероприятия отдельных музыкантов и творческие коллективы. Эти акции посещают от 100 до 250 наших земляков, не считая приглашенных гостей. Средства для проведения наших мероприятий собирают местные таджикские предприниматели.

Для решения вопросов регистрации по месту проживания, миграционного учёта, трудоустройства и грамотного составления договоров с работодателями мы организовали «Центр помощи мигрантам», который работает уже четвёртый год по адресу: г. Оренбург, улица Советская, дом 59. Взаимоотношения с правоохранительными органами помогает регулировать полковник полиции в отставке Наим Нумонович Яхъев, который является членом Совета ветеранов при УВД по Оренбургской области. Кроме того, мы сотрудничаем с Посольством Таджикистана и его Генеральными консульствами в Москве, Уфе и Екатеринбурге, которые оказывают землякам содействие в получении свидетельств для возвращения на родину в случаях утраты или истечения срока действия паспортов.

В ближайших планах таджикской региональной автономии – открытие собственного национально-культурного центра, которое состоится 23 августа 2013 г. по адресу: г. Оренбург, ул. Липовая, 2/2. На него будут приглашены руководство Оренбургской области и города Оренбурга, Республики Таджикистан, посол и генеральные консулы, а так же руководители национальных организаций региона. В дальнейшем предполагается построить на этой же территории музей таджикской национальной культуры с инфраструктурными объектами. Так же Оренбургская региональная таджикская автономия со второй половины 2013 г. собирается выпускать на русском языке собственную газету «Согдиана», в которой будет освещаться жизнь местной диаспоры и работа её организаций.

Главными проблемами таджикского населения в Оренбургской области среди мигрантов остаются изучение русского языка и поиск работы. Для таджиков, являющихся гражданами Российской Федерации, наиболее остро стоят проблемы жилья, обучения и устройства детей в детские сады и школы. В решении этих вопросов таджикская диаспора Оренбуржья надеется на поддержку органов государственной власти и местного самоуправления.

РАБОТА РЕГИОНАЛЬНОЙ УЗБЕКСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПО СОДЕЙСТВИЮ СООТЕЧЕСТВЕННИКАМ НА ТЕРРИТОРИИ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., на территории Оренбургской области проживали 4964 узбека. К настоящему времени уже более 5 тысяч выходцев из различных уголков Узбекистана получили в Оренбуржье гражданство Российской Федерации. В основном они заняты в сферах услуг, строительства, торговли, узбекская молодежь получает российское образование в техникумах и вузах города Оренбурга.

Для объединения усилий региональной диаспоры в декабре 2010 г. была учреждена, а через 2 месяца, в феврале 2011 г. официально зарегистрирована Министерством юстиции РФ Оренбургская областная общественная организация «Узбекский общественный центр «Соотечественники+»». Главными целями его работы являются: защита прав и интересов узбекистанцев, оказание социально-психологической помощи, удовлетворение этнических и духовных потребностей населения, изучение и сохранение культурного наследия узбекского народа, формирование толерантного сознания, содействие развитию мирного сосуществования, сотрудничества, уважения и взаимопонимания узбекского народа с другими национальностями Оренбургского края.

Исторически доказано, что узбекский народ – мирный, дружелюбный, трудолюбивый, терпеливый, душевно щедрый, гостеприимный, талантливый. Его древняя, уникальная, самобытная культура является частью общемировой культуры. И наш народ щедро делится своими духовными богатствами с народами многонационального Оренбуржья. Всего за 2 года своего существования региональная узбекская организация ярко и убедительно заявила о себе в общественной и культурной жизни города проведением разнообразных мероприятий. Среди них:

- традиционный Навруз – народный праздник Нового года с его красивыми обрядами, традициями и щедрым достарханом;
- ежегодная праздничная программа «Венок дружбы»;
- активное участие в проведение городских праздников;
- праздничный концерт, посвященный поэту Алишеру Навои с

участием примадонны узбекской эстрады Юлдуз Усмановой, и артиста театра эстрады Абида Асамова,

- участие в различных гуманитарных и культурных акциях.

Все эти мероприятия собирают большие аудитории многонационального Оренбуржья.

Настоящим домом дружбы стала Центральная городская библиотека им. Н. А. Некрасова, где работает Центр национальных культур «Все культуры в гости к нам». Наша организация плодотворно сотрудничает с «Некрасовкой». Творческая узбекская молодежь, активные члены организации являются участниками национальных литературных фестивалей, праздников культуры народов Оренбуржья, поэтических программ, календарных праздников, проводимых в библиотеке. Мы узнаем о культуре других народов и знакомим оренбуржцев с культурой узбекского народа.

Но жизнь не всегда праздник. Есть в ней и будни – радостные и печальные, трудовые и проблемные.

Члены нашей организации добросовестно и ответственно, в рамках законов Российской Федерации подходит к решению этих проблем. Наша организация оказывает помощь соотечественникам практически во всем. Адаптация приехавших к новым условиям жизни, организация изучения русского языка для желающих, юридическая помощь в оформлении и получении документов, поддержка тесных контактов организации с администрацией города и области, управлениями ФМС, УМВД, спецприемниками позволяют решать возникшие проблемы.

Наша организация помогает соотечественникам и в радости при рождении ребенка, свадьбах и в горе, отправляя «груз-200» на родину.

Вопросов, которые требуют совместного решения, много, закрыть глаза на них невозможно, и в этом случае желательна правильная, своевременная, адекватная в рамках закона реакция тех, от кого порой зависит судьба людей.

Вовремя решая эти задачи, мы вместе сможем предотвратить проявления расизма, национализма во всех его формах и проявлениях. А это является главным условием мирного сосуществования народов многонационального Оренбуржья.

Наша организация молодая, неокрепшая и в своем развитии мы опираемся на помощь посольства и консульства Республики Узбекистан в Москве. И принимаем ее с благодарностью. Неоценимую

помощь и поддержку оказывает нам руководство Ассамблеи народов Оренбуржья, а также Аппарат Губернатора и Правительства Оренбургской области.

Нам всего два года, мы работаем на перспективу, и у нас большие планы на будущее – развитие экономического сотрудничества организаций и предпринимателей России и Узбекистана, создание совместного бизнеса, строительство узбекского национального подворья и другие. Все это требует больших усилий, и мы считаем, что все силы должны быть направлены на экономическое и культурное развитие Оренбуржья, которое стало нам родным.

Жандар Уулу Т. (Оренбург)

ОПЫТ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ КЫРГЫЗСКОЙ ОБЩИНЫ ОРЕНБУРЖЬЯ В РАМКАХ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ АВТОНОМИИ

Кыргызская диаспора была организована в общественное объединение в 2003 году. Первоначально оно называлось Оренбургская областная общественная организация «Кыргызский культурно-правовой центр» (ОООО ККПЦ), а ее первым руководителем с 2003 по 2007 годы был Кеденов Абылкасым Кеденович. В 2007 году новым главой диаспоры был избран Нуркулов Жыргалбай Исакович, который руководил организацией до мая 2009 года. После его скоростной кончины на выборах, в которых участвовали все члены кыргызской диаспоры Оренбургской области, 29 июля 2009 года новым лидером общины был определен Жандар уулу Таалайбек. На выборах присутствовал сотрудник Посольства Кыргызской Республики (КР) в Российской Федерации Кожоев Алтынбек, который являлся также и официальным представителем Министерства труда, занятости и миграции КР по Оренбургской области.

По данным Всероссийской переписи населения, к 2010 году численность кыргызов на территории Оренбургской области достигла 688 человек. В том же 2010 году по инициативе правления и большинства диаспоры ОООО ККПЦ была реорганизована в Местную национально-культурную автономию кыргызов Оренбурга «Мекендеш» («Соотечественник»), которая является правопреемником и последователем деятельности предыдущей организации.

Согласно Уставу организации различные мероприятия, посвященные сохранению традиций, культуры и родного языка, нами проводятся ежегодно:

- 21 марта праздник «Нооруз» в ДК «Экспресс» с праздничным угощением и концертной программой, куда приглашаются различные гости и большинство членов диаспоры;

- ежегодно проводим спортивные мероприятия по национальным видам спорта «курош» (борьба на поясах), посвященные Дню Победы 9 мая;

- в августе к профессиональному Дню строителя проводим мероприятия с праздничным столом, куда приглашаются все члены диаспоры, которые трудятся в строительной отрасли;

- 31 августа большой праздник, посвященный Дню Независимости Кыргызской Республики, с концертной программой и приглашением артистов из Кыргызстана в ДК «Экспресс»;

- в мае 2011 года совместно с Центральной библиотекой им. Н. А. Некрасова г. Оренбурга провели мероприятие «Свет человечества», посвященное творчеству Ч. Т. Айтматова. Оно становится ежегодной традицией. И Согласно плану работы организации 12 декабря нынешнего года мы снова проведем мероприятие, на этот раз посвященное 85-летию со дня рождения Ч. Т. Айтматова.

Помимо этого, мы принимаем активное участие во всех мероприятиях, проводимых администрацией города и области.

Необходимость образования диаспоры была вызвана тем, что с конца 90-х годов резко увеличилось число переселенцев, а также трудовых мигрантов из Кыргызстана. Первые этнические кыргызы прибыли в Оренбург еще во времена Советского Союза для обучения и получения специальностей. Однако основной поток кыргызстанцев начал прибывать в область с конца 90-х годов.

После распада СССР и в Кыргызстане тоже сложилось тяжелое социально-экономическое положение, что вызвало увеличение миграции в России. Оренбургская область является приграничным регионом, и основные транспортные артерии из Средней Азии проходят через Оренбург, что стало благоприятным фактором для трудовой деятельности. Люди приезжали с разных регионов Кыргызстана и начали работать в различных сферах.

В те времена самой благоприятной деятельностью являлась торговля, и развитие челночного бизнеса позволило многим кыргызстанцам занять свою нишу в этой отрасли и получить единственный

источник доходов. Как раз в те времена были заложены первые шаги для организации уличной торговли, и рынок «Локомотив» является результатом этой деятельности.

Учитывая приграничный статус Оренбургской области, а также большое количество трудовых мигрантов из Кыргызстана, прибывающих в регион либо использующих его для транзита, фактически ежедневно возникают проблемы, связанные с нарушением прав граждан, пересекающих государственную границу России. Все эти граждане со своими проблемами и вопросами обращались в местную диаспору. Поскольку она имеет статус общественной организации и не располагает необходимыми финансовыми средствами, то решала эти вопросы по мере своих возможностей.

Эту проблему мы поднимали на различных уровнях, сообщали в компетентные органы Кыргызской Республики. В итоге, в 2011 году при содействии Международной ассоциации кыргызских диаспор «Замандаш» была организована служба, оказывающая бесплатную юридическую и иную помощь. За неполные 2 года работы более 600 граждан Кыргызстана получили конкретную адресную помощь в оформлении документов из Посольства КР (свидетельств о временной регистрации, вкладышей на гражданство на детей), в легализации граждан, в покупке железнодорожных билетов для возвращения на Родину, в нахождении адвокатов и переводчиков, в предоставлении нуждающимся временного жилья.

На сегодняшний день данная служба активно сотрудничает с ФМС, МВД, с пограничной и другими службами.

В 2012 году в Оренбургскую область был назначен специальный представитель Аппарата Омбудсмана КР по Оренбургской области.

Охват данной юридической службы не ограничивается Оренбургской областью, за помощью обращаются соотечественники и из других регионов России. Можно вспомнить и наиболее резонансные случаи:

1. В 2011 году более 40 граждан Кыргызстана по вине недобросовестных предпринимателей оказались в рабских условиях, без документов, без денег в Пермском крае. Благодаря непосредственно нашему вмешательству, а также при финансовой поддержке ассоциации «Замандаш» данные граждане были благополучно возвращены на Родину в Кыргызстан, благодаря чему удалось избежать жертв со стороны трудовых мигрантов.

2. В апреле 2012 года поступила информация из г. Краснодара о том, что на одном из строительных объектах незаконно содержатся на протяжении длительного времени граждане Кыргызстана. Данные граждане из-за недобросовестных работодателей и неизвестных посредников оказались на нелегальном положении, вследствие чего трудились в рабских условиях без какой-либо возможности получить на руки документы и выехать в Кыргызстан. Благодаря нашей помощи всем этим гражданам были возвращены или восстановлены документы и оказана помощь в возвращении на Родину.

Диаспора на местном уровне оказывает всяческое содействие для получения разрешений на работу либо патентов для граждан Кыргызстана, консультирует граждан, желающих получить вид на жительство или разрешение на временное пребывание, проводит необходимую разъяснительную работу среди своих членов в рамках профилактики и противодействия экстремизму и радикальным религиозным течениям, а также ведет воспитательную работу среди молодого и подрастающего поколения для более успешной социализации и интеграции в российское общество.

В 2012 году на базе спортивного отдела нашей организации был сформирован футбольный клуб «Мекендеш», который стал постоянным членом Оренбургской федерации мини-футбола, участвует во всех проводимых турнирах и занимает призовые места. В 2013 году на базе футбольного клуба «Мекендеш» образована футбольная команда «Жаштык-Оренбург», которая на постоянной основе выступает в Футбольной любительской лиге Оренбургской области.

На сегодняшний день на рынке «Локомотив» трудится более 200 индивидуальных предпринимателей, а также около 400 членов нашей диаспоры, занятых в других сферах, которые являются активной частью кыргызской диаспоры. Поскольку для граждан Кыргызстана существовал упрощенный порядок принятия российского гражданства по межправительственным соглашениям России и КР 1996 г. и 1999 г, на сегодняшний день более 90 % кыргызской диаспоры являются гражданами Российской Федерации.

Учитывая дружеские и стратегические отношения между странами, а также позицию Кыргызстана на вступление в Таможенный союз и Единое экономическое пространство, за последние годы существенно активизировались контакты двух государств.

Поскольку Оренбург является транспортным узлом, соединяющим Среднюю Азию с центральной частью России и с Москвой, а

наибольшее число граждан Кыргызстана (более 400 тыс.) пересекает российскую границу именно по территории Оренбургской области, при обоюдном согласии руководства двух государств было решено создать официальное представительство Консульства КР в регионе. Первым этапом реализации этой инициативы станет открытие института почетного консульства Кыргызской Республики, которое планируется в течение текущего 2013 года.

Сведения об авторах

Амелин Веналий Владимирович – доктор исторических наук, профессор, директор НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета (г. Оренбург).

Байгулова Айслу Калиевна – студентка 1 курса направления подготовки «Менеджмент» (профиль «Производственный менеджмент») Оренбургского государственного аграрного университета (г. Оренбург).

Баротов Толиб Мамурович – руководитель Оренбургской региональной таджикской национально-культурной автономии (г. Оренбург).

Брежнева Светлана Николаевна – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой «Отечественная история и правоведение» Поволжского государственного университета сервиса (г. Тольятти).

Бугай Николай Фёдорович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН (г. Москва).

Габдулгафарова Ильгиза Мухаметгалеевна – кандидат философских наук, доцент кафедры истории Отечества и социально-политических теорий ОГПУ, директор Общественного института истории народов Оренбуржья им. М. Джалиля (г. Оренбург).

Герфанова Эльвира Шамилевна – студентка 1 курса направления подготовки «Менеджмент» (профиль «Производственный менеджмент») Оренбургского государственного аграрного университета (г. Оренбург).

Гришакова Лариса Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры связей с общественностью Оренбургского государственного университета (г. Оренбург).

Джамбаулова Г. – магистрант Атырауского государственного университета им. Х. Досмухамедова (г. Атырау, Казахстан).

Додхудоева Лариса Назаровна – доктор исторических наук, зав. отделом этнографии Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан (г. Душанбе, Таджикистан).

Дубовицкий Виктор Васильевич – доктор исторических наук, профессор, зав. отделом истории науки и техники Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан (г. Душанбе, Таджикистан).

Жандар Уулу Таалайбек – руководитель Местной национально-культурной автономии кыргызов г. Оренбурга «Мекендеш» («Соотечественники») (г. Оренбург).

Злобин Юрий Петрович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник НИИ истории и этнографии Южного Урала, зав. кафедрой истории России Оренбургского государственного университета (г. Оренбург).

Камалов Абдулла Худайбергенович – руководитель Оренбургской областной общественной узбекской организации «Узбекский общественный центр «Соотечественники+»» (г. Оренбург).

Кулагин Дмитрий Владимирович – вице-губернатор – заместитель Председателя Правительства Оренбургской области – руководитель Аппарата Губернатора и Правительства Оренбургской области (г. Оренбург).

Лутцев Михаил Вячеславович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Оренбургского государственного аграрного университета (г. Оренбург).

Люкшина Ирина Викторовна – кандидат исторических наук, начальник отдела использования и публикации документов ГБУ «Центр документации новейшей истории Оренбургской области» (г. Оренбург).

Матвиевская Галина Павловна – доктор физико-математических наук, профессор кафедры алгебры, геометрии и истории матема-

тики Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург).

Мотрич Екатерина Леонидовна – доктор экономических наук, старший научный сотрудник, зав. сектором проблем социального развития Института экономических исследований Дальневосточного отделения РАН (г. Хабаровск).

Панина Татьяна Сергеевна – директор Государственного бюджетного учреждения «Центр документации новейшей истории Оренбургской области» (г. Оренбург).

Семёнов Владимир Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент, зам. зав. кафедрой истории Отечества и социально-политических теорий Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург).

Смирнова Анастасия Борисовна – студентка 1 курса направления подготовки «Менеджмент» (профиль «Производственный менеджмент») Оренбургского государственного аграрного университета (г. Оренбург).

Тукешева Назгуль Мукатаевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель Западно-Казахстанского государственного университета им. М. Утемисова (г. Уральск, Казахстан).

Ушкевич Ксения Игоревна – студентка 3 курса факультета журналистики Оренбургского государственного университета (г. Оренбург).

Хисамутдинова Равиля Рахимьяновна – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории и методики преподавания истории и обществознания Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург).

Шмыров Борис Данилович – аспирант кафедры новейшей истории России Челябинского государственного университета (г. Челябинск).

Содержание

<i>Д. В. Кулагин (Оренбург)</i> Приветственное слово	3
<i>Ю. П. Злобин (Оренбург)</i> Начальный этап формирования среднеазиатских диаспор в Оренбургском крае в XVIII–XIX веках	6
<i>С. Н. Брежнева (Тольятти)</i> Из истории установления дипломатических и торговых отношений России с государствами Средней Азии	14
<i>Н. М. Тукешева (Уральск, Казахстан)</i> Оренбургский Меновой двор как центр пограничной торговли с казахами Младшего Жуза в работах российских исследователей XVIII–XIX вв.	23
<i>Г. П. Матвиевская (Оренбург)</i> Оренбург и отношения России с Бухарой в XIX в. (Миссия Негри)	32
<i>В. Г. Семёнов (Оренбург)</i> Участники миссии 1842–1843 гг. в Хиву – Г. И. Данилевский и Е. Н. Зеленин	36
<i>В. В. Амелин (Оренбург)</i> Таджики в Оренбургском крае	44
<i>Н. Ф. Бугай (Москва)</i> Турки-месхетинцы, курды, хемшины – мигранты Средней Азии в России. 1990–2012 гг.	51
<i>Л. Н. Додхудоева (Душанбе, Таджикистан)</i> Сведения по этнической истории народов Центральной Азии (неопубликованные этнографические материалы)	59

<i>Т. С. Панина (Оренбург)</i> Некоторые особенности хозяйства, быта, материальной культуры киргизского народа	71
<i>И. М. Габдулгафарова (Оренбург)</i> Ум народа (на примере узбекских, киргизских, таджикских пословиц, мудрости их поэтов)	80
<i>Л. Н. Додхудоева (Душанбе, Таджикистан)</i> Личный архив М. С. Андреева в Академии наук Таджикистана	84
<i>Р. Р. Хисамутдинова (Оренбург)</i> Вклад среднеазиатских народов в победу над фашистской Германией	97
<i>И. В. Люкшина (Оренбург)</i> Привлечение и использование среднеазиатских кадров в промышленности Чкаловской области в 1942–1943 гг. по документам ГБУ «ЦДНННО»	111
<i>Б. Д. Шмыров (Челябинск)</i> Труدمобилизованные Средне-Азиатского военного округа на объектах промышленности и строительства Чкаловской области в 1943–1944 гг.	117
<i>М. В. Лутцев (Оренбург)</i> Россия в Центральной Азии: цивилизатор или колонизатор?	126
<i>А. Б. Смирнова (Оренбург)</i> Средняя Азия и Россия: к вопросу о взаимовлиянии	137
<i>В. В. Дубовицкий (Душанбе, Таджикистан)</i> Основные факторы формирования и особенности функционирования таджикской диаспоры в Поволжье и на Южном Урале	140

<i>Л. В. Гришакова, К. И. Ушкевич (Оренбург)</i> Трудовая миграция из стран Центрально-азиатского региона в Оренбургскую область: проблемные аспекты	148
<i>А. К. Байгулова (Оренбург)</i> Характеристика трудовой миграции из Средней Азии в Россию	153
<i>Э. Ш. Герфанова (Оренбург)</i> Миграция населения из Таджикистана в советский и постсоветский периоды	156
<i>Г. Джамбаулова (Атырау, Казахстан)</i> Проблемы оралманов Казахстана и возможные пути их адаптации в новых условиях	158
<i>Е. Л. Мотрич (Хабаровск)</i> Трудовая миграция в Хабаровском крае	163
<i>Т. М. Баротов (Оренбург)</i> Деятельность таджикских общественных организаций в Оренбургской области	169
<i>А. Х. Камалов (Оренбург)</i> Работа региональной узбекской организации по содействию соотечественникам на территории Оренбургской области	172
<i>Т. Жандар Уулу (Оренбург)</i> Опыт решения проблем кыргызской общины Оренбуржья в рамках национально-культурной автономии	174
Сведения об авторах	179

Научное издание

**ФОРМИРОВАНИЕ И СОВРЕМЕННОЕ
ПОЛОЖЕНИЕ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ
ДИАСПОР В РОССИИ**

*Материалы Международной
научно-практической конференции*

ISBN 978-5-4417-0344-4

Формат 100x70¹/₁₆. Бумага писчая.

Усл. печ. листов 11,625. Тираж 500 (1-й завод 200). Заказ 325.

Подписано в печать 25.12.2013 г.

Цена свободная.

ООО ИПК «Университет»
460007, г. Оренбург, ул. М. Джалиля, 6.
E-mail: ipk_universitet@mail.ru
Тел./факс: (3532) 90-00-26